

Рукавишников П.П.

**Отказ
государственного
обвинителя
от обвинения
в российском
уголовном
судопроизводстве**

Издательство «Юрлитинформ»

П.П. Рукавишников

**ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Издательство «Юрлитинформ»

Москва

2010

УДК 343.135(470)

ББК 67.411

Р84

Автор:

Рукавишников П.П. — кандидат юридических наук, судья Иркутского областного суда.

Научный редактор:

Смолькова И.В. — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Рецензенты:

Гуськова А.П. — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Азаров В.А. — заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Рукавишников П.П.

Р84 **Отказ государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве.** Монография. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. — 240 с.

ISBN 978-5-93295-569-7

Книга является комплексным монографическим исследованием отказа государственного обвинителя от обвинения как субинститута уголовно-процессуального права, а также как процессуальной деятельности прокурора, проведенном на основе его исторического анализа и современного уголовно-процессуального законодательства. Автором разработан ряд теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование правового регулирования порядка отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов, научных сотрудников, а также практических сотрудников органов уголовной юстиции.

УДК 343.135(470)

ББК 67.411

ISBN 978-5-93295-569-7

© Рукавишников П.П., 2010
© Издательство «Юрлитинформ», 2010

Предисловие

В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа.

Отказ государственного обвинителя от обвинения, между тем, не является новеллой для российского уголовного судопроизводства. Впервые полномочие отказаться от необоснованного обвинения было закреплено за прокурором еще в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Так, А.Ф. Кони в этой связи отмечал, что «обязанность прокурора, находящего оправдания подсудимого уважительными, не поддерживать обвинительный акт, опровергнутый судебным следствием, заявив о том суду по совести, являет собою одно из лучших выражений того духа живого беспристрастия, который желали упрочить в судебной деятельности составители Судебных уставов»¹.

Отказ государственного обвинителя от обвинения в современном российском уголовном процессе вытекает из социальной ценности уголовного судопроизводства, заключающейся в том, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных (ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Отказ от обвинения в этой связи необходимо рассматривать как важный процессуальный механизм, реализующий назначение уголовного судопроизводства в части недопущения уголовного преследования невиновных, что, с одной стороны, является неотъемлемым признаком состязательного типа уголовного процесса, а, с другой, обеспечивает в ходе судебного производства по уголовному делу должный баланс интересов государства и личности, подвергнутой

¹ *Кони А.Ф.* Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 140.

уголовному преследованию, а также лиц и организаций, потерпевших от преступления.

Внесение законодателем изменений и дополнений в УПК РФ Федеральными законами № 87-ФЗ и № 90-ФЗ предопределило изменение характера взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Прокурор, традиционно являвшийся полноправным руководителем уголовного преследования как в досудебном, так и в судебном производстве, утратил значительную часть своих полномочий, что не могло не сказаться на качестве предварительного расследования, а в результате и на эффективности поддержания государственного обвинения в суде. Лишение прокурора права отказаться полностью или частично от обвинения при утверждении обвинительного заключения повлекло повышение правового значения возможности реализации им данного полномочия в судебных стадиях производства по уголовному делу.

Между тем на законодательном уровне регламентация порядка отказа государственного обвинителя от обвинения осуществлена недостаточно полно. Так, в УПК РФ не закреплены такие важные аспекты процедуры заявления государственным обвинителем отказа от обвинения, как процессуальная форма отказа, порядок согласования государственным обвинителем своей позиции с прокурором, правовые последствия такого отказа для других участников судебного разбирательства. Кроме того, в науке уголовно-процессуального права не проведено разграничения между частичным отказом государственного обвинителя от обвинения и изменением обвинения; не проанализировано соотношение отказа от обвинения с другим смежным правовым явлением — корректировкой обвинения государственным обвинителем.

Концептуальным вопросом, представляющим значительный интерес в аспекте исследуемой проблемы, является вопрос о необходимости получения согласия потерпевшего на отказ государственного обвинителя от обвинения как обязательного условия для прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования). Не менее важной в этой

связи представляется и проблема предоставления потерпевшему в результате отказа государственного обвинителя от обвинения права на субсидиарное обвинение.

Все вышеизложенное требует проведения глубокого, всестороннего, с учетом историко-правового анализа, исследования, которое позволит переосмыслить сущность отказа государственного обвинителя от обвинения, и, как следствие, сформулировать предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего порядок такого отказа в российском уголовном судопроизводстве.

Глава I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ И НАУЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§1. Возникновение правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода

Рассмотрение исторических предпосылок и закономерностей формирования законодательства, регламентирующего отказ государственного обвинителя от обвинения, необходимо осуществлять исходя из того, что данное правовое явление могло появиться, во-первых, исключительно в условиях состязательного типа уголовного судопроизводства, в котором функции обвинения и разрешения уголовного дела отделены друг от друга, а во-вторых, в таком состязательном типе уголовного судопроизводства, в котором обвинение лица, совершившего преступление, перед судом осуществлялось не самим пострадавшим от преступления, а особым должностным лицом, уполномоченным на то государством, то есть государственным обвинителем.

Прежде чем приступить к рассмотрению основных исторических закономерностей формирования правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве, представляется необходимым попытаться установить, в какое время и в каком государстве данное полномочие государственно-обвинителя возникло впервые.

В.С. Зеленецкий, один из наиболее фундаментальных исследователей проблем отказа государственного обвинителя от обвинения,

отмечал, что «впервые отказ прокурора от обвинения получил правовую регламентацию в буржуазном законодательстве»¹ и со ссылкой на М.А. Чельцова указывал, что по Уставу уголовного судопроизводства Норвегии 1887 г. прокурору было предоставлено право «отказаться в судебном заседании от обвинения во всех случаях, когда он признает нецелесообразным применение наказания»². Не останавливаясь на том, что в современном праве данное диспозитивное полномочие прокурора можно рассматривать как основанную на принципе целесообразности «альтернативу уголовному преследованию»³, а не как отказ от обвинения, следует усомниться в корректности самого вывода о месте и времени возникновения исследуемого правового явления.

По мнению С. Боярова, формирование правовых положений об отказе прокурора от обвинения относится к 1166 г., когда король Англии Генрих II в Кларендоне устроил показательный суд, ставший прообразом суда присяжных. На указанном суде вместо оправдательного вердикта, которого ожидал Генрих II, присяжные вынесли обвинительный⁴. Между тем, как представляется, факт создания суда присяжных, которые приняли вердикт, отличающийся от воли короля, сомнительно рассматривать в качестве отказа от обвинения, тем более, отказа от обвинения государственного обвинителя, которого на тот момент в английском уголовном судопроизводстве вообще не существовало⁵.

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1979. С. 7.

² Чельцов М.А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. С. 200.

³ См. подр.: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.

⁴ Бояров С. Отказ прокурора от обвинения // Уголовный процесс. 2005. № 4. С. 58.

⁵ «Обвинительные присяжные», или «ассизы», как они назывались в Англии, осуществляли расследование преступления и принимали решение об обвинении лица в совершении преступления, в то время как судебное рассмотрение дела осуществлял Королевский суд, в котором не существовало должности обвинителя (См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. С. 311; История государства и права средневековой Англии VI—XII вв.: Хрестоматия / Сост. А.А. Тесля. Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. ун-та путей сообщения, 2006. С. 107.).

Вместе с тем, возникновение полномочия у государственного обвинителя отказаться от обвинения связано, действительно, с английским правом, в котором «генерал-атторней всегда может выступить от имени короны с заявлением «*nolle prosequi*» (т.е. о нежелательности преследования)»¹. Как отмечает У. Бернам, термин «*nolle prosequi*» «имеет отношение к старинной практике в Англии, в соответствии с которой государственный обвинитель, не желавший продолжать уголовное преследование, делал эту надпись на оборотной стороне обвинительного акта»². Однако в средневековой Англии участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве не было обязательным, а генерал-атторней, являвшийся «главным адвокатом короны» и выступавший в качестве государственного обвинителя на наиболее значимых судебных процессах, пользовался этим правом в рамках своих полномочий надзора за законностью уголовного преследования: «признав незаконным или совершенно необоснованным возбужденное кем бы то ни было обвинение, имел право до самого момента постановления присяжными вердикта предложить суду посредством формулы *nolle prosequi* прекратить уголовное преследование»³; при этом «на практике случаи поддержания обвинения в суде генерал-атторнеем были очень редки»⁴. Специализированная служба поддержания государственного обвинения в судах Англии появилась только в 1879 г. под наименованием Дирекция публичного преследования⁵. В случае отказа Дирекции публичного преследования от возбужденного ею обвинения ее действия могли быть обжалованы «каждым лицом, имеющим право возбудить частное обвинение»⁶. А участие государственных обвинителей в судебных разбирательствах по всем уголовным делам, расследованным

¹ Дженкс Э. Английское право. Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. С. 96—97.

² Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. Вып. 3. С. 455.

³ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 411.

⁴ Там же. С. 412.

⁵ Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г.А. Лемана, 1913. С. 53.

⁶ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 413.

полицией, стало обязательным лишь в 1985 г. вследствие принятия Закона о преследовании за преступления, в соответствии с которым на территории Англии и Уэльса была учреждена Служба государственных («коронных») обвинителей, возглавляемая Директором публичных преследований¹.

В отличие от английского уголовного процесса, в российском уголовном судопроизводстве возникновение правовых положений, предусматривающих право государственного обвинителя отказаться от обвинения, произошло одновременно с появлением института государственного обвинения, что стало результатом Судебной реформы 1864 г.

20 ноября 1864 г. Александром II были подписаны «Судебные уставы», состоявшие из четырех законов: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства², Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. С.В. Познышев так охарактеризовал итог плодотворной работы российского законодателя: «Судебные Уставы представляют собою законодательный памятник, весьма замечательный по глубине и верности положенных в основу его начал, по систематичности изложения, по легкому, простому и вместе с тем изящному языку. В нашем законодательстве нет ни одной части, которая могла бы соперничать с ними в отношении систематичности, простоты и ясности изложения»³. Известный немецкий юрист К. Миттермайер, сравнивая проект Устава уголовного судопроизводства с законодательством Европы, писал, что «он стоит выше даже многих новейших законодательных работ»⁴.

¹ Аларова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Триада Лтд., 1996. С. 21.

² Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. / Отв. ред. Б.В. Виленский. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120—251.

³ Познышев С.В. Указ. соч. С. 4.

⁴ Цит. по: Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб.: Санкт-Петербург. гуман. ун-т, 2004. С. 75 — 76.

Институт государственного обвинения в российском уголовном судопроизводстве был создан на основе уже существовавшего государственного органа — прокуратуры. Как отмечает М.А. Чельцов-Бебутов, «судебные уставы реорганизовали институт прокуратуры по французскому образцу, придав ему в основном характер органа уголовного преследования и государственного обвинения перед судом»¹. Так, ст. 4 УУС предусматривала, что «по уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям, обличение обвиняемых пред судом возлагается на прокуроров и их товарищей». И хотя УУС не использовал понятия «государственный обвинитель», прокурор, поддерживавший обвинение в публичных интересах, являлся именно *государственным* обвинителем, отличавшимся от частного обвинителя, в качестве которого выступал заявитель о преступлении, рассматриваемом мировым судьей (ст. 46 УУС). По указанию М.А. Чельцова-Бебутова, судебное разбирательство в общих судебных установлениях проводилось «с обязательным участием государственного обвинителя — прокурора»². Понятие «обвинитель» в УУС использовалось также в значении «заявитель». Например, ст. 298 УУС предусматривала, что «объявление о преступном деянии, при коем объявитель был очевидцем, может служить достаточным поводом к начатию следствия, хотя бы в виду следователя и не было никаких других улик». Таким образом, составители УУС исходили из того, что «обвинитель» — это всегда частное лицо, пострадавшее от преступления и заявившее о нем в частном (в мировой суд) либо в публичном (в полицию, в прокуратуру или в общие судебные установления) порядке.

Трудно согласиться с мнением Н.А. Кирилловой, которая предлагает периодизацию истории развития правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения начинать с момента формирования органов прокуратуры, то есть с 1722 года. По утверждению самой же Н.А. Кирилловой, для данного периода «при отсутствии со-

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 769.

² Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 786.

стязательного процесса и пассивности роли государственного обвинителя в уголовном процессе, характерно фактическое отсутствие законодательной регламентации права на отказ государственных органов от обвинения»¹. Более того, ни один источник права того времени, в котором содержались уголовно-процессуальные нормы (Артикул воинский 1715 г., Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г., Указ о форме суда 1723 г.²), не предусматривал в уголовном судопроизводстве должности государственного обвинителя.

Согласно УУС первой судебной стадией, на которой прокурор выступал в качестве государственного обвинителя, являлась стадия предания суду. На данной стадии прокурор окружного суда в соответствии со ст. 510 УУС по получении результатов предварительного следствия был обязан дать свое заключение по следующим вопросам:

- 1) подлежит ли дело ведению прокурорской власти;
- 2) произведено ли следствие с надлежащей полнотой и
- 3) следует ли обвиняемого предать суду или же дело о нем должно быть прекращено или приостановлено.

В аспекте исследуемой проблемы наибольший интерес представляет вопрос о том, обладал ли прокурор на стадии предания суду полномочием отказаться от обвинения и прекратить уголовное дело, если приходил к выводу о незаконности или необоснованности поддерживаемого обвинения?

Необходимо отметить, что в случае очевидной неполноты предварительного следствия, «не представляющей возможности составить правильное заключение о существовании дела», прокурор обладал правом «обратить дело к доследованию» (ст. 512 УУС). Вместе с тем, прокурор окружного суда не обладал полномочием прекратить уголовное дело «по неосновательности обвинения или другим законным причинам»; ему было предоставлено только право предложить свое заключение о

¹ Кириллова Н.А. Отказ государственного обвинителя от обвинения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок-ры РФ, 2007. С. 25.

² См.: Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. / Отв. ред. А.Г. Маньков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1986. С. 327—365.

необходимости прекращения уголовного дела окружному суду, «если дело относится к преступлению или проступку, не подвергающему ни лишению, ни ограничению прав состояния», или прокурору судебной палаты, «если предметом дела преступление более важное» (ст. 523 УУС).

Как отмечал И.Я. Фойницкий, в мире на тот момент существовало 2 системы прекращения уголовного дела: «1) французская, по которой дело, раз поступившее в суд, может быть прекращено только судом; усмотрению сторон здесь значение не придается; 2) австрийская — предоставляет обвинителю значительное влияние на судьбу уголовного дела; от его усмотрения зависит как предъявление, так и прекращение уголовного обвинения»¹. В связи с тем, что образцом для отечественного законодателя при составлении УУС послужил французский кодекс уголовного расследования 1808 г.², очевидно, что в основу российской системы прекращения уголовного дела был положен французский порядок.

Однако и окружной суд не обладал всей полнотой власти по прекращению уголовного дела. Так, в случае несогласия окружного суда с мнением прокурора о необходимости прекращения уголовного дела этот вопрос передавался на разрешение судебной палаты (ст. 528 УУС). Как разъяснялось Правительствующим Сенатом, являвшимся в то время высшим судебным органом, «постановление окончательных определений о предании суду или прекращении следствий принадлежит судебным палатам, которые, в качестве высшего обвинительного установления, действуют в этом отношении независимо от прокуратуры»³. Таким образом, в разъяснениях Сената не скрывался обвинительный уклон в деятельности судебной палаты, которая являлась

¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1888. Т. II. С. 43.

² Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 780.

³ Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции / Сост. М.П. Шрамченко, В.П. Ширков. Изд. 7-е, испр. и доп. СПб.: Изд. юрид. Книж. Маг. Н.К. Мартынова, 1916. С. 560.

судом среднего звена в судебной системе государства (ст. 110 Учреждения судебных установлений¹).

В правовой регламентации процедуры рассмотрения представлений прокурора о прекращении уголовного дела судебной палатой в УУС явно прослеживалась реализация такого принципа организации и деятельности прокуратуры, как принцип централизации. Так, согласно ст. 532 УУС прокурор судебной палаты, то есть вышестоящий прокурор, зачитывая заключение прокурора окружного суда, то есть нижестоящего, представлял вместе с тем собственный «взгляд на дело» и предлагал «окончательные свои выводы». Тем самым, прокурор судебной палаты мог и не поддержать представление прокурора окружного суда о прекращении уголовного дела, чем, по сути, ограничивал его процессуальную самостоятельность в решении вопроса об отказе от обвинения.

Особый интерес представляет положение ст. 539 УУС, согласно которому в случае принятия судебной палатой решения о предании суду «обвиняемого, о котором прокурор окружного суда полагал прекратить дело, прокурор палаты может исполнение обязанностей обвинителя поручить кому-либо другому из подведомственных ему лиц прокурорского надзора, или же в особенно важных случаях принять эти обязанности на себя; но он не вправе требовать, чтобы местный прокурор поддерживал обвинение вопреки своему убеждению». Тем самым, уже в УУС было заложено одно из важнейших требований к процессуальной деятельности государственного обвинителя, существующее и в современном уголовном судопроизводстве, — поддержание только такого обвинения, законность и обоснованность которого соответствуют его внутреннему убеждению.

Следует отметить, что в разделе III УУС «О порядке предания суду» не был закреплен перечень оснований, по которым уголовное дело на данной стадии могло быть прекращено судом по собственной инициативе

¹ Учреждение судебных установлений 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-во Гос. Канц., 1867. Ч. III. С. 13—252.

или по представлению прокурора. В нормах данного раздела не содержится и ссылок на основания прекращения уголовного дела, предусмотренные Общими положениями УУС, а именно ст. 16 УУС, согласно которой судебное преследование подлежало прекращению:

- 1) за смертью обвиняемого;
- 2) за истечением давности;
- 3) за примирением обвиняемого с обиженным в указанных законом случаях;
- 4) за высочайшим указом или общим милостивым манифестом, дарующим прощение.

В связи с тем, что перечисленные основания прекращения уголовного дела носили нереабилитирующий характер (в научной литературе того времени они назывались «юридические основания прекращения уголовного дела»¹) и их наличие или отсутствие не могло зависеть от усмотрения прокурора или суда, необходимо предположить, что несогласие прокурора судебной палаты с мнением прокурора окружного суда должно было возникать по поводу прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Возможность прекращения уголовного дела на стадии предания суду по реабилитирующим основаниям вытекает из требований, которые предъявляются УУС к содержанию обвинительного акта, то есть заключения прокурора о предании обвиняемого суду. Так, в соответствии со ст. 520 УУС в обвинительном акте должны быть указаны:

- 1) событие, заключающее в себе признаки преступного деяния;
- 2) время и место совершения сего преступного деяния, насколько это известно;
- 3) звание, имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого;
- 4) сущность доказательств и улик, собранных по делу против обвиняемого;
- 5) определение по закону: какому именно преступлению соответствуют признаки рассматриваемого деяния.

¹ Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М.: ГОРОДЕЦ, 1997. С. 249.

Таким образом, если прокурор на момент составления обвинительного акта не имел юридической возможности обосновать наличие всех вышеперечисленных обстоятельств, то можно было утверждать об отсутствии условий для обвинения лица в совершении преступления¹. Используя современную терминологию, обвинительный акт должен был включать следующие условия обвинения:

- 1) наличие события преступления (п.п. 1—2 ст. 520 УУС);
- 2) наличие состава преступления (п. 5 ст. 520 УУС);
- 3) наличие обвиняемого (п. 3 ст. 520 УУС);
- 4) доказанная причастность обвиняемого к совершению преступления (п. 4 ст. 520 УУС).

Соответственно, отсутствие такого условия обвинения, как наличие обвиняемого, исключало возможность производства по делу еще на стадии предварительного следствия, что вытекало из существа уголовного преследования как индивидуально-определенной деятельности, осуществляемой в отношении конкретного лица (ст. 1 УУС). Отсутствие же иных условий обвинения само по себе необходимо рассматривать как реабилитирующие основания прекращения уголовного дела, о которых должен был заявить прокурор окружному суду в случае их обнаружения при составлении обвинительного акта на стадии предания суду.

В Систематическом комментарии к УУС, подготовленном при участии наиболее авторитетных дореволюционных процессуалистов, к основаниям прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 277 (в ред. от 3 мая 1883 г.), кроме перечисленных в ст. 16 УУС, относились следующие:

- 1) отсутствие признаков преступления или проступка, что рассматривается составителями Комментария как «отсутствие состава преступления», которое «может быть констатировано лишь тогда, когда все релевантные фактические признаки исследованы»;
- 2) необнаружение виновного, что влечет прекращение уголовного дела только «по исчерпанию всех мер розыскания»;

¹ Об условиях обвинения подр. см.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. II. С. 34—40.

3) недостаточность улик, которая, по указанию Сената, должна быть такой, которая «не может быть пополнена, сколько бы следствие ни продолжалось, потому что сами основы следствия и судебного преследования оказались мнимы»;

4) отпадение противоправности и виновности, к которым, в частности, составители Комментария относят малолетство, состояние необходимой обороны, крайней необходимости, исполнения приказа и т.д.¹

Таким образом, в законодательной регламентации полномочий прокурора как государственного обвинителя на стадии предания суду прослеживалось явное ограничение в возможностях по распоряжению обвинением, в частности, в возможности прекращения уголовного дела по своему решению, даже при наличии законных и достаточных к тому оснований. В целом следует констатировать, что на стадии предания суду прокурор в соответствии с УУС не обладал правом отказаться от обвинения; прокурор имел право представить суду свое заключение о необходимости прекращения уголовного дела, окончательное решение о чем принимала судебная палата.

Следующей стадией уголовного судопроизводства являлось судебное следствие. На стадии судебного следствия УУС также не регламентировал возможность прокурора отказаться от обвинения. Более того, на судебном следствии прокурор не имел права предложить суду прекратить уголовное дело даже при наличии соответствующих оснований. Судебное следствие могло включать исследование доказательств судом, а могло быть проведено без исследования доказательств в случае несомненного признания подсудимым своей вины. Так, ст. 681 УУС предусматривала, что «если признание подсудимого не возбуждает никакого сомнения, то суд, не производя дальнейшего исследования, может перейти к заключительным прениям».

Заключительные прения сторон явились новым для российского уголовного судопроизводства и наиболее важным элементом состязатель-

¹ Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий. Вып. III. Ст.ст. 249—594 / Авт. кол.: А.Ф. Кони, В.К. Случевский, Н.С. Таганцев и др.; под общ. ред. М.Н. Гернета. М.: Изд. М.М. Зива, 1914. С. 640—641.

ности, предоставившим дополнительные возможности как для стороны защиты, так и для стороны обвинения выразить перед судом окончательную позицию по рассматриваемому делу. Заключительные прения состояли из обвинительной речи прокурора, из объяснений гражданского истца и из защитительной речи защитника или из объяснений самого подсудимого (ст. 736 УУС). Прокурор как государственный обвинитель в обвинительной речи не должен был «ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющихся в деле доказательств и улик или важности рассматриваемого преступления» (ст. 739 УУС). Как отмечал М.В. Духовской, прокурор «ведет дело ничем не стесняемый, кроме своей совести, как спокойный, беспристрастный орган обвинения... Заботливость редакторов судебных уставов о беспристрастии прокурора была так велика, что они предполагали даже выставить в законе прямое требование, чтобы прокурор не возбуждал своею речью неприязненных чувств к подсудимому. Требование это, впрочем, не вошло в текст закона»¹.

На противоречивость правового положения и задач прокурора в ходе судебного следствия и прений сторон указывали и комментаторы судебных уставов: «Прокурор есть обличитель преступления во имя закона, видам которого осуждение невиновного еще более противно, чем оправдание виновного. Поэтому целью всех действий прокурора должно быть не обвинение, но исключительно раскрытие истины, в чем бы она ни состояла — в виновности или невиновности подсудимого. Правда, прокурор является на суд как обвинитель, но он составляет обвинительный акт и поддерживает во время судебного следствия обвинение не для того, чтобы добиться во чтобы то ни стало осуждения обвиняемого, но единственно для того, чтобы определительным указанием всех представляющихся в деле поводов и оснований к обвинению дать возможность объяснить их с точки зрения защиты, и даже вовсе устранить, если они могут быть опровергнуты»².

¹ Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Изд-во М.В. Клюкина, 1910. С. 322.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-во Гос. Канц., 1866. Ч. II. С. 213—214.

Исходя, со всей очевидностью, именно из такого понимания роли прокурора в суде, составители УУС предусмотрели за прокурором обязанность, если он находил оправдание подсудимого уважительным, «не поддерживая обвинительного акта, опровергнутого судебным следствием, заявить о том суду по совести» (ст. 740 УУС). В системе норм УУС данную норму необходимо рассматривать как обязанность прокурора отказаться от обвинения. В этом же значении указанную норму рассматривали и дореволюционные ученые-процессуалисты.

Так, М.В. Духовской отмечал, что «прокурор может отказаться от обвинения только в том случае, если доказательства и улики, изложенные в обвинительном акте, опровергнуты судебным следствием, но он не может отвергать основательность обвинения в других случаях, т.е. при существовании тех же доказательств и улик, по которым обвиняемый предан суду. Отсюда следует, что прокурор не может заявить своего мнения о невиновности подсудимого, не выслушав еще речи защитника или не приведя в оправдание своего отказа того основания, что обстоятельства дела изменились при судебном следствии. При отказе от обвинения прокурор должен высказать гласно мотивы такого отказа»¹. Таким образом, в науке уголовно-процессуального права уже в то время выдвигалось главное требование к отказу государственного обвинителя от обвинения — мотивированность такого отказа.

Виднейший русский государственный обвинитель А.Ф. Кони полагал, что «составители Судебных уставов мерилom необходимости отказа от обвинения, в возвышенном доверии духовному складу судебных деятелей, поставили единое внутреннее убеждение прокурора, предоставив ему находить побуждение к отказу в голосе его совести»². А.Ф. Кони также указывал на то, что «такой отказ не должен быть поспешным и непродуманным или, точнее говоря, непрочувствованным; точно так же он не может быть голословным и нуждается в мотивиров-

¹ Духовской М.В. Указ. соч. С. 323.

² Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. в 8 т. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 141.

ке»¹. Кроме того, А.Ф. Кони не без оснований рассматривал обязанность прокурора отказаться от обвинения как нравственный императив: «Судебные уставы, создавая прокурора-обвинителя и указав ему его задачу, начертали и нравственные требования, которые облегчают и возвышают его задачу, отнимая у исполнения ее формальную черствость и бездушную исполнительность. Они вменяют в обязанность прокурору отказываться от обвинения в тех случаях, когда он найдет оправдания подсудимого уважительными, и заявлять о том суду по совести, внося, таким образом, в деятельность стороны элемент беспристрастия, которое должно быть свойственно судье... Иными словами, он — говорящий публично судья»².

Другого мнения о роли прокурора в судебном разбирательстве придерживался Н.А. Буцковский, который указывал, что «закон не требует от прокурора действовать подобно судье, который обязан всякое сомнение толковать в пользу подсудимого. Нет ничего непоследовательного в том, что в сомнительных случаях прокурор поддерживает обвинение, несмотря на то, что в качестве судьи он не решился бы произнести осуждения... Если бы прокурор в сомнительных случаях отказывался от поддержки обвинения или объяснял сомнение в пользу подсудимого, то дело представлялось бы в одностороннем виде, неблагоприятном истине»³.

Как отмечал М.А. Чельцов-Бебутов, «хотя по мысли Устава прокурор должен был являться блюстителем закона, не только практика, но и теория царского процесса превращали его в одностороннего обвинителя, который мог поддерживать обвинение и при наличии сомнений в виновности подсудимого»⁴.

Тенденция к формированию у прокурора односторонней обвинительной направленности его деятельности в качестве государственного

¹ Там же. С. 142.

² Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе // Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. С. 41.

³ Буцковский Н.А. Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб.: Тип. Скарятин, 1874. С. 424—425.

⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Указ. соч. С. 787.

обвинителя, как представляется, имела закономерный характер и была обусловлена необходимостью существования в состязательном типе уголовного судопроизводства процессуальной фигуры, функционально противостоящей стороне защиты. Очевидно, что такой фигурой мог быть только прокурор, наделенный властными полномочиями по поддержанию обвинения в судебном разбирательстве. Вместе с тем, прокурор как «блюститель закона» в своей сущности, действительно, должен был быть, по удачному сравнению А.Ф. Кони, нравственным судьей — в том смысле, чтобы до выражения окончательной позиции по делу перед судом определиться самому в виновности или невиновности подсудимого, прийти к внутреннему убеждению в этом.

Внутреннее убеждение прокурора уже тогда было необходимым условием для заявления им отказа от обвинения. В соответствии со ст. 130 Учреждения судебных установлений в своей деятельности прокуроры «действуют единственно на основании своего убеждения и существующих законов». В этой связи А.Ф. Кони полагал, что «чуждые установлению каких-либо формальных рамок, составители Судебных уставов мерилom необходимости отказа от обвинения, в возвышенном доверии духовному складу судебных деятелей, поставили единое внутреннее убеждение прокурора, предоставив ему находить побуждение к отказу в голосе его совести»¹.

Правовые последствия отказа прокурора от обвинения по УУС исключали возможность прекращения уголовного дела. Сам по себе отказ прокурора от обвинения не отменял действие обвинительного акта, являвшегося основанием уголовного преследования лица в судебном порядке. Как указывал М.В. Духовской, в случае отказа государственного обвинителя от обвинения «суд не останавливается в рассмотрении дела, так как отказ этот не уничтожает обвинительного акта, который во всем том, что не опровергнуто судебным следствием, должен служить основанием к постановке решения»².

¹ Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры... С. 141.

² Духовской М.В. Указ. соч. С. 325.

В.К. Случевский в этой связи обращал внимание на то, что отказ прокурора от обвинения не имел какого-либо правового последствия и для стороны защиты: «Ввиду того, что отказ прокурора от предъявленного обвинения, или видоизменение его не имеет обязательного для суда значения, и судом во всяком случае разрешается вопрос о преступном деянии, предусмотренном в обвинительном акте, отказ прокурора или уклонение от первоначального обвинения не должно стеснять защиты и освобождать ее от необходимости возражения против первоначального обвинения (ст.ст. 751 и 752)»¹.

В судебной практике того времени, как отмечал А.Ф. Кони в своих воспоминаниях, «отказы от обвинения были не часты, а в первые годы существования новых судов эти отказы сопровождалась иногда оригинальными последствиями. Так, в 1866 году, когда в стенах Московского окружного суда по делу об убийстве впервые было заявлено товарищем прокурора об отказе от обвинения, окружной суд без дальних околичностей объявил подсудимых свободными от суда, предоставив, таким образом, прокурору, а не присяжным заседателям решить судьбу подсудимого... Первое время деятельности новых судов высшая прокуратура относилась к отказам от обвинения неодобрительно. Мне известно несколько таких случаев, и лично я должен был, будучи товарищем прокурора в Петербурге, давать по требованию прокурора палаты объяснение оснований, по которым я отказался поддерживать обвинение, изложенное в определении судебной палаты»².

Таким образом, в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода прокурор как государственный обвинитель обладал правом отказа исключительно от процессуального обвинения, то есть от процессуальной деятельности по поддержанию обвинения перед судом, но не обладал правом отказаться от материального обвинения, зафиксированного в обвинительном акте. Так, обвинительный акт, составленный самим же прокурором на стадии предания суду и

¹ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. 3-е изд., перед. и доп.. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910 С. 581.

² Кони А.Ф. Приемы и задачи прокуратуры... С. 141—142.

содержащий сущность и формулировку обвинения, не мог быть отменен данным либо вышестоящим прокурором на последующих стадиях судебного рассмотрения дела. Тем самым, следует признать, что если распоряжение процессуальным обвинением находилось в компетенции прокурорской власти, то распоряжение обвинением материальным находилось в компетенции власти судебной.

В связи с тем, что уголовное дело после начала рассмотрения его судом по существу не могло быть прекращено, даже в случае отказа прокурора от обвинения, единственным решением, которое мог вынести суд по результатам судебного разбирательства, являлся приговор. Такой подход составителей УУС был связан, как отмечал И.Я. Фойницкий, с тем, что прекращение уголовного дела «не основано на оценке существа дела, и разрешает вопрос лишь о вероятности вины или невинности обвиняемого. Вместе с тем определениям о прекращении преследования не предоставляется законом значение *auctoritatis rei judicatae*, которое усвоено судебным решением; они не пользуются той же степенью неизменности, силою непоколебимости, и потому порядок возобновления преследования прекращенного отличается от возобновления уголовного дела, по которому состоялся судебный приговор»¹.

Суд на основании ст. 771 УУС мог постановить следующие виды приговора:

1) или об оправдании подсудимого, когда деяние, в коем он был обвиняем, признается недоказанным, не подлежащим вменению по законным причинам или невоспрещенным законами под страхом наказания;

2) или об освобождении подсудимого от суда, когда преступное его деяние покрывается давностью, милостивым манифестом или другой законной причиной прекращения дела;

3) или же, наконец, о наказании подсудимого, когда он изобличается в таком преступном деянии, которое ему вменяется в вину и от ответственности за которое он не может быть освобожден.

¹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. II. С. 41.

Оправдательный приговор выносился в том случае, когда суд соглашался с позицией прокурора, отказавшегося от обвинения в ходе судебного разбирательства. Как указывалось в Систематическом комментарии к УУС, «так как суд всегда должен мотивировать всякий свой приговор, то в оправдательном приговоре он обязан указать, по какой из трех причин, перечисленных в п. 1 ст. 771, он оправдал обвиняемого»¹.

Сопоставляя рассмотренные ранее основания отказа прокурора от обвинения с основаниями постановления оправдательного приговора, можно сделать вывод о том, что они имели единую правовую природу. Отсутствие в приведенном перечне таких оснований, как отсутствие события преступления либо отсутствие состава преступления обусловлено, как представляется, тем, что данные обстоятельства, по логике составителей УУС, должны были устанавливаться еще на стадии предания суду, и их выявление в ходе судебного разбирательства не предполагалось. Однако очевидно, что прокурор мог прийти к убеждению об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления и в ходе судебного разбирательства. В таком случае возникал вопрос, на какое основание из предусмотренных п. 1 ст. 771 УУС должен был сослаться суд при постановлении оправдательного приговора? По мнению комментаторов УУС, каждый приговор должен содержать «те фактические обстоятельства, которые составляют состав приписываемого подсудимому деяния. Если эти обстоятельства отвергнуты, если таким образом деяние, в коем подсудимый обвинялся, признано недоказанным, то, согласно п. 1 ст. 771 УУС, суд постановляет оправдательный приговор»². Таким образом, оправдательный приговор по основанию недоказанности деяния выносился в тех случаях, когда прокурор отказывался от обвинения в связи с отсутствием события преступления, отсутствием состава преступления либо недостаточностью улик для установления виновности подсудимого, то есть по реабилитирующим основаниям.

¹ Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий. Вып. V. Ст.ст. 765—999 / Авт. кол.: А.Ф. Кони, В.К. Случевский, Н.С. Таганцев и др.; под общ. ред. М.Н. Гернета. М.: Изд. М.М. Зива, 1916. С. 1293.

² Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями... С. 773.

Наконец, немаловажным вопросом в аспекте исследуемой проблемы являлся также вопрос о правовых последствиях отказа государственного обвинителя от обвинения для потерпевшего.

В случае прекращения уголовного дела еще на стадии предания суду за потерпевшим в УУС не закреплялось право возражать против такого прекращения либо излагать свое мнение относительно оснований прекращения. В этой связи С.И. Викторский обоснованно отмечал, что «по здравому смыслу следует потерпевшего допускать до объяснений и в Суде еще: раз он может (ст. 528²) приносить жалобы в Палату на подобные определения Суда и может там их поддерживать; раз ему предоставлено также поддерживать свои жалобы на следственные действия в Суде (ст. 504), то нет никакого разумного основания лишать его права высказать свои доводы против прекращения еще в Суде, не дожидаясь перехода вопроса о том в Палату; кроме сбережения времени и труда для органов правосудия в очень многих случаях — от этого ничего не произойдет»¹.

В ходе судебного разбирательства по уголовным делам публичного характера потерпевший в случае отказа государственного обвинителя от обвинения не обладал какими-либо правами по распоряжению обвинением. Однако в проекте изменений и дополнений УУС, подготовленном Комиссией по пересмотру законоположений по судебной части под руководством Н.В. Муравьева, предусматривалось право потерпевшего на субсидиарное обвинение. Как указывал М.В. Духовской, «в проекте потерпевшему дано широкое право участвовать на уголовном суде и признано, что отказ прокурора от обвинения дает ему право самому поддерживать обвинение (ст. 714). Это право, говорит комиссия, является дальнейшим развитием прав потерпевшего во время произнесения сторонами речей. Если признано желательным допустить его к участию в прениях, то необходимо было указать отношение его речи к речи представителя прокурорского надзора и определить, какое значение имеет для потерпевшего отказ прокурора от обвинения. Восполняя этот

¹ Викторский С.И. Указ. соч. С. 380.

пробел, комиссия исходила из того соображения, что, как установлено судебной практикой, отказ прокурора от обвинения не лишает гражданского истца права отстаивать свои интересы; а так как положение потерпевшего вполне аналогично, то признано было необходимым предоставить ему право поддерживать обвинение, хотя бы прокурор от него отказался»¹.

Несмотря на то что указанные предложения не получили одобрения законодателя, в научных кругах они были восприняты позитивно. Так, сам Н. В. Муравьев о праве потерпевшего на субсидиарное обвинение позже писал, что «в устранении монополии преследования частное лицо, потерпевшее от преступления, пользуется правом не только отстаивать свои интересы наряду и совместно с прокуратурой, но и всецело заменять ее в случае бездействия или отступления»². Н.Н. Полянский полагал, что вопрос о субсидиарном уголовном иске есть вопрос о допустимости другого вида публичного обвинения, кроме государственного³.

Таким образом, в конце XIX в. в российском уголовно-процессуальном праве зародилась концепция субсидиарного обвинения, что произошло как на правотворческом уровне, так и в трудах ведущих ученых-процессуалистов. Однако законодатель так и не решился наделить потерпевшего каким бы то ни было значительным кругом прав в уголовном судопроизводстве, в том числе и правом на поддержание обвинения в случае отказа от него государственного обвинителя.

* * *

Выводы:

1. Считается, что полномочие обвинителя отказаться от обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде впервые возникло в английском праве и выражалось юридической формулой «*nolle prosequi*»

¹ Духовской М.В. Указ. соч. С. 324—325.

² Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. М.: Универ. тип., 1889. С. 14.

³ Полянский Н.Н. К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. 1914. № 6. С. 143.

(«отказываюсь от преследования»). Однако до 1879 г. в Англии не существовало самостоятельной службы государственных обвинителей, а правом *polle prosequi* пользовался генерал-атторней, осуществлявший надзорные полномочия за уголовным преследованием. Возникновение права государственного обвинителя на отказ от обвинения в российском уголовном судопроизводстве связано с возникновением государственного обвинения как такового, что произошло в результате Судебной реформы 1864 г.

2. В законодательной регламентации полномочий прокурора как государственного обвинителя на стадии предания суду в УУС прослеживается явное ограничение в возможности по распоряжению обвинением, в частности, в возможности прекращения уголовного дела по своему решению, даже при наличии законных и достаточных к тому оснований. На стадии предания суду прокурор правом отказаться от обвинения не обладал; прокурор имел право представить суду свое заключение о необходимости прекращения уголовного дела, окончательное решение о чем принимала судебная палата.

3. На этапе судебного следствия прокурор также не обладал правом отказаться от обвинения. Право прокурора, предусмотренное ст. 740 УУС, заявить суду о необходимости оправдания подсудимого на этапе прений сторон явилось первой правовой нормой, регламентировавшей порядок отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве. Однако данное право прокурора было функционально ограниченным, так как не влекло незамедлительного прекращения уголовного дела.

4. Прокурор как государственный обвинитель обладал правом отказа исключительно от процессуального обвинения, то есть от процессуальной деятельности по поддержанию обвинения перед судом, но не обладал правом отказаться от материального обвинения, зафиксированного в обвинительном акте. Так, обвинительный акт, составленный самим же прокурором на стадии предания суду и содержащий сущность и формулировку обвинения, не мог быть отменен этим либо вышестоящим прокурором на последующих стадиях судебного рассмотрения дела.

§2. Становление учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в советский период

УУС оставался действующим уголовно-процессуальным законом Российской Империи вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Более чем за 50 лет своего существования Устав многократно дополнялся, отдельные его нормы претерпевали редакции¹, но вместе с тем было очевидно, что новые буржуазно-экономические общественные отношения, складывавшиеся на основе бурного промышленного роста России в начале XX в., никоим образом не обнаруживали необходимость модернизации уголовно-процессуальной системы России.

Однако Революция 1917 г. и последовавшее за ней изменение государственного строя не могли не сказаться на состоянии действовавшего законодательства. Особенность русской Революции 1917 г. заключалась в том, что новая власть стремилась изменить не только форму правления и форму государственного устройства, но и общественную идеологию. Изменение общественной идеологии осуществлялось, в том числе, и путем воздействия на правосознание, правопонимание и правоотношения как ее неотъемлемые элементы. И самым легким способом в этом оказалась полная ликвидация действующего государственного законодательства и существующих государственных органов. В этой связи неудивительно воспринимается высказывание Г.Н. Королева о том, что «строительство нового советского государства, как ни парадоксально, началось не с изменения функций государственных органов, а с их ликвидации»².

Первые шаги советской власти по реформированию уголовного судопроизводства привели не только к ликвидации состязательности в уголовном процессе, но и к ликвидации самих органов, его осуществлявших. В частности, были ликвидированы такие органы, как адвока-

¹ По утверждению В.К. Случевского, таких изменений и дополнений было около 700 (См.: Случевский В.К. Указ. соч. С. 6.).

² Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 92.

тура и прокуратура. Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела были возложены на суд.

Одним из первых законодательных актов советского государства — Декретом «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г.¹ предусматривалось упразднение институтов судебных следователей, прокурорского надзора, а также институтов присяжной и частной адвокатуры (п. 3). Согласно п. 4 Декрета вплоть до преобразования всего порядка судопроизводства в роли обвинителей и защитников допускались «все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами». Пункт 5 Декрета предусматривал, что «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». «Противоречащие» законы, в соответствии с примечанием к п. 5, признавались отмененными.

Декрет «О суде» № 2 от 18 февраля 1918 г.² закреплял, что судопроизводство по уголовным делам «происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов» (п. 8). В соответствии со ст. 23 Декрета «судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты». Декретом предусматривалось создание при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов коллегий лиц, «посвящающих себя правозаступничеству как в форме общественного обвинения, так и общественной защиты» (п. 24). Только из числа данных лиц суд имел право пригласить на судебное разбирательство уголовного дела общественного обвинителя (п. 26). В судебных прениях, кроме того, мог принять участие один «обвинитель и один защитник из присутствующих на заседании» (п. 28).

¹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

Согласно Постановлению Народного комиссариата юстиции от 23 июля 1918 г. «Об организации и действии местных народных судов»¹ основные функции государственного обвинения были переданы суду, который формулировал обвинение, допрашивал свидетелей, самостоятельно проводил иные следственные действия.

Таким образом, советский этап в развитии правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения начался с ликвидации государственного обвинения как процессуальной деятельности самостоятельного государственного органа. Для того чтобы следовать основным принципам уголовного судопроизводства, заложенным в УУС, был введен институт правозаступничества в форме общественного обвинения и общественной защиты, который, имея непрофессиональную основу, обеспечивал, как представляется, квазисостязательность процесса. В роли обвинителя выступал суд, который, несомненно, имел право прекратить уголовное дело при наличии соответствующих на то оснований, что, однако, в силу совмещения им различных процессуальных функций, ошибочно было бы рассматривать в качестве отказа от обвинения.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н.А. Кирилловой о том, что отсутствие законодательной регламентации отказа государственного обвинителя от обвинения в первые годы советской власти объяснялось «политической ситуацией того времени (вопрос отказа от обвинения всегда тесно связан с гарантиями защиты прав личности, чего в тот период не наблюдалось), а также фактическим снижением значимости роли государственного обвинителя в уголовном процессе»².

Одним из наиболее важных вопросов для новой власти являлся вопрос о месте и полномочиях прокуратуры в системе органов советского государства. Прокуратура как государственный орган была возрождена на основании Постановления ВЦИК от 28 мая 1922 г.³ и была включена в состав Народного комиссариата юстиции. Согласно п. 2 Постановления

¹ СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 597.

² Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 28.

³ СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

на прокуратуру, кроме осуществления прокурорского надзора, возлагалось поддержание обвинения в суде. На основании п. 13 прокуроры также принимали участие «в распорядительных заседаниях суда по вопросам о предании суду и прекращении дел во всех случаях, когда прокуратура признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым». Процессуальная деятельность прокуроров в судебном разбирательстве данным нормативным актом не регламентировалась.

Первым советским уголовно-процессуальным законом стал УПК РСФСР 1922 г., утвержденный Постановлением ВЦИК РСФСР от 25 мая 1922 г. Следует отметить, что первый УПК РСФСР был достаточно высоко оценен как советскими учеными, так и уехавшими за рубеж российскими правоведами. Например, находящийся в эмиграции Н. С. Тимашев писал, что «с внешней стороны УПК является, вероятно, наиболее совершенным из законодательных актов Советской власти»¹. Он также обратил внимание на практически полное отсутствие в УПК выражений агитационного характера и деклараций. Что касается пробелов и неточностей, присутствовавших в кодексе, то они, по мнению Н. С. Тимашева, не превышали технических погрешностей многих законов дореволюционного времени.

В УПК РСФСР 1922 г. все еще отсутствовал термин «государственный обвинитель». В соответствии со ст. 8 УПК РСФСР 1922 г. обвинение на суде поддерживалось прокуратурой. В качестве обвинителя на основании ст. 54 УПК РСФСР 1922 г. кроме прокурора в суде могли также выступать потерпевший, когда законом ему предоставлено это право, и уполномоченные профсоюзов, инспекторы труда, представители Рабоче-Крестьянской, Технической, Продовольственной, Санитарной и иной инспекции по делам их ведения, а также другие лица, которые могли быть допущены к участию в деле в качестве обвинителя

¹ Цит. по: Коссов И.А. Судебная реформа 1922 г. и российское уголовно-процессуальное законодательство // Судебная защита прав и законных интересов гражданских и юридических лиц: Доклады и сообщения II Всерос. межвуз. науч.-практич. конф. Москва, 18 декабря 2001 г. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://liber.tshu.ru/Conf/Sudebnaya/kossov.html>, свободный. Загл. с экрана.

только по особому определению суда, вынесенному в распорядительном или судебном заседании по данному делу. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в УПК РСФСР 1922 г. предусматривалось несколько видов обвинения: государственное, частное, ведомственное, общественное.

Так же, как и в УУС, в советском уголовном судопроизводстве сохранилась стадия предания суду, на которой прокурор, однако, обладал различным перечнем полномочий, в зависимости от того, в какой форме производилось предварительное расследование по уголовному делу:

1. По уголовным делам, расследовавшимся в форме дознания, прокурор имел право: 1) направить дело для производства дополнительного дознания или предварительного следствия, 2) прекратить дело при наличии соответствующих оснований, 3) постановить о предании обвиняемого суду (ст. 226 УПК РСФСР 1922 г.).

2. По уголовным делам, расследовавшимся в форме предварительного следствия, прокурор имел право: 1) направить дело для производства дополнительного следствия (ст. 231 УПК РСФСР 1922 г.), 2) сделать предложение суду, которому подсудно дело, о прекращении дела (ст. 232 УПК РСФСР 1922 г.), 3) сделать предложение суду утвердить обвинительное заключение и предать обвиняемого суду (ч. 1 ст. 233 УПК РСФСР 1922 г.), 4) внести изменения в обвинительное заключение, составить новое заключение и направить его в суд с предложением утвердить и предать обвиняемого суду (ч. 2 ст. 233 УПК РСФСР 1922 г.).

Таким образом, на стадии предания суду только по уголовным делам, расследованным в форме дознания, прокурор обладал правом отказаться от обвинения и прекратить дело самостоятельным решением. По уголовным делам, расследованным в форме предварительного следствия, вопрос о прекращении уголовного дела, как и в УУС, решался судом; при этом прокурор был вправе лично поддерживать свое предложение о прекращении уголовного дела в распорядительном заседании (ст. 232 УПК РСФСР 1922 г.).

В соответствии со ст. 235 УПК РСФСР 1922 г. прокурор одновременно с предложением предать обвиняемого суду уведомлял суд, считает

ли он необходимым лично или через иных членов прокуратуры поддерживать обвинение на суде. Тем самым участие прокурора в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя было необязательным. Однако суд мог вынести определение о необходимости поддержания обвинения в суде прокуратурой, что было обязательным для последней.

Судебное следствие по УПК РСФСР 1922 г. проводилось при активной роли суда, который в лице председательствующего устранял из судебного следствия «все, не имеющее отношения к рассматриваемому делу, направляя судебное следствие в сторону, наиболее способствующую раскрытию истины» (ст. 261 УПК РСФСР 1922 г.). Как результат, на судебном следствии, как и в дореволюционном уголовном судопроизводстве, прокурору не было предоставлено право отказаться от обвинения либо внести предложение суду о прекращении уголовного дела.

В УПК РСФСР 1922 г. вслед за УУС также сохранилось правило о том, что «если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признал правильным предъявленное ему обвинение и дал показания, суд может не производить дальнейшего судебного следствия и перейти к выслушиванию прений сторон» (ст. 286). Нововведением, между тем, явилось положение о том, что в случае требования кого-либо из судей или сторон произвести судебное следствие суд был обязан его произвести, несмотря на наличие признания подсудимого. Данное положение, безусловно, можно считать дополнительным элементом состязательности, направленным на обеспечение законности и обоснованности выдвинутого против подсудимого обвинения.

По окончании судебного следствия суд переходил к выслушиванию прений сторон. Прения состояли из речей обвинителя, гражданского истца, защитника или самого подсудимого, если защитник отсутствовал (ст. 308 УПК РСФСР 1922 г.).

Отказ прокурора от обвинения был возможен именно на этапе прений сторон. Так, ст. 310 УПК РСФСР 1922 г. закрепляла: «Обвинитель вправе отказаться от обвинения, если придет к убеждению, что

данные судебного следствия не подтверждают предъявленного обвинения. Отказ обвинителя от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать дело слушанием и разрешить на общем основании вопрос о правильности предъявленного обвинения и ответственности подсудимого». Учитывая, что ст. 54 УПК РСФСР 1922 г. к числу обвинителей относил не только прокурора, то необходимо заключить, что возможность отказа от обвинения распространялась и на остальных обвинителей, осуществлявших частное, ведомственное или общественное обвинение.

Обвинительные полномочия суда выражались в том, что суд не только имел право, но был обязан продолжить судебное разбирательство, несмотря на отказ обвинителя от обвинения. Например, в случае возникновения в ходе судебных прений новых обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, суд был вправе как по ходатайству сторон, так и по собственной инициативе возобновить судебное следствие (ст. 313 УПК РСФСР 1922 г.). Как представляется, в условиях советского уголовного процесса отказ обвинителя от обвинения не мог не побуждать суд возобновлять судебное следствие для установления истины по уголовному делу, под которой чаще всего понималась виновность подсудимого в совершении преступления.

Обязательным условием для заявления обвинителем отказа от обвинения в УПК РСФСР 1922 г. также рассматривалось убеждение обвинителя. Отличие между подходами дореволюционного и советского законодателей к нормативному закреплению права обвинителя отказаться от обвинения заключалось в том, что по УУС прокурор отказывался от обвинения, если обвинительный акт *опровергался* судебным следствием, в то время как по УПК РСФСР 1922 г. — если данные судебного следствия *не подтверждали* предъявленного обвинения. Очевидно, что формулировка, закрепленная в УПК РСФСР 1922 г., в большей степени соответствовала принципу презумпции невиновности, а именно положению данного принципа, согласно которому все сомнения, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу обвиняемого. То есть, для убеждения в необходимости отказа от обвинения прокурору,

по УПК РСФСР 1922 г., было достаточно таких сомнений в обоснованности поддерживаемого обвинения, которые не могли быть устранены в ходе возобновленного судебного следствия. Таким образом, несмотря на отсутствие в УПК РСФСР 1922 г. нормативного закрепления принципа презумпции невиновности, следует признать, что в части правовой регламентации отказа государственного обвинителя от обвинения первый советский уголовно-процессуальный закон был более прогрессивен, чем УУС.

В случае, если суд соглашался с мнением обвинителя, отказавшегося от обвинения, о том, что данные судебного следствия не подтвердили предъявленного обвинения, он постановлял оправдательный приговор, основаниями которого, согласно ч. 1 ст. 330 УПК РСФСР 1922 г., являлись следующие обстоятельства:

- 1) не доказано событие преступления;
- 2) не доказано участие подсудимого в совершении преступления;
- 3) деяние, учиненное подсудимым, не содержит в себе состава преступления.

Необходимо отметить, что, во-первых, все перечисленные основания вынесения оправдательного приговора в УПК РСФСР 1922 г. относились к реабилитирующим, а, во-вторых, они полностью совпадают с перечнем оснований вынесения оправдательного приговора в действующем уголовно-процессуальном законе (ч. 2 ст. 302 РСФСР УПК РФ)¹.

Менее чем через год после принятия УПК РСФСР 1922 г. был принят второй уголовно-процессуальный закон — УПК РСФСР 1923 г. В некоторых источниках УПК РСФСР 1923 г. называется уточненной «редакцией» УПК РСФСР 1922 г. И, действительно, структура и подавляющее большинство норм указанных кодексов идентичны. В этой связи законодательное регламентирование отказа обвинителя от обвинения в УПК РСФСР 1923 г., по сравнению с УПК РСФСР 1922 г., не

¹ За исключением такого основания, как вынесение оправдательного вердикта коллегией присяжных заседателей (п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ), что связано с отсутствием данного состава суда в советском уголовном судопроизводстве.

изменилось; изменилась только нумерация статей (ст.ст. 54, 206, 226, 231, 232, 233, 235, 261, 286, 308, 310, 313, 330 УПК РСФСР 1922 г. стали, соответственно, ст.ст. 50, 202, 222, 227, 228, 229, 231, 257, 282, 304, 306, 309, 326 УПК РСФСР 1923 г.).

В уголовно-процессуальной литературе рассматриваемого периода обращалось внимание на процессуальную самостоятельность государственного обвинителя, отказывающегося от обвинения. Так, М. Л. Шифман считал «недопустимым, чтобы вышестоящий прокурор имел право, например, предложить подчиненному прокурору выступить по делу в суде первой инстанции и отстаивать обвинительный тезис, требовать осуждения подсудимого, тогда как этот подчиненный прокурор, в результате изучения дела, пришел к выводу о невиновности подсудимого»¹.

Следующим источником уголовно-процессуального права советского периода, в котором регламентировался отказ государственного обвинителя от обвинения, являлись Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 г.² Основы состояли из 54 статей и предусматривали только концептуальные положения уголовного процесса, без их детальной регламентации. В частности, была сохранена стадия предания суду, на которой, согласно ст. 36 Основ, суд уже не утверждал обвинительное заключение, но мог исключить из него «отдельные пункты обвинения или применить уголовный закон о менее тяжком преступлении, не изменяя при этом формулировки обвинения». Прокурор в соответствии с ч.ч. 1 и 2 ст. 40 Основ, поддерживая перед судом государственное обвинение, должен был руководствоваться «требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на рассмотрении всех обстоятельств дела».

Часть 3 ст. 40 Основ предусматривала, что «если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения,

¹ Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе. М: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. С. 65.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа». Таким образом, в Основах впервые была закреплена обязанность прокурора при отказе от обвинения излагать суду мотивы своего отказа. Вместе с тем, дальнейшие действия суда в случае отказа прокурора от обвинения Основами не регламентировались.

Закономерным результатом принятия Основ уголовного судопроизводства стала разработка нового Уголовно-процессуального кодекса, который был утвержден Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г.¹ С принятием Основ 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г., как отмечал В. М. Савицкий, «уголовно-процессуальное законодательство последовательно освобождается от норм, которые не только по существу, но даже внешне могли бы придать судебной деятельности несвойственный ей обвинительный характер»².

Указанная тенденция проявилась, прежде всего, в том, что на стадии предания суду одним из вопросов, подлежащих выяснению судом, явился вопрос о наличии обстоятельств, влекущих прекращение уголовного дела (п. 3 ч. 1 ст. 222 УПК РФ). Такие обстоятельства, согласно ч. 1 ст. 234 УПК РСФСР 1960 г., были закреплены в статьях 5—9 и п. 2 ст. 208 кодекса, а именно к ним относились:

1. Обстоятельства, исключаящие производство по уголовному делу (в том числе отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления и др., предусмотренные ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.).
2. Изменение обстановки (ст. 6 УПК РСФСР 1960 г.).
3. Передача дела в товарищеский суд (ст. 7 УПК РСФСР 1960 г.).
4. Передача дела в комиссию по делам несовершеннолетних (ст. 8 УПК РСФСР 1960 г.).
5. Передача виновного на поруки (ст. 9 УПК РСФСР 1960 г.).
6. Недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РСФСР 1960 г.).

¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

² Савицкий В. М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // Правоведение. 1972. № 1. С. 70.

Таким образом, на стадии предания суду дело могло быть прекращено по инициативе суда как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям. Вместе с тем, возникает вопрос: если в соответствии с ч. 1 ст. 221 УПК РСФСР 1960 г. на стадии предания суду последний не имел права предрешать вопрос о виновности подсудимого, то каким образом на данной стадии без исследования всех обстоятельств дела могло быть установлено такое основание к прекращению уголовного дела, как недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления? Очевидно, что только после выражения своего мнения прокурором, чье участие в распорядительном заседании на стадии предания суду было обязательным (ст. 224 УПК РСФСР 1960 г.). Как отмечали П. М. Давыдов и Д. Я. Мирский, «наиболее сложным основанием для прекращения дела в стадии предания суду является недоказанность участия обвиняемого в совершении преступления. Прекращение уголовного дела по этому основанию практически встречается очень редко... если будет совершенно очевидно, что дополнительные доказательства невозможно собрать ни на судебном разбирательстве, ни при дополнительном расследовании»¹.

Прокурор как государственный обвинитель в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. утратил право самостоятельно прекращать уголовные дела, расследованные в форме дознания, а также не имел права предлагать суду прекратить уголовные дела, расследованные в форме предварительного следствия. Поэтому реальных полномочий, связанных с отказом от обвинения, прокурор, по УПК РСФСР 1960 г., на стадии предания суду был лишен.

Новеллой в законодательной регламентации права прокурора на отказ от обвинения в УПК РСФСР 1960 г. явилось закрепление данного права в главе 21 «Общие условия судебного разбирательства», статья 248 которой регламентировала общие условия участия в судебном разбирательстве прокурора. В частности, ч. ч. 3 и 4 ст. 248 УПК РСФСР 1960 г. дословно

¹ Давыдов М. П. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе / М. П. Давыдов, Д. Я. Мирский. М.: Госюриздат, 1963. С. 70.

воспроизводили аналогичные положения Основ и предусматривали: «Если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа. Отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого».

Вместе с тем, наряду с указанием на то, что суд не освобожден от обязанности продолжать разбирательство дела, в ст. 259 УПК РСФСР 1960 г. предусматривалось, что «дело подлежит прекращению в судебном заседании, если во время судебного разбирательства будут выяснены обстоятельства, предусмотренные статьей 5». В результате системного толкования ст. 248 и ст. 259 УПК РСФСР 1960 г. можно сделать вывод о том, что уголовно-процессуальный закон не исключал возможности прекращения уголовного дела судом в судебном разбирательстве в случае отказа государственного обвинителя от обвинения по основаниям, предусмотренным ст. 5 УПК РСФСР 1960 г., в частности, по таким основаниям, как отсутствие события или отсутствие состава преступления (п.п. 1, 2 ч. 1 ст. 5 УПК РСФСР 1960 г.). В таких случаях, однако, отказ государственного обвинителя от обвинения необходимо было расценивать не как процессуальный акт распоряжения государственным обвинителем поддерживаемым обвинением, а как ходатайство стороны уголовного процесса о принятии судом процессуального решения, находящегося в его исключительной компетенции.

В уголовно-процессуальной литературе советского периода проблема отказа государственного обвинителя от обвинения не получила широкого освещения. Одним из первых на нее обратил внимание В.М. Савицкий, который в 1972 г. в своей статье «Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения» обозначил наиболее дискуссионные вопросы данного, как он считал, процессуального института¹. В частности, В.М. Савицкий уже в то время обращал внимание ученых-процессуали-

¹ Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа прокурора... С. 70.

тов на то, что «обстановка, складывающаяся в судебном разбирательстве после отказа прокурора от обвинения, не может считаться нормальной. Обвинение никем не поддерживается, никем не отстаивается. Более того, лицо, представившее обвинительный тезис в суд, заявляет, что он неправилен, ошибочен. Тем не менее, суд может признать подсудимого виновным и вынести ему обвинительный приговор. Выходит, что суд как бы возрождает обвинение, снятое, аннулированное прокурором, т.е. принимает на себя обвинительную функцию»¹. Как полагал В.М. Савицкий, в результате отказа прокурора от обвинения «исчезает сам предмет спора, за разрешением которого обвинитель обратился к суду, отпадает необходимость в осуществлении функции правосудия в ее изначальном, главном содержании», что позволило автору предложить внести изменения в действовавший уголовно-процессуальный закон, предусматривавшие обязанность суда в случае отказа прокурора от обвинения вынести оправдательный приговор или определение о прекращении уголовного дела². Свои выводы В. М. Савицкий также подтвердил тем, что ему на момент написания статьи не удалось найти ни в районных судах г. Москвы, ни в Московской городской и областной прокуратурах, ни в Прокуратуре СССР «хотя бы одно уголовное дело, по которому при полном отказе прокурора от обвинения суд вынес подсудимому обвинительный приговор. Нет сведений о таких делах и в литературе»³.

В ответ на указанную статью вышло несколько критических публикаций, авторы которых отмечали, что принятие предложения В.М. Савицкого лишит суд возможности устанавливать истину и принимать решение по уголовному делу согласно своему внутреннему убеждению, то есть в целом лишит суд процессуальной самостоятельности⁴.

¹ Там же. С. 72.

² Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа прокурора... С. 73—79.

³ Там же. С. 79.

⁴ Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Известия вузов. Правоведение. 1973. № 5. С 77; Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль: Ярослав. гос. ун-т, 1974. С. 33; Зозулинский А.Б. Отказ прокурора от обвинения и его правовые последствия // Советское государство и право. 1978. № 7. С. 137—140.

В частности, А.Б. Зозулинский указывал на то, что «именно в этом состоит принцип публичности в уголовном процессе, обеспечивающий активную роль суда, который не связан доводами сторон и разрешает дело самостоятельно»¹. Вместе с тем, А.Б. Зозулинский отмечал, что «обвинение ради обвинения не содействует правосудию; оно противозаконно и должно расцениваться как нарушение прокурором своего служебного долга»².

В связи с развернувшейся дискуссией в науке уголовно-процессуального права также был поднят вопрос о том, является ли отказ прокурора от обвинения реализацией его полномочий в рамках функции обвинения либо в рамках осуществления им прокурорского надзора? Так, некоторые ученые считали, что прокурор не осуществляет надзора за деятельностью суда³. Другие придерживались точки зрения, что осуществление прокурором надзора за судебной деятельностью вытекает из общей, конституционной функции прокурора — надзор за соблюдением законности⁴. В.М. Савицкий полагал, что прокурор обязан реагировать на любые нарушения закона, в том числе и на нарушения, допущенные судом, однако, по его мнению, данная обязанность прокурора «опосредована» процессуальной функцией обвинения⁵.

Определенную ясность в вопрос о том, к какому роду полномочий относится отказ прокурора от обвинения, внес Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР»⁶, в котором ст. 32 закрепляла полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов

¹ Зозулинский А.Б. Указ. статья. С. 139.

² Там же. С. 137.

³ Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. С. 155; Перлов И.Д. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1957. С. 37; Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. С. 119.

⁴ Мурашин Г.А. Органы прокуратуры в механизме Советского государства. Киев: Наукова думка, 1972. С. 143; Новиков С.Г. Прокурорская система в СССР. М.: Юрид. лит., 1977. С. 57; Зозулинский А.Б. Указ. статья. С. 137.

⁵ Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. С. 58—60.

⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843.

при рассмотрении дел в судах. К надзорным полномочиям за исполнением законов при рассмотрении дел в судах в соответствии с Законом относился и отказ прокурора от обвинения.

В том же 1979 г. в свет вышел фундаментальный труд В.С. Зеленецкого «Отказ прокурора от государственного обвинения», в котором автор впервые в советской науке уголовно-процессуального права на монографическом уровне рассмотрел понятие, признаки, правовую природу, субъектов, порядок, основания и виды отказа государственного обвинителя от обвинения¹. Так, В.С. Зеленецкий предлагал понимать под отказом государственного обвинителя от обвинения «заявление прокурора, обращенное к суду, в котором он полностью или частично отрицает обоснованность обвинения и мотивирует невозможность его поддержания в отношении лица, преданного суду, фактически прекращая в целом или в какой-то части продолжение обвинительной деятельности против данного лица»².

Определяя правовую природу отказа государственного обвинителя от обвинения, В.С. Зеленецкий утверждал, что она «отражает дисфункциональный характер данного вида прокурорской деятельности... Отказ от обвинения не является не только «нормальной функцией прокурора», но и вообще не относится к числу функций процесса, ибо функция — обязательное направление процессуальной деятельности, особый ее вид, специфически направленный на определенный объект односторонней деятельности, которая характеризуется особой морфологической структурой и осуществляется с целью обоснования виновности лица, совершившего преступление... В отличие от этого, отказ прокурора от государственного обвинения состоит из совокупности процессуальных действий, образующих в своем единстве особое направление деятельности прокурора, которое, как уже отмечалось, является противоположной функцией обвинения и, в отличие от последней,

¹ Более подробно основные положения данной монографии будут рассмотрены в других частях настоящей работы.

² Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1979. С. 12.

осуществляется с целью прекращения (устранения) обвинения, вследствие чего она и названа нами дисфункцией»¹.

Наибольшее внимание в советской уголовно-процессуальной литературе после принятия УПК 1960 г., в связи с исследуемой проблемой, уделялось вопросам изменения обвинения, а также вопросам совершенствования правового регулирования реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и вынесения оправдательного приговора.

Статья 254 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала, что «изменение обвинения в суде допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Если изменение обвинения влечет за собой нарушение права подсудимого на защиту, суд направляет дело для дополнительного следствия или дознания. Не допускается изменение обвинения в суде на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду. Если изменение обвинения заключается в исключении части его или признаков преступления, отягчающих ответственность подсудимого, суд вправе продолжать разбирательство дела». Указанная норма, между тем, не конкретизировала, какой субъект уголовно-процессуальной деятельности был вправе изменить обвинение — государственный обвинитель или суд? В этой связи возникал и другой вопрос: можно ли было считать частичный отказ государственного обвинителя от обвинения его изменением?

В научной литературе того периода категория «изменение обвинения» рассматривалась применительно к процессуальной деятельности суда². Так, Ф.Н. Фаткуллин полагал, что «под изменением обвинения в судебном заседании подразумевается изменение его в приговоре суда», что зависит «не от субъективного отношения к этому какого-либо лица,

¹ Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 35; Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1978. С. 13.

² См.: Фаткуллин Ф. Н. Изменение обвинения. М.: Юрид. лит., 1971. С. 108; Добровольская Т. Н. Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. М.: Юрид. лит., 1977. С. 67.

а от объективных обстоятельств, от характера недочетов, присущих обвинению по делу, и от их последствий»¹.

Понятие «частичный отказ от обвинения», в свою очередь, не было предусмотрено в ст. 248 УПК РСФСР 1960 г., регламентирующей право государственного обвинителя отказаться от обвинения. Частичный отказ от обвинения как разновидность отказа государственного обвинителя от обвинения первым предложил выделять Р. Д. Рахунов². В. С. Зеленецкий считал, что частичный отказ от обвинения возможен в 2-х случаях: 1) в отношении обвинения в материально-правовом смысле (изменение квалификации деяния в сторону смягчения); 2) отказ от обвинения одного из лиц, совершивших преступление в соучастии³. Необходимо также отметить то, что В. С. Зеленецкий предлагал выделять и комбинированный отказ прокурора от обвинения, который «имеет место, например, когда прокурор полностью отказывается от обвинения в отношении одного лица, а в отношении другого отказывается лишь в какой-то части инкриминируемого ему обвинения»⁴.

Отдельные ученые-процессуалисты придерживались точки зрения о единой сущности изменения обвинения и частичного отказа от обвинения⁵. Так, В. М. Савицкий полагал, что частичный отказ прокурора от поддержания обвинения «есть по существу одна из форм изменения обвинения»⁶. Данную точку зрения, между тем, не разделял В. С. Зеленецкий, который исходил из того, что, если бы частичный отказ прокурора от обвинения влек за собой его изменение в соответствующей части, то это бы означало изменение пределов судебного разбирательства в сторону их ограничения, то есть частичный отказ прокурора был

¹ Фаткуллин Ф. Н. Изменение обвинения... С. 110—111.

² Рахунов Р. Д. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел / Р. Д. Рахунов, И. Г. Сапожников, Л. М. Козак, М. Г. Коршик. М.: Госюриздат, 1963. С. 138.

³ Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 56—57.

⁴ Зеленецкий В. С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 57.

⁵ См.: Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 202; Прокурорский надзор в суде первой инстанции по уголовным делам / Под общ. ред. П. И. Кудрявцева. М.: Юрид. лит., 1978. С. 130.

⁶ Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде... С. 202.

бы обязательным для суда. По утверждению В.С. Зеленецкого, однако, «ничего подобного на практике не происходит», так как «прокурор, участвующий в судебном разбирательстве, не может внести названные преобразования в обвинение помимо воли суда, если он и пришел к выводу о такой необходимости, так как не располагает в данной стадии процесса теми средствами, использование которых позволяет ему преобразовать обвинение в соответствии с его убеждением»¹. В итоге, различие в правовых последствиях между изменением обвинения судом и частичным отказом от обвинения прокурора В.С. Зеленецкий определял следующим образом: «В отличие от изменения обвинения, влекущего признание прежнего обвинения ничтожным в какой-то части (и в каком-то аспекте), обязывающего всех иных субъектов строить свою деятельность с учетом происшедших изменений, преобразование обвинения прокурором в форме отказа от части образующих его элементов никого ни к чему не обязывает»².

Ф.Н. Фаткуллин обращал внимание на то, что в случае необходимости изменения обвинения суды на практике нередко выносили частично-оправдательные приговоры, что, по его мнению, «не вытекает из закона и не имеет достаточного теоретического основания»³. Как полагал Ф.Н. Фаткуллин, суды должны были сначала изменять обвинение в сторону смягчения и по измененному обвинению выносить полностью обвинительный приговор⁴. Он считал, что частично оправдательный приговор возможен в одном случае — «по делам, где из нескольких самостоятельных обвинений, выражающих реальную совокупность преступлений, в судебном заседании некоторые или одно из них отпадают полностью»⁵.

Таким образом, в советской науке уголовно-процессуального права прокурор не рассматривался как субъект изменения обвинения в су-

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 60.

² Там же. С. 61.

³ Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1965. С. 360.

⁴ Там же. С. 365.

⁵ Там же. С. 369.

дебном разбирательстве. Правом изменить обвинение обладал только суд, для которого такое изменение влекло возможность постановления полностью обвинительного или частично-оправдательного приговора. Поэтому понятие «частичный отказ от обвинения» не являлось синонимом понятия «изменение обвинения в сторону смягчения», так как данные процессуальные решения принимались различными субъектами уголовного процесса и влекли различные правовые последствия.

Что касается совершенствования системы реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и вынесения оправдательного приговора, то ученые-процессуалисты, прежде всего, обращали внимание на то, что в практической судебно-следственной деятельности отсутствует единообразное понимание их сущности и четкого разграничения между собой¹. В частности, В.З. Лукашевич указывал на то, что «в аналогичных случаях одни следователи прекращают уголовные дела за отсутствием события преступления, другие — за отсутствием состава преступления, а третьи — за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления»². В этой связи в уголовно-процессуальной литературе предлагались множественные варианты изменения как формулировок реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела и вынесения оправдательного приговора, так и их перечня.

Одной из наиболее актуальных проблем в свете рассматриваемого вопроса явилось соотношение таких оснований прекращения уголовного дела и вынесения оправдательного приговора, как отсутствие события преступления и отсутствие состава преступления. Практическая значимость разграничения указанных оснований заключалась в том, что в случае неустановления события преступления суд отказывал в удовлетворении гражданского иска, в случае же установления события преступления, но отсутствия состава преступления,

¹ Мотовиловкер Я.О. Основания прекращения уголовного дела по реабилитирующим лицу мотивам // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 87.

² Лукашевич В.З. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим обвиняемого основаниям // Известия вузов. Правоведение. 1968. № 4. С. 50.

оставались основания для рассмотрения иска в порядке гражданского судопроизводства (ст. 310 УПК РСФСР)¹. Как отмечал Н. Скворцов, «сложность разграничения данных оснований «связана с некоторой смысловой неопределенностью термина “событие преступления”», вследствие чего предлагал изменить формулировку первого основания на «неустановление неправомерности деяния, в совершении которого обвинялся подсудимый»². Другие авторы, также признавая неудачность законодательной формулировки, предлагали свои варианты: «не установлено преступление»³, «не установлено неправомерное деяние, в совершении которого лицо обвиняется»⁴, «отсутствие события или деяния, предположение о наличии которого послужило основанием возбуждения дела»⁵.

Я.О. Мотовиловкер в результате толкования положений ст.ст. 5, 208, 234, 303 и 309 УПК РСФСР 1960 г. пришел к выводу, что «существует пять оснований прекращения дела (оправдания) по реабилитирующим лицо мотивам: 1) отсутствие деяния, в совершении которого лицо обвиняется; 2) недоказанность деяния, в совершении которого лицо обвиняется; 3) непричастность лица к преступлению, в совершении которого оно обвиняется; 4) недоказанность участия лица в совершении преступления; 5) в деянии лица нет состава преступления»⁶.

Вопрос о таком основании прекращения уголовного дела (вынесения оправдательного приговора), как недоказанность участия обвиняемого (подсудимого) в совершении преступления (п. 2 ч. 1 ст. 208; п. 3 ч. 3 ст. 309 УПК РСФСР 1960 г.), являлся одним из наиболее дискуссии-

¹ Карнеева Л. Прекращение уголовного дела за отсутствием состава и события преступления // Социалистическая законность. 1970. № 5. С. 53; Ларин А. Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1978. № 1. С. 57.

² Скворцов Н. Оправдание за неустановлением события преступления // Советская юстиция. 1970. № 10. С. 9.

³ Дубинский А.Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев: Изд-во Киев. высш. шк. МВД СССР, 1975. С. 69.

⁴ Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный приговор... С. 388.

⁵ Карнеева Л. Указ. статья. С. 54.

⁶ Мотовиловкер Я.О. Основания прекращения уголовного дела... С. 91.

онных в советской уголовно-процессуальной литературе того периода¹. По мнению ученых-процессуалистов, формулировка данного основания носила недостаточно реабилитирующий в моральном плане характер и подразумевала, что участие лица в совершении преступления «не доказано полностью»², что «его не удалось изобличить»³ и что «это порождает сомнения в невиновности реабилитируемого лица»⁴. В этой связи предлагалось изменить формулировку данного основания на одну из следующих: обвиняемый «не совершил тех действий, которые вменялись ему в вину»⁵, установлена «непричастность обвиняемого (подсудимого) к преступлению»⁶, «предъявленное подсудимому обвинение является необоснованным»⁷.

Результатом развития правовых положений и научного учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в советский период явилось включение данного правового явления в теоретическую модель нового уголовно-процессуального закона, разработанную в 1990 г. ведущими процессуалистами под руководством В.М. Савицкого. В системе данной теоретической модели отказ государственного обвинителя

¹ См. подр.: Стойко Н.Г. Понятие недоказанности в уголовном процессе // Известия вузов. Правоведение. 1980. № 4. С. 87—88; Либус И.А. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел (оправдание) // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 63—65; Шимановский В. Прекращение дела ввиду недоказанности участия в совершении преступления // Социалистическая законность. 1985. № 10. С. 56—57; Маршунов М.Н. Материальные и процессуальные аспекты прекращения уголовного дела ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса: межвуз. сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1988. С. 104—108.

² Савицкий В.М. По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию // Советское государство и право. 1965. № 9. С. 49; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 174.

³ Безлепкин Б.Т. Вопросы реабилитации на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: Высш. шк. МВД СССР, 1972. С. 8.

⁴ Шимановский В.В. Недоказанность участия лица в совершении преступления как процессуальное основание для прекращения уголовного дела // Известия вузов. Правоведение. 1986. № 1. С. 84.

⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса... Т. 2. С. 344.

⁶ Либус И.А. Основания оправдания в уголовном процессе / И.А. Либус, Г.М. Резник // Советская юстиция. 1974. № 12. С. 10.

⁷ Маршунов М.Н. Указ. статья. С. 107.

от обвинения рассматривался как безусловное реабилитирующее основание прекращения уголовного дела в суде¹.

Окончание советского периода развития уголовного судопроизводства было связано, во-первых, с изменением конституционного строя государства, а, во-вторых, с возникшими в этой связи преобразованиями в экономической, социальной, политической и правовой сферах, которые проявили потребность общества в уголовно-процессуальном законодательстве нового типа.

* * *

Выводы:

1. Советский этап в развитии правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения начался с ликвидации государственного обвинения как процессуальной деятельности самостоятельного государственного органа. Для того чтобы следовать основным принципам уголовного судопроизводства, заложенным в УУС, был введен институт правозаступничества в форме общественного обвинения и общественной защиты, который, имея непрофессиональную основу, как представляется, обеспечивал квазисостязательность процесса. В роли обвинителя выступал суд, который имел право прекратить уголовное дело при наличии соответствующих на то оснований, что, однако, в силу совмещения им различных процессуальных функций, ошибочно было бы рассматривать в качестве отказа от обвинения.

2. Отличие между подходами законодателей дореволюционного и советского периодов к нормативному закреплению права обвинителя отказаться от обвинения заключается в том, что, по УУС, прокурор отказывался от обвинения, если обвинительный акт опровергался судебным следствием, в то время как по УПК 1922 г. — если данные судебного следствия не подтверждали предъявленного обвинения. Очевидно, что формулировка, закрепленная в УПК 1922 г., в большей степени со-

¹ Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель / Авт. кол.: Г.Н. Ветрова, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Корневский и др.; под ред. В.М. Савицкого. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1990. С. 37.

ответствовала принципу презумпции невиновности, а именно положению данного принципа о том, что все сомнения, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу обвиняемого.

3. В советской науке уголовно-процессуального права понятие «частичный отказ от обвинения» не являлось синонимом понятия «изменение обвинения в сторону смягчения», так как данные процессуальные решения принимались различными субъектами уголовного процесса и влекли различные правовые последствия. Прокурор не рассматривался как субъект изменения обвинения в судебном разбирательстве. Правом изменить обвинение обладал только суд, для которого такое изменение влекло возможность постановления полностью обвинительного или частично-оправдательного приговора.

4. Результатом развития правовых положений и научного учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в советский период явилось включение данного правового явления в теоретическую модель нового уголовно-процессуального закона, разработанную в 1990 г. ведущими процессуалистами под руководством В.М. Савицкого. В системе данной теоретической модели отказ государственного обвинителя от обвинения рассматривался как безусловное реабилитирующее основание прекращения уголовного дела в суде.

§3. Развитие учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в период разработки УПК РФ

Период разработки нового уголовно-процессуального закона берет свое начало в 1991 г. с утверждения Концепции судебной реформы¹, определившей приоритетные направления законопроектной деятельности в рамках подготавливаемой судебной реформы. Представляют интерес приведенные разработчиками Концепции результаты исследования Института государства и права Академии наук СССР, согласно которым

¹ О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

«прокурор, обязанный по закону отказаться от обвинения, когда материалы судебного следствия не подтверждают виновности подсудимого, в 95% таких случаев требует его наказания» (абз. 7 разд. III)¹. В этой связи одним из положений Концепции явилась идея о том, что «в пореформенном законодательстве должны отсутствовать все рудименты обвинительной роли суда, а именно... обязанность продолжать процесс при отказе прокурора от обвинения» (п. 3 ч. 12 разд. IV).

В принятом в 1992 г. Законе «О прокуратуре РФ»², в отличие от Закона 1979 г., право на отказ прокурора от обвинения предусматривалось в статье, регламентирующей участие прокурора в рассмотрении дел судами. Так, ч. 2 ст. 31 Закона закрепляла, что, осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. Прокурор обязан отказаться от обвинения, если оно не нашло подтверждения в ходе судебного разбирательства. Необходимо отметить, что изменениями, внесенными в Закон «О прокуратуре РФ» Федеральным законом от 17 ноября 1995 г.³, из содержания указанной нормы было исключено положение об отказе государственного обвинителя от обвинения. Очевидно, исключение данного положения из Закона «О прокуратуре РФ» было связано с тем, что все процессуальные полномочия, предоставленные прокурору при его участии в рассмотрении уголовных дел судами в качестве государственного обвинителя, должны были регламентироваться, по замыслу законодателя, в УПК, и дополнительное указание на отдельные полномочия прокурора как

¹ В научной литературе также отмечается, что «стремление прокуроров всячески уклониться от отказа от обвинения (хотя он и уверен в том, что суд постановит оправдательный приговор) объясняется еще и тем, что в органах прокуратуры и внутренних дел до сих пор не изжита порочная тенденция установления дисциплинарной ответственности следователя и прокурора при постановлении оправдательного приговора по расследованному ими делу» (Кухлевская Т. Отказ прокурора от обвинения и оправдательный приговор / Т. Кухлевская // Советская юстиция. 1993. № 12. С. 25.).

² О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. 1992. № 39.

³ О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

государственного обвинителя в Законе «О прокуратуре РФ» представлялось излишним.

В 1993 г. в действовавший УПК РСФСР 1960 г. были внесены изменения, дополнявшие кодекс разделом X «Производство в суде присяжных»¹. Данные изменения представляют огромный интерес в аспекте исследуемой темы в связи с тем, что в соответствии с ними «отказ прокурора от обвинения в стадии судебного разбирательства при отсутствии возражений со стороны потерпевшего влечет прекращение дела полностью или в соответствующей части за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления либо, если это деяние не содержит состава преступления, за отсутствием в деянии состава преступления» (ч. 2 ст. 430 УПК РСФСР 1960 г. в ред. от 16 июля 1993 г.).

Таким образом, указанные изменения привносили в уголовное судопроизводство 2 концептуальные новеллы: во-первых, согласие потерпевшего на отказ от обвинения, а, во-вторых, обязанность суда прекратить производство по уголовному делу полностью или в части отказа от обвинения прокурора. Парадоксальность ситуации, между тем, заключалась в том, что данные изменения не коснулись судебного разбирательства в общем порядке, в частности, ст. 248 УПК РСФСР 1960 г. не претерпела никаких изменений. Это значило, что в уголовном процессе того периода существовало 2 разновидности отказа прокурора от обвинения, влекущие различные правовые последствия:

1) отказ от обвинения при судебном разбирательстве в общем порядке, который не учитывал мнения потерпевшего, но, в то же время, не имел какого-либо правового значения для суда (ст. 248 УПК РСФСР 1960 г.);

¹ О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судопроизводстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Федеральный закон от 16 июля 1993 г. № 5451-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

2) отказ от обвинения при судебном разбирательстве в суде присяжных, учитывающий мнение потерпевшего и влекущий прекращение уголовного дела судом полностью или в части отказа (ст. 430 УПК РСФСР 1960 г.).

Другим нововведением, представляющим интерес в связи с внесением указанных изменений в УПК РСФСР 1960 г., явилось нормативное признание за государственным обвинителем полномочий по изменению обвинения в суде. В соответствии с ч. 3 ст. 430 УПК РСФСР 1960 г. государственный обвинитель получил право на любом этапе разбирательства дела судом присяжных, вплоть до удаления присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта, изменить обвинение в сторону смягчения путем:

1) исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих ответственность;

2) исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса РСФСР, если действия подсудимого полностью охватываются другой нормой Уголовного кодекса РСФСР, нарушение которой также вменялось в обвинительном заключении;

3) переквалификации деяния по норме Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей более мягкое наказание.

Как разъяснялось в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» от 20 декабря 1994 г. № 9¹, «при изменении государственным обвинителем в ходе судебного заседания обвинения в сторону смягчения либо при частичном отказе от обвинения председательствующий судья должен вынести постановление о продолжении разбирательства дела в объеме обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем» (п. 9). В п. 24 данного Постановления также разъяснялось, что «при изложении приговора, постановленного судом присяжных, надлежит иметь в виду, что в случае частичного отказа государ-

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3. С. 2—8.

ственного обвинителя от обвинения или изменения им обвинения в сторону смягчения в ходе судебного заседания, во вводной части приговора следует указывать уголовный закон, предусматривающий преступление, в совершении которого обвиняется подсудимый, с учетом объема обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем, а при полном отказе государственного обвинителя от обвинения и возражении потерпевшего — с учетом объема обвинения, поддерживаемого потерпевшим».

В уголовно-процессуальной литературе внесенные в УПК РСФСР 1960 г. изменения обострили некоторые научные проблемы. Так, Ю. Щербаков отмечал, что остается открытым вопрос о том, кто должен поддерживать обвинение, если прокурор от него отказался, а потерпевший против этого возражает? Как указывал Ю. Щербаков, судьи в таком случае поддержание обвинения возлагают на самого потерпевшего, что, «однако, в законе не закреплено»¹. По его мнению, «большинство потерпевших не обладают достаточными юридическими знаниями и тем более не имеют навыков поддержания обвинения в судебном разбирательстве», в связи с чем автор считал целесообразным в таком случае назначать по ходатайству потерпевшего в качестве государственного обвинителя другого прокурора².

А. В. Васильев высказал мнение, что положение новой редакции УПК о необходимости прекращения уголовного дела в результате отказа государственного обвинителя от обвинения не соответствует принципу состязательности: «Логика правосудия в данном случае должна повлечь оправдательный приговор, а не прекращение дела, которое вновь можно возбудить по тому же основанию по истечении определенного времени. Судебный процесс необходимо заканчивать по возможности однозначным решением судьбы конкретного человека»³. Как представляется,

¹ Щербаков Ю. Отказ прокурора от обвинения: последствия для потерпевшего // Законность. 2002. № 2. С. 30.

² Там же. С. 31.

³ Васильев А. В. Реализация принципа состязательности и суд присяжных в уголовном процессе России // Сибирский юридический вестник. 1998. № 2. С. 70.

подобные суждения были ничем иным, как результатом ошибочного представления о сущности принципа состязательности в уголовном судопроизводстве.

Следующим шагом в подготовке судебной реформы явилась разработка проектов уголовно-процессуального закона. К 1994 г. было подготовлено 2 основных проекта УПК.

Первый проект, подготовленный Государственно-правовым управлением Президента РФ (далее сокращенно — Проект УПК ГПУ)¹, не содержал понятия «отказ от обвинения»; в данном Проекте использовалось более широкое понятие «отказ от уголовного преследования». Понятие «отказ от уголовного преследования» использовалось в 2 значениях: во-первых, в значении прекращения уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям; во-вторых, в значении отказа государственного обвинителя от обвинения. В частности, ч. 3 ст. 54 Проекта УПК ГПУ предусматривала, что «прокурор, следователь, дознаватель, обнаружив обстоятельства, исключающие уголовное преследование, выносят на любом этапе досудебного производства по уголовному делу постановление об отказе от уголовного преследования. Государственный обвинитель, обнаружив в суде обстоятельства, исключающие уголовное преследование, обязан заявить об отказе от уголовного преследования подсудимого». Важной процессуальной гарантией потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения по Проекту УПК ГПУ являлось его право на субсидиарное обвинение. Так, ч. 5 ст. 58 Проекта предусматривала, что «заявленный государственным обвинителем отказ от уголовного преследования не препятствует частному обвинителю продолжать уголовное преследование соответствующего обвиняемого с использованием материалов уголовного дела». В случае отказа от обвинения как государственного обвинителя, так и потерпевшего, производство по уголовному делу судом прекращалось.

¹ Российская юстиция. 1994. № 9. С. 2 — 92.

Второй проект УПК, разработанный Министерством юстиции РФ (далее сокращенно — Проект УПК Минюста)¹, предусматривал, что «прокурор вправе отказаться от уголовного преследования и обвинения вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора либо удаления присяжных заседателей для постановления вердикта» (ч. 4 ст. 31 Проекта). Однако, в отличие от Проекта УПК ГПУ, в данном Проекте отказ прокурора от обвинения, во-первых, не учитывал мнения потерпевшего, и, во-вторых, не влек незамедлительного прекращения уголовного дела судом, так как в соответствии с ч. 2 ст. 26 Проекта УПК Минюста в таком случае суд должен был довести разбирательство дела до конца и постановить оправдательный приговор.

В Модельном УПК для стран СНГ² (далее сокращенно — МУПК), принятом 17 февраля 1996 г и являвшемся рекомендательным законодательным актом при разработке государствами-участниками СНГ национальных уголовно-процессуальных законов, использовались 2 понятия — «отказ от уголовного преследования» и «отказ от обвинения». Понятие «отказ от уголовного преследования» использовалось в значении прекращения уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу. Так, ч. 3 ст. 36 МУПК дословно воспроизводила содержание ч. 3 ст. 54 Проекта УПК ГПУ. Понятие «отказ от обвинения» являлось более узким по значению и использовалось в МУПК применительно к полномочиям прокурора как государственного обвинителя в судебном разбирательстве. В частности, ч. 3 ст. 357

¹ При подготовке данного проекта УПК были использованы проекты, разработанные в Институте государства и права РАН и НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генерального прокурора РФ (См.: Новый законопроект // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 35.). Впоследствии данный Проект был использован как материал для деятельности созданной при Комитете по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы РФ рабочей группы по подготовке проекта нового УПК (См.: Пашин С.А. Предисловие // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ: Сб. ст. 2-е изд., доп. М.: Р. Валент, 2000. С. 4.).

² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. М.: Изд-во Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996. 374 с.

МУПК предусматривала, что прокурор был обязан отказаться от обвинения, если, по его убеждению, оно не нашло подтверждения в ходе судебного разбирательства. Если, при этом, от поддержания обвинения также отказывался потерпевший, это на основании ч. 4 ст. 357 МУПК влекло прекращение судом производства по уголовному делу. Потерпевший по МУПК, так же, как и по Проекту УПК ГПУ, обладал правом на субсидиарное обвинение, заключающееся в том, что «заявление государственного обвинителя об отказе от уголовного преследования подсудимого не препятствует продолжению рассмотрения судом уголовного дела, если частный обвинитель продолжает поддерживать обвинение» (ч. 4 ст. 36 МУПК).

В 1997 г. Государственной Думой РФ в первом чтении был принят Проект УПК РФ¹. Следует отметить, что при нормативном закреплении отказа государственного обвинителя от обвинения в данном законопроекте были использованы положения Проекта УПК ГПУ. Так, ч. 6 ст. 287 Проекта УПК РФ, принятого в I чтении, предусматривала, что «прокурор обязан отказаться от обвинения (полностью или частично), если придет к выводу, что оно не нашло подтверждения в судебном разбирательстве». Часть 7 ст. 287 Проекта УПК РФ закрепляла право потерпевшего на субсидиарное обвинение: «Если же потерпевший настаивает на обвинении, суд продолжает разбирательство и разрешает дело в общем порядке. Прокурор в этом случае освобождается от дальнейшего участия в процессе, а обвинение поддерживает потерпевший, лично или через представителя. По ходатайству потерпевшего ему должно быть предоставлено судом время для приглашения представителя». Уголовное дело должно было прекращаться постановлением (определением) суда в том случае, если от обвинения отказывался как государственный обвинитель, так и потерпевший (ч. 7 ст. 287; ч. 1 ст. 297 Проекта УПК РФ).

Между тем в период разработки УПК РФ все еще действовал советский УПК РСФСР 1960 г., многие нормы которого с принятием в 1993 г.

¹ Проект Уголовно-процессуального кодекса РФ, принятого в первом чтении: Постановление Государственной Думы РФ от 6 июня 1997 г. № 1498-II ГД [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Конституции РФ признавались не соответствующими ее основным положениям. Одной из таких норм стала ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР 1960 г., предусматривавшая, что отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П¹ данная норма была признана не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 49 и 123 (часть 3), как допускающая при отказе прокурора от обвинения осуществление судом не свойственной ему обязанности по обоснованию предъявленного органами расследования обвинения. В частности, в данном Постановлении Конституционный Суд РФ указал, что «суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Поскольку, по смыслу статей 118 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение, то не устраняемые ими сомнения в виновности обвиняемого, в силу статьи 49 (часть 3) Конституции Российской Федерации, толкуются в пользу последнего. Таким образом, если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и, тем более, если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить — в системе действующих уголовно-процессуальных норм при их конституционном истолковании — к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии» (п. 3).

¹ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.

Сделав данный вывод, Конституционный Суд РФ вместе с тем указал, что «законодатель вправе предусмотреть и иные процессуальные последствия, исключающие продолжение производства по уголовному делу при отказе прокурора (и потерпевшего) от обвинения, в частности прекращение дела, как это уже было установлено для судебной процедуры с участием присяжных заседателей» (п. 3).

Генеральный прокурор РФ обратился с ходатайством об официальном разъяснении вышеприведенного Постановления по вопросу о том, возможно ли рассматривать обвинительное заключение как процессуальный документ, не имеющий никакого правового значения для суда в случае отказа прокурора от обвинения? В ответ на ходатайство Генерального прокурора РФ Конституционный Суд РФ вынес Определение от 5 июля 2000 г. № 150-О¹, в котором указал, что «обвинительное заключение в целом или в соответствующей его части не может более определять основу и пределы рассмотрения уголовного дела в суде» (п. 2).

Результатом данного обращения Генерального прокурора РФ в Конституционный Суд РФ явился приказ Генерального прокурора РФ от 13 ноября 2000 г. № 141 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве»², предписывавший прокурорам в случае радикального расхождения позиции государственного обвинителя с содержанием обвинительного заключения безотлагательно ставить в известность утвердившего его прокурора, принимать согласованные меры, способствующие правовой обоснованности выступления стороны обвинения в суде и исключающие

¹ По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2000 г. № 150-О // Собрание законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3432.

² Об усилении прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: Приказ Генерального прокурора РФ от 13 ноября 2000 г. № 141 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

при этом какое бы то ни было посягательство на процессуальную самостоятельность государственного обвинителя. Требования государственного обвинителя о вынесении обвинительного приговора по неисследованным материалам дела при отсутствии достоверных доказательств виновности подсудимого считать грубым нарушением законности и служебного долга со всеми вытекающими последствиями (п. 1.6).

Таким образом, правовая позиция Конституционного Суда РФ по исследуемому вопросу еще до принятия УПК РФ была обозначена достаточно четко: отказ государственного обвинителя от обвинения исключает возможность дальнейшего судебного разбирательства полностью или в части отказа от обвинения. Особенно важным представляется указание Конституционного Суда РФ на то, что форма окончательного решения по уголовному делу в результате отказа государственного обвинителя от обвинения (оправдательный приговор или прекращение уголовного дела) всецело зависит от законодателя.

В научной литературе после вынесения Конституционным Судом РФ рассмотренного Постановления активно обсуждался вопрос о процедуре отказа государственного обвинителя от обвинения. Как удачно отметил С. Зеленин, «когда в корне изменились суть и последствия такого отказа, должна быть изменена и его процедура»¹.

Многие ученые-процессуалисты обращали внимание на необходимость разработки мер правового контроля за законностью и обоснованностью отказа государственного обвинителя от обвинения. Так, Х. Алиперов предложил предусмотреть получение при отказе государственного обвинителя от обвинения обязательного согласия прокурора, утвердившего обвинительное заключение². В ответ на данное предложение с критикой выступил Ю. Корневский, возразивший тем, что выводы государственного обвинителя «основываются на результатах судебного следствия, которых прокурор, утвердивший обвинительное заключение, не знал и предугадать не мог», что, по мнению автора, не мешает государственному

¹ Зеленин С. Зависимость суда от позиции прокурора // Законность. 2001. № 5. С. 15.

² Алиперов Х. Государственное обвинение: нужна реформа // Законность. 2000. № 12. С. 4.

обвинителю обсудить отдельные вопросы, касающиеся существа обвинения, «с руководителем, другими работниками прокуратуры, следователем. Такое обсуждение полезно, иногда даже необходимо для выработки правильной позиции»¹.

С. Зеленин в решении вопроса о необходимости процессуального контроля за законностью и обоснованностью отказа государственного обвинителя от обвинения исходил из того, что вышестоящий прокурор в любом случае имел право опротестовывать приговор суда, основанный на отказе обвинителя от обвинения, но считал такой «порядок “запоздалого” контроля» сложным, громоздким и подрывающим доверие к судебным решениям. В свою очередь, С. Зеленин также выступал за необходимость осуществления процессуального контроля за позицией государственного обвинителя еще в ходе судебного разбирательства, в частности, путем его замены на другого государственного обвинителя, а также путем санкционирования отказа от обвинения вышестоящим прокурором².

К. Амирбеков в этой связи полагал, что «суд как высший орган в иерархии правоприменительных органов не обязан механически и даже, вопреки здравому смыслу беспрекословно следовать позиции государственного обвинителя и прекращать производство по делу, если не согласен с отказом от обвинения»³. Поэтому в целях обеспечения независимости суда автор предлагал предусмотреть в уголовно-процессуальном законе норму, предусматривающую право суда в случае отказа государственного обвинителя от обвинения «на обращение к лицу, утвердившему обвинительное заключение, или к вышестоящему прокурору с запросом о проверке обоснованности отказа государственного обвинителя от обвинения, отложив разбирательство дела до получения соответствующего заключения»⁴.

¹ Корневский Ю. Государственное обвинение: какал нужна реформа? // Законность. 2001. № 4. С. 35.

² Зеленин С. Зависимость суда от позиции прокурора... С. 16.

³ Амирбеков К. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 8. С. 32.

⁴ Амирбеков К. Указ. статья. С. 32.

Кроме того, отдельные авторы высказались за необходимость введения письменной формы отказа государственного обвинителя от обвинения¹. Как указывал С. Зеленин, «уже сейчас практики ориентируются на максимально полное отражение таких ходатайств в протоколе судебного заседания. Однако невозможность стенографической записи или других средств дословно точного воспроизведения позиции прокурора может быть восполнена только путем изложения своих доводов самим прокурором»². Ю. Щербаков отмечал, что письменная форма отказа государственного обвинителя от обвинения позволит ознакомиться с мотивировкой такого отказа потерпевшему и другим участникам процесса в полном объеме³.

Еще одной проблемой, которая не прекращала обсуждаться в научных кругах, являлась проблема участия потерпевшего в процедуре отказа государственного обвинителя от обвинения. Так, Ф. Багаутдинов и А. Васин обратили внимание на несоответствие правовых последствий отказа государственного обвинителя от обвинения для потерпевшего основным нормам международного права, в частности, ст. 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴, которая гарантирует каждому, чьи права и свободы нарушены, право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве. Авторы также сослались на Рекомендацию Комитета министров Совета Европы № R(85)11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»⁵, предусматривающую право

¹ Зеленин С. Зависимость суда от позиции прокурора... С. 15; Щербаков Ю. Указ. статья. С. 30.

² Зеленин С. Зависимость суда от позиции прокурора... С. 15.

³ Щербаков Ю. Указ. статья. С. 31.

⁴ О защите прав человека и основных свобод: Конвенция от 4 ноября 1950 г. ETS № 005. Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

⁵ О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R(85)11 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 114–116.

потерпевшего «просить о пересмотре компетентным органом решения о непреследовании или право возбуждать частное разбирательство» (п. 7). В результате, Ф. Багаутдинов и А. Васин пришли к выводу, что жалоба потерпевшего на приговор суда в случае отказа государственного обвинителя от обвинения пустая формальность и что потерпевший, согласно действующему законодательству, «становится заложником ошибки одного-единственного должностного лица и не имеет достаточных правовых средств для ее исправления»¹.

В свою очередь С. Зеленин указывал, что суды, ссылаясь на норму, предусматривающую в суде присяжных выяснение мнения потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения, в рамках рассмотрения уголовных дел в общем порядке также выясняли, имелись ли у потерпевшего возражения против такого отказа. Оценивая данную тенденцию, автор отмечал, что «этот вопрос требует не формальной ссылки на процессуальную аналогию, а разъяснения по существу»². По существу С. Зеленин критически отнесся к праву потерпевшего на субсидиарное обвинение, полагая, что «ни исторических, ни законодательных предпосылок надления потерпевшего правом поддержания обвинения вместо прокурора нет»³.

Н. Петрова, наоборот, отмечала, что частный интерес в уголовном процессе защищен не в полной мере, и предложила предоставить частным лицам, пострадавшим от любого преступления, возможность самостоятельно осуществлять уголовное преследование, особенно в тех случаях, когда правоохранительные органы от него отказались. По мнению автора, «последовательное расширение прав частных лиц на осуществление обвинения не только полнее защитит их законные интересы, но будет способствовать более эффективной реализации уголовного преследования»⁴.

¹ Багаутдинов Ф. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 41.

² Зеленин С.Р. Значение мнения потерпевшего при отказе прокуратуры от обвинения // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 97.

³ Там же. С. 98.

⁴ Петрова Н. Частный интерес в уголовном процессе защищен не в полной мере // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 38.

Наконец, В. Кобзарь, обобщив судебную практику по вопросу отказа государственного обвинителя от обвинения, пришел к выводу о том, что такая «весьма спорная практика порождена известным Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. и несколькими постановлениями Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам при отсутствии своевременных и адекватных законодательных изменений и достаточно глубокого теоретического обоснования»¹.

Изменить ситуацию в правовом регулировании отказа государственного обвинителя от обвинения, его теоретическом осмыслении и практике применения был призван новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, вступивший в законную силу с 1 июля 2002 г.²

* * *

Выводы:

1. Внесенные в 1993 г. в УПК РСФСР изменения привносили в уголовное судопроизводство 2 концептуальные новеллы: во-первых, согласие потерпевшего на отказ от обвинения, а, во-вторых, обязанность суда прекратить производство по уголовному делу полностью или в части отказа от обвинения прокурора. Парадоксальность ситуации, между тем, заключалась в том, что данные изменения не коснулись судебного разбирательства в общем порядке, в частности, ст. 248 УПК РСФСР 1960 г. не претерпела никаких изменений. Это значило, что в уголовном процессе того периода существовало 2 разновидности отказа прокурора от обвинения, влекущие различные правовые последствия.

2. В проектах УПК, разработанных Государственно-правовым управлением Президента РФ и Министерством юстиции, подход к правовому регулированию отказа государственного обвинителя от обвинения был различным. В Проекте УПК ГПУ предусматривалось право потерпевшего на субсидиарное обвинение; только в случае отказа от обвинения как государственного обвинителя, так и потерпевшего, производство по

¹ Кобзарь В. Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 4. С. 24.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

уголовному делу судом прекращалось. По Проекту УПК Минюста отказ прокурора от обвинения, во-первых, не учитывал мнения потерпевшего, и, во-вторых, не влек незамедлительного прекращения уголовного дела судом. В итоге, в основу Проекта УПК РФ, принятого 6 июня 1997 г. Государственной Думой РФ в I чтении, были положены положения Проекта УПК ГПУ.

3. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П обозначил свою правовую позицию по вопросу правовых последствий отказа государственного обвинителя от обвинения, признав ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР 1960 г. не соответствующей Конституции РФ. С момента вынесения данного Постановления Конституционным Судом РФ в случае полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения исключалась возможность дальнейшего судебного разбирательства полностью или в части отказа от обвинения. Особенно важным представляется указание Конституционного Суда РФ на то, что форма окончательного решения по уголовному делу в результате отказа государственного обвинителя от обвинения (оправдательный приговор или прекращение уголовного дела) всецело зависит от законодателя.

4. В научной литературе после вынесения Конституционным Судом РФ Постановления от 20 апреля 1999 г. № 7-П активно обсуждалась проблема совершенствования процедуры отказа государственного обвинителя от обвинения. В частности, рассматривались вопросы о необходимости разработки мер правового контроля за законностью и обоснованностью отказа государственного обвинителя от обвинения, необходимости введения письменной формы отказа государственного обвинителя от обвинения, а также вопросы об участии потерпевшего в процедуре отказа государственного обвинителя от обвинения.

Глава II

ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ КАК СУБИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

§1. Сущность отказа государственного обвинителя от обвинения

В теории уголовно-процессуального права отказ государственного обвинителя от обвинения рассматривается в 3 аспектах:

- 1) как уголовно-процессуальное полномочие;
- 2) как уголовно-процессуальный акт;
- 3) как уголовно-процессуальный институт.

Все перечисленные аспекты характеризуют отказ государственного обвинителя от обвинения как самостоятельное правовое явление. Научное познание любого явления, в том числе и правового, осуществляется посредством выявления его сущности и определения его понятия.

Сущность и понятие явления — две диалектически взаимосвязанные категории. Для того чтобы определить понятие явления, необходимо, прежде всего, выявить его сущность. И, наоборот, четкое представление о сущности явления позволяет избежать возможных ошибок при формулировании его понятия. С точки зрения философии, «всякое понятие отражает сущность предмета, и этой сущностью, фиксируемой в каком-либо одном понятии, предметы отличаются от всех других, сущность которых фиксируется в иных понятиях»¹. В свою очередь «сущность — это главное, основное, определяющее в предмете, это существенные свойства, связи, противоречия и тенденции развития объекта»².

¹ Кохановский В.П. Философия для аспирантов. Изд. 2-е / В. П. Кохановский, Е. В. Золотухина, Т. Г. Лешкевич, Т. Б. Фатхи. Ростов н/Д: Феникс, 2003. С. 254.

² Спиркин А. Г. Философия. М.: Гардарики, 2000. С. 34.

Таким образом, цель настоящего исследования на данном этапе заключается в выявлении сущности отказа государственного обвинителя от обвинения как правового явления, то есть выявление таких свойств данного явления, которые отличают его от смежных и позволяют рассматривать в качестве самостоятельного правового явления, а также выражение выявленной сущности в определении понятия «отказ государственного обвинителя от обвинения».

Начать выявление сущности отказа государственного обвинителя от обвинения представляется необходимым с вопроса о том, можно ли рассматривать данное правовое явление как самостоятельный институт права? В частности, на это указывают ряд авторов¹. Так, Н.А. Кириллова полагает, что отказ государственного обвинителя от обвинения можно рассматривать «как институт уголовно-процессуального права, то есть устойчивую совокупность взаимосвязанных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих процессуальный статус субъекта; оснований, условий, формы и последствий отказа государственного обвинителя от обвинения»².

Процессуальным нормам, образующим институт отказа государственного обвинителя от обвинения, по мнению Н.А. Кирилловой, «свойственна однородность фактического содержания, поскольку предметом регулирования является самостоятельная, относительно обособленная группа общественных отношений, складывающаяся в связи с совершением государственным обвинителем юридически значимого действия — отказа от поддержания государственного обвине-

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 29; Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения... С. 70; Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 14; Демидов И. Отказ прокурора от обвинения / И. Демидов, А. Тушев // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 26; Барабанов П.К. Реализация потерпевшим права на поддержание обвинения по делам публичного (частно-публичного) обвинения // Мировой судья. 2006. № 4. С. 9; Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. ун-та, 2004. С. 146; Абрамов А.В. Оправдание в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005. С. 69; Фоменко А.Н. Отказ от обвинения и права потерпевшего // Уголовный процесс. 2005. № 12. С. 24.

² Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 14.

ния»; «характерно использование общих принципов и специфических понятий (обвинение, отказ от обвинения, государственный обвинитель, потерпевший и т.п.), что свидетельствует об их единстве и создаёт особый, присущий для данного вида отношений правовой режим регулирования»¹.

Необходимо отметить, что отдельные авторы в качестве правовых институтов уголовного судопроизводства рассматривают «институт государственного обвинения»², «институт поддержания обвинения»³. Между тем еще Л. И. Дембо указывал на то, что в литературе принято злоупотреблять термином «правовой институт», «применять его очень широко, к любому правовому явлению, не вкладывая в этот термин по существу какого-либо конкретного содержания»⁴.

Если рассматривать отказ государственного обвинителя от обвинения в качестве самостоятельного института уголовно-процессуального права, то возникает вопрос: каково его соотношение с традиционно выделяемыми в науке данной отрасли права институтами? По логике авторов, рассматривающих отказ государственного обвинителя от обвинения в качестве самостоятельного института права, одни и те же нормы могут входить в содержание одновременно нескольких институтов. Но это само по себе подрывает значение систематизации права как выделения самостоятельных подчиненных друг другу структурных элементов права. Как справедливо указывает В. С. Якушев, институт права — «это составная часть, структурная часть отрасли права»⁵. В этой связи, как представляется, необоснованно рассматривать отказ государственного обвинителя от обвинения как самостоятельную цельную структурную часть отрасли уголовно-процессуального права.

¹ Там же. С. 13.

² Аликперов Х. Государственное обвинение: нужна реформа... С. 2.

³ Кириллова Н.П. Институт поддержания обвинения в России и за рубежом: перспективы развития // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 4. С. 140.

⁴ Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8. С. 93.

⁵ Якушев В.С. О понятии правового института // Известия вузов. Правоведение. 1970. № 6. С. 61.

В свою очередь, полагаю, что отказ государственного обвинителя от обвинения необходимо рассматривать в качестве субинститута такого института уголовно-процессуального права, как институт обвинения¹. Согласно общей теории права и институт, и субинститут права представляют собой упорядоченную совокупность юридических норм, отличие между которыми заключается в том, что институт права регулирует «вид (группу) общественных отношений», в то время как субинститут — «разновидность общественных отношений, находящихся в рамках определенного института права»².

Институт обвинения в уголовно-процессуальном праве регулирует группу общественных отношений, складывающихся между органами уголовного преследования (частным обвинителем по уголовным делам частного характера) и лицом, которому предъявлено обвинение, в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу. Институт обвинения включает в себя такие субинституты, как субинститут предъявления обвинения, субинститут прекращения обвинения (уголовного преследования) в досудебном производстве, субинститут поддержания обвинения в суде, субинститут отказа от обвинения³. В этой связи субинститут отказа государственного обвинителя от обвинения представляет совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих часть общественных отношений в рамках института обвинения, которые возникают между государственным обвинителем, судом и иными участниками судебного разбирательства в результате заявления государственным обвинителем отказа от обвинения.

¹ Институт обвинения предложила выделять еще П.С. Элькинд (См.: *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1963. С. 60—61.).

² *Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юрист, 2000. С. 198—199.

³ К целям настоящего исследования не относится выделение всех субинститутов в составе института обвинения. Поэтому не настаиваю на том, что приведенный перечень субинститутов является исчерпывающим. Возможно, в качестве самостоятельных субинститутов следует выделить субинститут частного обвинения и субинститут отказа частного обвинителя от обвинения.

Следующим аспектом в выявлении сущности отказа государственного обвинителя от обвинения является анализ его места и значения в системе процессуальных функций российского уголовного судопроизводства.

В теории уголовно-процессуального права нет единства мнений о том, какую функцию выполняет прокурор, выступая в качестве государственного обвинителя в суде. По данному вопросу существует, как указывает И.Л. Петрухин, 3 точки зрения: «1) только функцию обвинения; 2) только функцию надзора за законностью; 3) и функцию обвинения, и функцию надзора»⁴.

Авторы, придерживающиеся первой точки зрения², исходят из того, что «функция надзора в суде выглядит противоречащей обвинительной деятельности прокурора... Прежде всего потому, что обвинение и надзор — два разнонаправленных вида деятельности, и хотя бы поэтому несовместимых»³. По мнению сторонников данной точки зрения, наделяя «прокурора функциями обвинения и надзора, мы ставим его перед выбором, и он либо выберет лишь одну из них, либо, если в соответствии с законом решится выполнять и надзор, и обвинение, будет и то и другое выполнять плохо»⁴. Соглашаясь с утверждением о том, что обвинение и надзор — два разнонаправленных вида деятельности, трудно согласиться с тем, что это взаимоисключающие направления деятельности, не позволяющие выполнять прокурору и надзор, и обвинение эффективно.

Вторая точка зрения была популярна в советский период⁵, однако потеряла свою актуальность в условиях действия УПК РФ. Ее сторонники

¹ *Петрухин И.Л.* Прокурорский надзор и судебная власть: Учеб. пособие М.: Проспект, 2001. С. 59.

² *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 223—224; *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. С. 58—59; *Петрухин И.Л.* Указ. соч. С. 62.

³ *Баксалова А.М.* Характер деятельности прокурора в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 7. С. 39.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ *Мотовиловкер Я.О.* Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1976. С. 52; *Басков В.И.* Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1980. С. 22—26.

встречаются и в настоящее время. Так, С.П. Ефимичев и П.С. Ефимичев полагают, что уголовное преследование, в том числе обвинение в суде, «является той же надзорной деятельностью, но составляющей ее разновидность и осуществляемой в других формах»¹.

Наиболее обоснованной представляется последняя точка зрения, согласно которой в суде прокурор выполняет и функцию обвинения, и функцию надзора. Данной точки зрения придерживаются большинство ученых-процессуалистов². Так, В.Г. Бессарабов и К.А. Кашаев отмечают, что «поддержание прокурором государственного обвинения не носит одностороннего обвинительного характера, не заключается только в уголовном преследовании подсудимого, а одновременно является и правозащитной деятельностью. Государственный обвинитель для обеспечения законности и обоснованности государственного обвинения должен способствовать всестороннему исследованию обстоятельств дела, поддерживать обвинение лишь в меру его доказанности. Его окончательная позиция должна быть независимой от выводов обвинительного заключения и основанной на результатах исследования обстоятельств дела в судебном заседании»³.

¹ Ефимичев С.П. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 59.

² Халиуллин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 1997. С. 8; Сидоренко Е.В. Правовые проблемы определения роли и процессуального положения прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: Санкт-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2001. С. 9; Семенов М.Э. Проблемы уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 2001. С. 7; Коротков А.П. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий / А.П. Коротков, А.В. Тимофеев. М.: Экзамен, 2004. С. 79–80; Колпашникова В.М. Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2006. С. 104; Бессарабов В.Г. Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина / В.Г. Бессарабов, К.А. Кашаев. М.: Городец, 2007. С. 297; Крюков В.Ф. Уголовное преследование и прокуратура // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 33; Демидов И. Указ. соч. С. 26.

³ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 297.

В этой связи вызывает интерес мнение А.С. Барабаша о том, что «надзор и обвинение связаны между собой, и о них можно говорить как о едином явлении, если в судебных прениях прокурор выступает с обвинительной речью. В иных случаях надзор осуществлялся, но завершился он отказом от обвинения»¹. Таким образом, по мнению А.С. Барабаша, отказ прокурора от обвинения — это реализация его надзорных полномочий.

Между тем отказ государственного обвинителя от обвинения, как представляется, одновременно обладает как признаками надзорного полномочия прокурора, так и признаками полномочия в рамках реализации функции обвинения. В частности, признаком, характеризующим отказ государственного обвинителя от обвинения как надзорное полномочие, является то, что решение об отказе от обвинения принимается государственным обвинителем в случае незаконности либо необоснованности поддерживаемого обвинения, а не в случае его нецелесообразности. С другой стороны, решение об отказе от обвинения государственным обвинителем может быть принято только в том случае, если, по его убеждению, отсутствует процессуальная возможность получения дополнительных доказательств, необходимых для подтверждения поддерживаемого обвинения, что характеризует такое решение как принятое в рамках реализации функции обвинения. Как показало проведенное в рамках данного исследования интервьюирование государственных обвинителей и судей, подавляющее большинство из них (86%) рассматривают отказ государственного обвинителя от обвинения как комплексное полномочие, реализующее обвинительную и надзорную функции прокурора.

Аргументом в пользу того, что отказ государственного обвинителя от обвинения не является исключительно надзорным полномочием прокурора, является то, что по своему правовому значению такой отказ приравнен к решению дознавателя, следователя о прекраще-

¹ Барабаш А.С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 47.

нии уголовного дела в досудебном производстве. Так, например, по справедливому указанию А.В. Землянухина, учитывая все различия, связанные с субъектным составом, процедурой принятия данных процессуальных решений, существуют существенные признаки, свидетельствующие о сходстве их правовой природы: «Существо же этих явлений определяется их основаниями и последствиями: и в первом, и во втором случае основанием, как уже говорилось, является отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления и непричастность обвиняемого к совершению преступления (п.п. 1—2 ст. 24 и п.п. 1—2 ст. 27 УПК РФ). Решение о прекращении уголовного дела, принимаемое в этом случае следователем, и решение государственного обвинителя об отказе от обвинения имеют одинаковые последствия, а также общую социальную природу. И в первом, и во втором случае обвинение перестает существовать как в материально-правовом, так и в процессуальном смысле и, как следствие, у лица возникает право на реабилитацию»¹.

Вместе с тем, в научной литературе существует точка зрения о том, что уголовное преследование в досудебном производстве и поддержание обвинения в суде — это самостоятельные функции, которые «должны быть разведены как несовместимые в одном лице, с тем чтобы обеспечить необходимый уровень объективности прокурора, участвующего в судебном рассмотрении дела»².

Отделение функций досудебного уголовного преследования и прокурорского надзора от функции поддержания обвинения в суде может быть осуществлено путем создания самостоятельной Службы государственных обвинителей (по аналогии со Следственным комитетом при Генеральной прокуратуре), предложения о чем уже выносились на рассмотрение научной общественности³. Так, по результатам анкети-

¹ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 55.

² Демидов И. Указ. соч. С. 26.

³ Аликиперов Х. Государственное обвинение: нужна реформа... С. 3; Землянухин А.В. Указ. соч. С. 68; Кобзарев Ф. Прокуроры и судьи о взаимодействии в сфере уголовного судопроизводства // Законность. 2006. № 8. С. 40.

рования, проведенного А.В. Землянухиным в 2005 г., за создание такой службы высказались 53% опрошенных государственных обвинителей¹. Думается, что создание такой службы станет следующим этапом в процессе реформирования органов прокуратуры России.

Нельзя не согласиться с мнением В.С. Зеленецкого о том, что «отрицание обвинения выступает для прокурора как познания им правовая необходимость, реализация которой требует воплощения в конкретном практическом действии — заявлении прокурора об отказе его от государственного обвинения»². Действительно, отказ от обвинения выступает для государственного обвинителя как необходимость, обязанность, — убеждение в выполнении которой формируется в результате исследования (познания) материалов уголовного дела и необходимых для принятия этого решения доказательств, при условии невозможности собирания в ходе судебного следствия новых доказательств, подтверждающих предъявленное подсудимому обвинение.

Вместе с тем, следует напомнить, что В.С. Зеленецкий предлагал рассматривать отказ государственного обвинителя от обвинения как дисфункцию уголовного судопроизводства, которая, будучи дивергентна функции обвинения, «примыкает к функции прокурорского надзора и выступает как средство ее осуществления и реализации»³. Впоследствии данная позиция была поддержана М.Б. Улищенко, которая отмечала «полезность» данной дисфункции и полагала, что в случае отказа прокурора от обвинения последнее «угасает»⁴.

С критикой понимания отказа государственного обвинителя от обвинения как дисфункции выступает А.В. Землянухин, полагаящий, что «понимание отказа от обвинения как дисфункции создает ситуацию, в которой орган уголовного преследования обязан осуществлять свою деятельность в противоположных направлениях, что невозможно

¹ Оценка целесообразности создания Службы государственных обвинителей будет дана в §2 настоящей главы.

² Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 11.

³ Там же. С. 33.

⁴ Улищенко М.Б. Функции и дисфункции в уголовном процессе // Сб. докладов теоретич. конф. асп-в ИГП РАН и МГЮА. М.: Изд-во ИГП РАН, 1995. С. 103.

с точки зрения законов психологии»¹. Соглашаясь в целом с мнением А.В. Землянухина, хотелось бы отметить, что разнонаправленность уголовного судопроизводства предусмотрена самим законодателем и сформулирована в ст. 6 УПК РФ как назначение уголовного судопроизводства, согласно которому уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных.

Исходя из того, что отказ государственного обвинителя от обвинения по своему направлению деятельности противоположен функции обвинения, закономерен вопрос, можно ли его тогда рассматривать как реализацию функции защиты, которая по своей направленности также противоположна функции обвинения?

Мнение о том, что отказ государственного обвинителя от обвинения является реализацией функции защиты, впервые было высказано еще в советский период. Так, И.Д. Перлов полагал, что «речь прокурора, в которой он отказывается от обвинения, не может быть, разумеется, названа обвинительной речью. В ней прокурор не обвиняет подсудимого. Он излагает все доводы и соображения в пользу оправдания подсудимого в интересах социалистического правосудия. Такая речь прокурора по своему содержанию и характеру напоминает защитительную речь»². В свою очередь, речь защитника при отказе прокурора от обвинения, как отмечал А.Л. Цыпкин, «представляет собою уже не спор с прокурором, а, в известной мере, дополнение и развитие тех доводов, которые изложил прокурор в своей речи, мотивируя свой отказ от обвинения»³. Таким образом, содержание речей в судебных прениях защитника и государственного обвинителя в случае отказа последнего от обвинения, а значит, их позиция по уголовному делу в целом, по мнению указанных авторов, полностью совпадает, что сви-

¹ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 95—96.

² Перлов И.Д. Указ. соч. С. 42.

³ Цыпкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1959. С. 330.

детельствует о едином направлении их процессуальной деятельности, то есть о выполнении единой процессуальной функции — функции защиты.

В.М. Савицкий парадоксальность данной ситуации объяснял следующим образом: «стороны обвинения, действуя фактически в одном направлении, сообща стараются доказать суду необходимость оправдания подсудимого, памятуя, что в противном случае ему грозит обвинительный приговор. Получается, как это ни парадоксально, что спор сторон уступает место их согласованным действиям перед лицом суда, в котором обе они видят своего потенциального процессуального противника»¹. Очевидно, что подобная общая задача процессуальной деятельности стороны обвинения и защиты была возможна только в условиях действия УПК РСФСР 1960 г., предусматривавшего обязанность суда в случае отказа государственного обвинителя от обвинения продолжить разбирательство дела и на общих основаниях разрешить вопрос о виновности или невиновности подсудимого (ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР 1960 г.).

В условиях действующего УПК РФ отказ государственного обвинителя от обвинения можно рассматривать как защиту подсудимого, но «защиту» не в узком смысле, как обозначение процессуальной деятельности защитника в уголовном судопроизводстве, а «защиту» в широком смысле, в котором данное понятие используется в ст. 6 УПК РФ, предусматривающей в качестве назначения уголовного судопроизводства «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В этом, широком, смысле защита подсудимого в форме отказа государственного обвинителя от обвинения, как представляется, есть реализация надзорных полномочий прокурора в рамках осуществляемого им уголовного преследования.

Последним аспектом в выявлении сущности отказа государственного обвинителя от обвинения является определение правового значения,

¹ Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения... С. 72.

которое имеет такой отказ для суда как государственного органа, уполномоченного на принятие итогового решения по уголовному делу.

Как отмечалось ранее, в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. суд не был связан заявлением государственного обвинителя об отказе от обвинения. По результатам судебного разбирательства суд должен был вынести обвинительный или оправдательный приговор, основанный на исследовании обстоятельств уголовного дела. Тем самым, отказ государственного обвинителя от обвинения по УПК РСФСР 1960 г. не имел какого-либо правового значения для суда и носил рекомендательный характер.

В соответствии с действующим УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего кодекса (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Пересмотр законодателем своего отношения к правовому значению отказа государственного обвинителя от обвинения для суда связан, как представляется, с провозглашением принципа состязательности в качестве определяющего тип современного уголовного судопроизводства. В условиях состязательности обвинение как процессуальная деятельность органов уголовного преследования является «движущей силой уголовного процесса»¹. В судебных стадиях уголовного судопроизводства принцип состязательности ограничивает процессуальные инициативы и пределы процессуальной деятельности суда предметом и объемом обвинения, поддерживаемого органом уголовного преследования в лице государственного обвинителя. Принцип состязательности, в частности, как указывает Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 8 декабря 2003 № 18-П, выражается в том, что «возбуждение

¹ Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. С. 86.

уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшим, к ведению же суда относится проверка и оценка правильности и обоснованности сделанных ими выводов по существу обвинения» (п. 7)¹.

Полный или частичный отказ органов уголовного преследования от обвинения в судебном производстве по уголовному делу означает полное или частичное прекращение реализации функции обвинения, что в условиях состязательного типа уголовного судопроизводства влечет полное или частичное прекращение реализации и функции защиты, а в целом — полное или частичное прекращение состязания сторон в уголовном судопроизводстве. Необходимым последствием утраты предмета судебного разбирательства, а также состязания как взаимообусловленной процессуальной деятельности стороны обвинения и стороны защиты является невозможность дальнейшего продолжения судом реализации функции разрешения уголовного дела по существу. В этой связи представляется логичным подход законодателя к нормативному закреплению требования вынесения судом в результате отказа государственного обвинителя от обвинения решения, не касающегося определения вопроса о виновности или невиновности подсудимого, а именно — решения о прекращении уголовного дела полностью или в соответствующей части.

Между тем изменение законодательного подхода к определению правового значения отказа государственного обвинителя от обвинения для суда было неоднозначно воспринято учеными-процессуалистами. В частности, в уголовно-процессуальной литературе было высказано мнение о том, что в ходе судебного разбирательства суд оценивает имеющиеся в деле доказательства по своему внутреннему убеждению, и оно может не совпадать с убеждением государственного обвинителя, однако

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. С. 5026.

в случае отказа государственного обвинителя от обвинения это не имеет правового значения, в результате чего, как полагает В.С. Балакшин, суд «лишается независимости в самом важном моменте процесса и попадает в зависимость от оценки прокурора»¹.

По мнению А.С. Барабаша, в действующих условиях законодательного регулирования отказа государственного обвинителя от обвинения «от правосудия остается только половина, которая реализуется тогда, когда прокурор не отказывается от обвинения. В этом случае судья не связан позицией прокурора по квалификации и по мере наказания. Половина потому, что правосудие — это в том числе решение суда не только по вопросу о виновности, но и о невиновности»².

Аналогичного мнения придерживается Т. Тетерина, отмечая, что «прекращая уголовное дело или уголовное преследование при отказе государственного обвинителя от обвинения, суд тем самым не решает дело, а выполняет волю одного из участников стороны обвинений. Не только государственный обвинитель, но и судья, присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Не только потерпевший лишается права на правосудие, но и суд лишается права его вершить»³.

Ясность в дискуссию по данному вопросу внес Конституционный Суд РФ, который в своем Определении от 14 декабря 2004 г. № 393-О указал, что «непредоставление суду полномочий, выходящих за рамки осуществляемой им функции правосудия, в том числе полномочия принимать решение в пределах сформулированного в обвинительном заключении или обвинительном акте обвинения в случае, если обвинитель полностью или частично отказался от него либо внес в него изменения, и, соответственно, возложение на суд обязанности прекратить

¹ Балакшин В.С. Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 2002. С. 88.

² Барабаш А.С. Указ. статья. С. 47.

³ Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 38.

уголовное дело (уголовное преследование) при полном или частичном отказе государственного обвинителя от обвинения, не может расцениваться как ограничение самостоятельности и независимости суда, гарантируемых Конституцией Российской Федерации» (п. 2)¹.

В этой связи также представляет интерес правовая позиция Верховного Суда РФ по вопросу о соотношении прекращения уголовного дела и оправдательного приговора при отказе государственного обвинителя от обвинения. В Определении от 9 февраля 2005 г. Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении кассационного представления государственного обвинителя, требующего отменить приговор в части оправдания подсудимого Л., осуществленного судом в результате отказа государственного обвинителя от обвинения. Обосновывая свой отказ, Верховный Суд РФ отметил, что в стадии судебного разбирательства доказательств причастности Л. к совершению преступления выявлено не было и «в связи с этим судом правильно, в соответствии с законом, был постановлен оправдательный приговор»². Тем самым Верховный Суд РФ полностью проигнорировал факт заявления государственным обвинителем отказа от обвинения по указанному эпизоду.

В Определении от 21 марта 2006 г. № 47-О06-6 Верховный Суд РФ также отказал в удовлетворении кассационного представления государственного обвинителя по аналогичному основанию, указав, что частичное оправдание подсудимого, а не частичное прекращение уголовного дела в результате отказа государственного обвинителя от обвинения хотя и является нарушением уголовно-процессуального закона, но «не является основанием для отмены приговора, так как суд принял решение по этому вопросу»³.

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского областного суда о проверке конституционности части седьмой статьи 246 и части второй статьи 254 УПК Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. N 393-О [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 февраля 2005 г. № 72-О04-70 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2006 г. № 47-О06-6 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

Буквальное толкование указанных определений Верховного Суда позволяет предположить, что для высшего судебного органа не имеет формального различия, в какой форме принято итоговое решение по уголовному делу, по которому государственный обвинитель отказался от обвинения: в форме решения о прекращении уголовного дела либо в форме частично оправдательного приговора. И хотя нарушения уголовно-процессуального закона были очевидны, они, по мнению Верховного Суда РФ, не имели существенного характера, так как не повлияли на законность, обоснованность и справедливость приговоров в целом (ч. 1 ст. 381 УПК РФ).

В Иркутской области в условиях действия УПК РФ также имели место случаи не частичного прекращения уголовного дела, а частично оправдания подсудимых при отказе государственного обвинителя от обвинения. В этом отношении показателен приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 17 ноября 2005 г., которым подсудимый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, и оправдан по ч. 3 ст. 327 УК РФ в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения¹.

Следует напомнить, что Конституционный Суд РФ еще до вступления в действие УПК РФ в своем Постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П высказывал по данному вопросу свою позицию, заключающуюся в том, что всецело от законодателя зависит, какие правовые последствия, исключающие продолжение производства по уголовному делу, предусмотреть при отказе государственного обвинителя от обвинения (п. 3). Таким образом, с концептуальной точки зрения любое решение суда, не содержащее выводов о виновности подсудимого в той части обвинения, в которой государственный обвинитель от него отказался, по мнению Конституционного Суда РФ, не противоречит Конституции РФ.

При конструировании правовых положений, регламентирующих порядок отказа государственного обвинителя от обвинения в УПК РФ,

¹ Архив Иркутского областного суда, 2005. Уголовное дело № 22-4790-05.

законодатель остановился на варианте (в случае такого отказа) незамедлительного прекращения уголовного дела судом. Это означало, что заявление государственным обвинителем мотивированного отказа влекло вынесение судом на любой стадии судебного разбирательства постановления (определения) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) полностью или в соответствующей части без выяснения каких-либо дополнительных обстоятельств, связанных с существом обвинения.

Однако уже в 2003 г. Конституционный Суд РФ по жалобе о проверке конституционности положений ч. 7 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ вынес Постановление № 18-П, в котором указал, что «отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, так и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела и заслушивания мнений по этому поводу участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты» (п. 7).

Дальнейшая процессуальная деятельность суда после заявленного государственным обвинителем отказа от обвинения, как представляется, носит не функциональный, а правообеспечительный характер. Она, в частности, направлена на обеспечение прав и законных интересов иных, кроме государственного обвинителя, участников уголовного судопроизводства, прежде всего, потерпевшего. Так, в соответствии с указанным Постановлением Конституционного Суда РФ непредоставление всем участникам уголовного судопроизводства возможности исследовать необходимые материалы уголовного дела и изложить свое мнение ограничивало бы такие их права, как право выступать в прениях, обжаловать вынесенное судом решение, в том числе о прекращении дела в результате отказа государственного обвинителя от обвинения, а также доказывать его незаконность, необоснованность и несправедливость в вышестоящем суде. В противном случае, по мнению Конституционного Суда РФ, нарушались бы не только процессуальные права участников судопроизводства, но и их конституционные права, гарантированные статьями 21 (часть 1), 45, 46 (часть 1) и 52 Конституции РФ.

Данное Постановление Конституционного Суда РФ, со всей очевидностью, носит компромиссный характер: с одной стороны, в нем так и не констатировано ограничение или ущемление процессуальных прав потерпевшего при отказе государственного обвинителя от обвинения, но, с другой стороны, исключена возможность незамедлительного прекращения уголовного дела судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Вместе с тем, вызывает сомнение целесообразность проведения в случае полного отказа государственного обвинителя от обвинения дальнейшего судебного разбирательства, в рамках которого с формальной точки зрения должно продолжаться осуществление правосудия по уголовному делу. Как представляется, указанное Постановление Конституционного Суда РФ по существу предусматривает правовую фикцию, заключающуюся в обязанности суда осуществить исследование материалов уголовного дела, независимо от результатов которого суд не имеет возможности принять никакого иного решения, кроме как решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

В российском законодательстве, к сожалению, не существует правового механизма обжалования решений Конституционного Суда РФ, так как в соответствии со ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»¹ решения Конституционного Суда РФ окончательны, обжалованию не подлежат, а их юридическая сила о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. Поэтому приходится констатировать, что требование Конституционного Суда РФ о необходимости исследования необходимых материалов для прекращения уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения приобрело значение непредусмотренного уголовно-процессуальным законом принципа (общего начала) судебного разбирательства, отмена или изменение которого будут возможны исключительно в форме нового решения Конституционного Суда

¹ О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. 1447.

РФ, предусматривающего пересмотр собственной правовой позиции по данному вопросу.

Между тем при существующей правовой позиции Конституционного Суда РФ представляется обоснованным утверждение о том, что непосредственно перед вынесением решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) Суд в результате исследования необходимых материалов уголовного дела и заслушивания мнений сторон обладает таким же объемом сведений об обстоятельствах совершенного преступления по рассматриваемому уголовному делу, что и перед вынесением приговора. То есть, можно утверждать, что решение суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в результате отказа государственного обвинителя от обвинения, по сути, принимается в тех же правовых условиях, что и оправдательный приговор. Аналогичен и порядок принятия указанных решений. В соответствии с ч. 2 ст. 256 УПК РФ определение или постановление о прекращении уголовного дела выносятся в совещательной комнате в виде отдельного процессуального документа.

Учитывая вышеизложенное, в уголовно-процессуальной литературе высказываются мнения о преимуществах для подсудимого вынесения оправдательного приговора по сравнению с решением о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Так, А.В. Абрамов считает, «в условиях состоявшегося судебного разбирательства при полном отказе государственного обвинителя от обвинения для подсудимого с процессуальной, этической и психологической точек зрения более предпочтительно признание подсудимого невиновным по оправдательному приговору суда, нежели прекращение уголовного преследования путем вынесения соответствующего постановления»¹. Такого же мнения придерживается О.А. Корнеев, полагающий, что в противном случае «у обывателей может возникнуть ощущение недоказанности вины подсудимого»². Р. Куссмауль также обращает внимание на этическую сторону

¹ Абрамов А.В. Указ. соч. С. 71.

² Корнеев О.А. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2005. С. 66.

вопроса и отмечает, что «оправдательный приговор в отличие от постановления или определения содержит категорический вывод о невиновности, поэтому имеет реабилитирующее значение не только в правовом, но и в общественном смысле»¹. Между тем, по мнению А.А. Казанцева, в случае отказа государственного обвинителя от обвинения «принципиальных отличий между оправданием и прекращением уголовного преследования для подсудимого не имеется (и в том, и в другом случае он будет считаться несудимым и будет иметь право на реабилитацию)»². Аналогичного мнения придерживается А.В. Землянухин, отмечающий, что «отказ от обвинения влечет все социально-правовые последствия оправдательного приговора»³.

Представляет особый интерес законодательное регламентирование правового значения для суда отказа государственного обвинителя от обвинения в странах со схожими системами уголовного судопроизводства.

Так, по УПК Республики Беларусь в случае отказа государственного обвинителя от обвинения до начала судебного следствия, если от обвинения отказался также и потерпевший, суд своим определением (постановлением) прекращает производство по уголовному делу. Если такой отказ государственным обвинителем и потерпевшим заявлен в ходе судебного следствия или по его окончании, суд постановляет оправдательный приговор (ч. 8 ст. 293)⁴.

По УПК Азербайджанской Республики если во время судебного разбирательства государственный обвинитель и частный обвинитель откажутся поддерживать обвинение (до удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового судебного решения), суд должен

¹ Кусмауль Р. Всякое прекращение уголовного преследования — реабилитирует // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 45.

² Казанцев А.А. Прекращение уголовного преследования в суде ввиду отказа прокурора от поддержания государственного обвинения // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 9 (приложение). С. 42.

³ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 94.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 602 с.

прекратить уголовное преследование (ч. 2 ст. 314)¹. Производство по уголовному делу в случае отказа государственного обвинителя от обвинения также прекращается по УПК Республики Армения (ч. 4 ст. 306)² и УПК Республики Казахстан (ч. 7 ст. 317)³.

По УПК Эстонии отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство уголовного дела и разрешить вопрос об ответственности подсудимого (ч. 4 ст. 210)⁴.

В уголовно-процессуальных законах Кыргызской Республики⁵ и Республики Узбекистан⁶ правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения для суда не регламентированы. По УПК Республики Молдова правом отказа от обвинения государственный обвинитель не обладает⁷. Очевиден неоднозначный подход законодателей различных стран к определению правового значения отказа государственного обвинителя от обвинения для суда. Это, как представляется, еще раз подтверждает отсутствие единого понимания в науке уголовного процесса правовой сущности данного субинститута.

Наконец, концептуальную важность представляет законодательное регулирование в российском уголовном судопроизводстве правовых последствий выявления судом в ходе судебного разбирательства реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, предусмотренных п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Так,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-ІГ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. Загл. с экрана.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. Загл. с экрана.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-І [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. Загл. с экрана.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. М.: Юрист, 2004. 272 с.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. Загл. с экрана.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХІІ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lawlib.freenet.uz>, свободный. Загл. с экрана.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-ХV [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. Загл. с экрана.

при наличии реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела, но в случае формального отсутствия отказа государственного обвинителя от обвинения, суд не вправе вынести постановление (определение) о прекращении уголовного дела, а в соответствии с ч. 8 ст. 302 УПК РФ «продолжает рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. В случаях, предусмотренных пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего кодекса, суд постановляет оправдательный приговор».

Таким образом, характер и форма итогового решения суда по уголовному делу при наличии реабилитирующих оснований для его прекращения зависят от наличия или отсутствия выраженной в виде отказа от обвинения воли государственного обвинителя (стороны обвинения в целом) о прекращении процессуальной деятельности по обоснованию виновности подсудимого в совершении деяний, составляющих предмет обвинения или его часть:

1) наличие отказа государственного обвинителя от обвинения, заявленного по реабилитирующим основаниям, влечет вынесение судом постановления (определения) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) полностью или в соответствующей части (п. 2 ст. 254 УПК РФ);

2) отсутствие отказа государственного обвинителя от обвинения при наличии реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования) влечет вынесение судом оправдательного (ч. 8 ст. 302 УПК РФ) или частично-оправдательного (ч. 2 ст. 308 УПК РФ) приговора.

* * *

Выводы:

1. Отказ государственного обвинителя от обвинения необходимо рассматривать в качестве субинститута такого института уголовно-процессуального права, как институт обвинения. Субинститут отказа государственного обвинителя от обвинения представляет совокупность уго-

ловно-процессуальных норм, регламентирующих часть общественных отношений в рамках института обвинения, которые возникают между государственным обвинителем, судом и иными участниками судебного разбирательства в результате заявления государственным обвинителем отказа от обвинения.

2. В системе процессуальных функций уголовного судопроизводства отказ государственного обвинителя от обвинения осуществляется в рамках реализации государственным обвинителем функции обвинения и заявляется в результате познанной им необходимости прекратить уголовное преследование лица, обвинение которого незаконно либо необоснованно, что само по себе также является реализацией в судебном разбирательстве его надзорных полномочий за результатами предварительного расследования. В целом отказ государственного обвинителя от обвинения вытекает из назначения уголовного судопроизводства и является защитой подсудимого в широком смысле.

3. Сущность отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве заключается в полном или частичном прекращении реализации функции обвинения, что в условиях состязательного типа уголовного процесса влечет полное или частичное прекращение реализации и функции защиты, а в целом — полное или частичное прекращение состязания сторон в уголовном судопроизводстве. Необходимым последствием утраты полностью или частично предмета судебного разбирательства, а также состязания как взаимообусловленной процессуальной деятельности стороны обвинения и стороны защиты является невозможность дальнейшего продолжения судом реализации функции разрешения уголовного дела по существу, что предопределяет принятие им итогового решения, закрепляющего результаты изменения пределов судебного разбирательства. Единственным решением суда в условиях состязательного типа уголовного судопроизводства в случае отказа государственного обвинителя от обвинения может быть решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

§2. Понятие отказа государственного обвинителя от обвинения

В уголовно-процессуальной литературе предпринято несколько попыток дать определение понятию «отказ государственного обвинителя от обвинения»¹.

Так, В.Ф. Крюков определяет отказ от обвинения как «сделанное прокурором в судебном заседании заявление, в котором он полностью или частично выражает негативное отношение к обвинению в форме отрицания его законности и обоснованности, мотивирует невозможность его поддержания в отношении подсудимого и сообщает о полном или частичном прекращении обвинительной деятельности по уголовному делу, что порождает установленные законом процессуальные последствия для всех участников процесса»².

Н.А. Кириллова предлагает следующее определение — это «сформировавшаяся в результате исследования материалов уголовного дела позиция государственного обвинителя об отсутствии события преступления, состава преступления, непричастности подсудимого к совершению преступления либо нарушении предусмотренного ст.ст. 147, 448 УПК РФ порядка возбуждения уголовного дела (привлечения лица в качестве обвиняемого), выраженная в судебном заседании в форме мотивированного заявления о полном или частичном прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и влекущая предусмотренные законом последствия»³. Тем самым, автор определяет анализируемое понятие через родовое понятие «позиция государственного обвинителя».

Аналогичный подход использует О.Д. Кузнецова, которая под отказом государственного обвинителя от обвинения понимает «позицию, заявленную в ходе судебного разбирательства, относитель-

¹ Первым данное понятие попытался определить В. С. Зеленецкий в 1979 г. (См. подр. §2 главы I настоящей работы).

² Крюков В.Ф. Отказ прокурора от государственного обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. С. 20.

³ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 21.

но недоказанности всего объема обвинения или его части, а также юридической оценки совершенного преступления в сторону его смягчения, влекущую обязательные для суда последствия в виде прекращения уголовного дела в целом или в его части, а также в виде изменения юридической оценки, соответствующей данной позиции обвинения»¹.

А.В. Землянухин рассматривает понятие «отказ государственного обвинителя от обвинения» как уголовно-процессуальный акт, который «выражается в отказе должностного лица, осуществляющего уголовное преследование в отношении обвиняемого (подсудимого), от обвинительного тезиса и обвинительной деятельности, когда оно приходит к выводу о несостоятельности такого тезиса и такой деятельности и невозможности дальнейшего продолжения уголовного преследования в полном объеме или в определенной части»².

Большинство предложенных определений отказа государственного обвинителя от обвинения, как представляется, отражают отдельные аспекты и особенности порядка отказа от обвинения, не выражая, однако, сущности данного правового явления в целом. Между тем, как верно отмечают В.И. Кириллов и А.А. Старченко, «в правовых науках точное определение понятий имеет не только теоретическое, но и практическое значение»³. Поэтому предложение собственного подхода к определению рассматриваемого понятия, закрепляющего все его существенные признаки⁴, является важным и необходимым условием дальнейшего научного исследования отказа государственного обвинителя от обвинения как самостоятельного правового явления.

¹ Кузнецова О.Д. Тактика ведения защиты и поддержания обвинения в суде первой инстанции // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 46.

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 10.

³ Кириллов В.И. Логика: Учебник для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. М.: Юристъ, 1998. С. 47.

⁴ Существенные признаки явления — это признаки, выражающие его сущность (Кириллов В.И. Логика: Учебник для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. М.: Юристъ, 1998. С. 30.).

Существенными признаками понятия «отказ государственного обвинителя от обвинения» являются:

1. Субъект отказа. В качестве субъекта отказа от обвинения по уголовным делам публичного и частно-публичного характера, а также по уголовным делам частного характера, если такие дела были возбуждены следователем либо дознавателем с согласия прокурора, выступает в соответствии с ч. 2 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель.

Согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ государственный обвинитель — это поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры (УПК РФ в ред. от 5 июня 2007 г.¹).

Необходимо отметить, что подход законодателя к вопросу наделения полномочиями государственного обвинителя различных должностных лиц с момента принятия УПК РФ несколько раз подвергался пересмотру. Так, в первой редакции п. 6 ст. 5 УПК РФ предусматривал, что в качестве государственного обвинителя в суде, кроме должностного лица органа прокуратуры, по поручению прокурора могло выступать должностное лицо органа дознания. Впоследствии, незадолго до вступления УПК РФ в действие, в него были внесены изменения, предусматривавшие, что правом поддержания обвинения в суде наделялся также следователь (УПК РФ в ред. от 29 мая 2002 г.²).

Законодательная идея о возможности поддержания обвинения в суде следователями и дознавателями, как представляется, была направлена на восполнение нехватки государственных обвинителей в прокуратурах отдаленных районов, в которых один помощник прокурора осуществлял несколько направлений деятельности, в том числе поддержание обвинения в суде, не обладая при этом должной профессиональной

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

² О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. 22. Ст. 2027.

подготовкой и достаточным временем для изучения материалов уголовного дела.

Однако 3 июня 2002 г. Генеральным прокурором РФ был издан приказ № 28 «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»¹, в котором предписывалось «до особого распоряжения исключить поручение поддержания государственного обвинения в суде должностным лицам органа дознания и следователям» (п. 1.4). В Приказе Генерального прокурора от 17 августа 2006 г. № 61 «Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»² содержалось указание: «поддержание государственного обвинения в суде поручать должностным лицам органа дознания и следователям в исключительных случаях» (п. 1.4).

В уголовно-процессуальной литературе по поводу наделения должностных лиц органа дознания и следователей полномочиями по поддержанию государственного обвинения в суде высказывались неоднозначные суждения.

По мнению И. Демидова и А. Тушева, «следователь не может быть достаточно объективным при поддержании обвинения в суде. Невозможно представить, чтобы он отказался от обвинения, изменил его в сторону смягчения и тем самым публично признался в несостоятельности предварительного расследования, проведенного им самим или его коллегой»³.

Х. Аликперов в этой связи отмечает, что «функции государственного обвинителя могут выполнять далеко не все сотрудники органов уголовного преследования, что это особый вид деятельности в области юриспруденции, который сродни искусству, овладеть всеми тонкостями которого дано не каждому юристу»; автор еще в 2003 г. предлагал исключить

¹ Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора от 3 июня 2002 г. № 28 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора РФ от 17 августа 2006 г. № 61 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Демидов И. Указ. статья. С. 27.

следователей и дознавателей из числа лиц, уполномоченных выступать в качестве государственных обвинителей в суде¹.

С другой стороны, как полагает А.В. Трикс, «привлечение следователей и дознавателей к поддержанию государственного обвинения имеет свои несомненные преимущества: во-первых, привлечение большего числа работников прокуратуры к данной деятельности позволяет восполнить нехватку государственных обвинителей; во-вторых, — и это, на наш взгляд, самое главное — сотрудники, имеющие отношение к расследованию уголовных дел, получают возможность увидеть конечный результат своей работы и убедиться, что безупречное, с их точки зрения, уголовное дело по мнению суда таковым не является»².

Очевидно, что аргументы всех вышеприведенных авторов заслуживают внимания. Вместе с тем, окончательное решение законодателя об исключении должностных лиц органа дознания и следователей из числа государственных обвинителей представляется оправданным и обусловлено общей направленностью реформирования обвинительной власти в современном уголовном судопроизводстве. В частности, создание Следственного комитета как самостоятельной структуры, хотя и в составе органов прокуратуры, направлено на ограничение полномочий прокуроров по осуществлению досудебного уголовного преследования. Несмотря на то что в соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК в редакции от 5 июня 2007 г. РФ прокурор все еще уполномочен осуществлять уголовное преследование, перечень прав прокурора по его осуществлению в досудебном производстве значительно сужен (начиная с лишения права давать согласие на возбуждение уголовного дела и заканчивая лишением права самостоятельно изменять объем обвинения или квалификацию действий обвиняемого при утверждении обвинительного заключения). Возможным результатом в этой связи должно стать и ограничение прав прокурора при осуществлении уголовного преследования в судебном производстве. Так, наиболее вероятным вариантом в данном направле-

¹ Аликперов Х. О процессуальной фигуре государственного обвинителя // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 46—47.

² Трикс А.В. Справочник прокурора. СПб.: Питер Пресс, 2007. С. 141.

нии является создание, как уже отмечалось, самостоятельной Службы государственных обвинителей. Служба государственных обвинителей, как представляется, должна окончательно разграничить между 3 достаточно автономными структурными подразделениями органов прокуратуры осуществление таких направлений деятельности, как прокурорский надзор, уголовное преследование в досудебном производстве и поддержание обвинения в суде.

В настоящее время поддержание государственного обвинения на практике чаще всего поручается помощникам прокурора¹, реже — заместителям прокурора. Как указывает О.Я. Баев, «случаи поддержания государственного обвинения самим прокурором весьма нечасты, ибо это предопределяет необходимость для него на достаточно длительное время отвлекаться от исполнения других своих многочисленных повседневных обязанностей. Обычно прокуроры участвуют в качестве государственных обвинителей в суде лишь по уголовным делам, имеющим повышенное социальное звучание»². Так, приказом Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»³ руководителям прокуратур предписано регулярно поддерживать государственное обвинение, при этом прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур лично поддерживать государственное обвинение по уголовным делам, вызывающим широкий общественный резонанс, не менее одного раза в квартал (п. 1.2). Нельзя, при этом, не отметить, что ранее

¹ Нельзя в этой связи не отметить спорное, но существующее в научной литературе мнение о том, что «от поддержания государственного обвинения должны быть освобождены помощники прокуроров всех уровней», а для прокуроров, специализирующихся на поддержании обвинения в суде, должен быть введен квалификационный экзамен, а также предусмотрено требование к стажу работы по специальности не менее четырех лет (См.: Ермакова Т.А. Государственное обвинение // Закон и право. 2008. № 5. С. 75.).

² Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 58.

³ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

действовавшим приказом Генерального прокурора РФ от 20 августа 2002 г. № 51 «О поддержании государственного обвинения»¹ прокурорам субъектов Российской Федерации предписывалось лично поддерживать государственное обвинение не менее чем по 10 уголовным делам в год (п. 1). Например, В. Устинов, будучи Генеральным прокурором в период с 2000 по 2006 г., осуществлял поддержание государственного обвинения в суде всего один раз — в 2001 г. по уголовному делу о захвате заложников в г. Кизляр.

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Землянухина о том, что является законодательным пробелом отсутствие в УПК РФ в разделе II «Участники уголовного судопроизводства» самостоятельной статьи, которая бы регламентировала правовой статус государственного обвинителя². Конечно, существующее положение можно объяснить тем, что правовой статус государственного обвинителя частично регламентируется ст. 246 УПК РФ, а также тем, что государственный обвинитель является участником не всего уголовного судопроизводства, а только его судебных стадий. Однако данный подход законодателя, думается, не согласуется с тем, что ст. 43 УПК РФ предусматривает понятие и ссылки на перечень прав частного обвинителя. В этой связи следует поддержать предложение А.В. Землянухина дополнить главу 6 УПК РФ ст. 371 «Государственный обвинитель», в которой изложить его полномочия³. Думается, что, скорее всего, данные изменения будут внесены законодателем в УПК РФ одновременно с внесением изменений, предусматривающих создание Службы государственных обвинителей.

Согласно ч. 4 ст. 246 УПК РФ государственное обвинение могут поддерживать несколько прокуроров. В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» группы государственных обвинителей могут создаваться по наиболее сложным делам

¹ О поддержании государственного обвинения: Приказ Генерального прокурора РФ от 20 августа 2002 г. № 51 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 63.

³ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 64.

(п. 1.5), при этом состав таких групп утверждается распоряжениями заместителей Генерального прокурора Российской Федерации или тех прокуроров субъектов Российской Федерации и соответствующих военных прокуроров, которым поручено организовать поддержание государственного обвинения (п. 5.5).

Группа государственных обвинителей, по верному утверждению О.И. Куленко, выступает «как одна процессуальная фигура, действует согласованно, обычно не имея расхождений во взглядах на тот или иной вопрос. Мнение выражает кто-нибудь один, а остальные просто присоединяются к его позиции»¹. Весьма интересен в этой связи вопрос о том, как быть в случае, если мнения прокуроров, поддерживающих обвинение в рамках одного уголовного дела, разделились по вопросу о законности и обоснованности обвинения полностью или в части? Имеет ли право отдельный прокурор отказаться от обвинения и каковы должны быть правовые последствия такого отказа для остальных прокуроров и для суда?

Ответы на поставленные вопросы, как представляется, зависят от того, обладает ли каждый прокурор из поддерживающих обвинение по одному уголовному делу самостоятельным процессуальным статусом государственного обвинителя, что с однозначностью не следует из положений ст. 246 УПК РФ. Если признать, что каждый прокурор является самостоятельным государственным обвинителем, то тогда следует признать и то, что отказ данного прокурора как процессуально самостоятельной фигуры должен влечь правовые последствия, предусмотренные ч. 7 ст. 246 УПК РФ, то есть прекращение уголовного дела или уголовного преследования без учета мнений остальных прокуроров, поддерживающих обвинение по данному делу. Очевидно, что такой порядок противоречил бы принципу единства в организации и деятельности органов прокуратуры. Отказ от обвинения одного из прокуроров в группе поддерживающих обвинение не может иметь какого-либо

¹ Куленко О.И. Теоретический аспект отказа прокурора от обвинения в уголовном процессе // Вестник Челябин. ун-та. Серия 9. Право. 2002. № 1(3). С. 111.

процессуального значения, так как не выражает общего мнения органа прокуратуры, от имени которого осуществляется данная деятельность. Можно сделать вывод о том, что в случае поддержания обвинения по одному уголовному делу несколькими прокурорами государственный обвинитель является коллективным, и отказ от обвинения коллективного участника уголовного судопроизводства, соответственно, может иметь процессуальное значение только при наличии солидарного убеждения всех прокуроров, входящих в его состав, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

Безусловно, законодатель может предложить регламентирование процессуальных взаимоотношений между прокурорами, поддерживающими обвинение по одному уголовному делу, в соответствии с иными принципами. Например, по образцу процессуальных взаимоотношений между членами следственной группы, в которой наиболее важные решения принимаются руководителем группы, назначаемым из входящих в ее состав следователей (ч.ч. 2—4 ст. 163 УПК РФ). Однако до внесения соответствующих изменений в УПК РФ руководителем группы прокуроров, образующих коллективного государственного обвинителя, может быть только вышестоящий по отношению к остальным прокурор, который имеет право давать обязательные для исполнения указания нижестоящим в силу своего должностного положения в системе органов прокуратуры (ч. 1 ст. 4 ФЗ «О прокуратуре РФ»).

2. Объектом отказа государственного обвинителя от обвинения является обвинение, которое в науке уголовно-процессуального права традиционно рассматривается в 2 смыслах: в материально-правовом и в процессуальном¹.

¹ См.: *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и изменение его в суде. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1963. С. 16; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса... — Т. 1. С. 190; *Савицкий И.М.* Государственное обвинение в суде... С. 63; *Зинатуллин З.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учеб. пособие / З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск: Детектив-информ, 1997. С. 13; *Петрова Н.Е.* Частное и субсидиарное обвинение. Самара: Самар. гос. ун-т, 2004. С. 22; *Королев Г.Н.* О соотношении понятий «уголовное преследование» и «обвинение» в уголовно-процессуальном праве и теории уголовного процесса // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 236.

В материально-правовом смысле обвинение — это обвинительный тезис, содержащий описание и юридическую квалификацию совершенного определенным лицом деяния, которое запрещено уголовным законом.

В процессуальном смысле обвинение — это процессуальная деятельность, направленная на установление и обоснование перед судом виновности конкретного лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом.

По справедливому мнению Н.А. Кирилловой, «законодательное определение обвинения как утверждения о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ (п. 22 ч. 1 ст. 5 УПК РФ), сочетает оба приведенных выше аспекта — как материальный, так и процессуальный»¹. Отказ только от материального либо только от процессуального обвинения недопустим, так как в первом случае отсутствовал бы предмет судебного разбирательства, а во втором — лицо, в отношении которого было прекращено уголовное дело (уголовное преследование), оставалось бы «под подозрением»².

Для правильного понимания процессуального значения отказа от обвинения представляется оправданным рассмотреть вопрос о структуре обвинения в материально-правовом смысле³. В уголовно-процессуальной литературе нет общепринятого подхода к определению данной структуры. Некоторые авторы выделяют такие элементы обвинения, как формулировка и юридическая квалификация обвинения⁴. Другие расчленяют формулировку обвинения на 2 подэлемента — фабулу и юридическую формулировку обвинения⁵. Третьи именуют формулировку формулой обвинения, употребляя оба понятия в качестве синонимов⁶. Кроме того, отдельные авторы в структуре обвинения выделяют такой элемент,

¹ *Кириллова Н.А.* Указ. соч. С. 16.

² Приговор об оставлении под подозрением являлся одним из видов решения суда по существу в розыском уголовном судопроизводстве вплоть до введения в действие УУС.

³ Процессуальным аспектам отказа от обвинения посвящена глава III настоящей работы.

⁴ *Добровольская Т.Н.* Указ. соч. С. 11.

⁵ *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и изменение его в суде... С. 35—43.

⁶ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса... Т. 2. С. 161.

как сведения о личности лица, которому вменяется в вину совершение преступления¹.

Современный законодатель оперирует такими понятиями, как «существо обвинения», «формулировка обвинения», «объем обвинения» и «юридическая квалификация». Так, согласно ч. 5 ст. 172 УПК РФ при предъявлении обвинения следователь разъясняет обвиняемому существо предъявленного обвинения². В соответствии с ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении следователь указывает: 3) существо обвинения, место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; 4) формулировку предъявленного обвинения с указанием пункта, части, статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающих ответственность за данное преступление.

Существо (сущность) обвинения — это описание всех фактических обстоятельств совершенного преступления, имеющих значение для его юридической квалификации.

Формулировка обвинения — это краткое изложение уголовно-правовых норм, нарушение которых вменяется обвиняемому³.

Объем обвинения — это процессуальные пределы предъявленного обвинения, зависящие от наличия:

- 1) квалифицирующих признаков преступления;
- 2) обстоятельств, смягчающих либо отягчающих наказание;
- 3) совокупности совершенных преступлений.

Юридическая квалификация — это указание пункта, части, статьи уголовного закона, предусматривающих ответственность за конкретное преступление (конкретные преступления).

Перечисленные элементы обвинения взаимосвязаны и взаимообусловлены. В частности, сущность обвинения определяет его формули-

¹ Шадрин Е. Г. К вопросу о структуре обвинения // Следователь. Федеральное издание. 2008. № 2 (118). С. 37.

² В бланке постановления о привлечении в качестве обвиняемого (прил. 92 к ст. 476 УПК РФ) использовалось понятие «сущность обвинения».

³ Макаров С. Д. Изменение квалификации преступлений в судебном разбирательстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 326.

ровку и объем, а в целом они определяют юридическую квалификацию обвинения. Взаимобусловленность данных элементов выражается в том, что знание исключительно юридической квалификации обвинения не позволяет судить о его сущности, а знание объема обвинения не влечет его точного формулирования.

Практическое значение указанных понятий при отказе государственного обвинителя от обвинения заключается в том, что такой отказ возможен исключительно в рамках предъявленного объема обвинения без изменения его сущности, что в итоге влечет изменение формулировки и юридической квалификации обвинения¹. Изменение материального обвинения в результате отказа государственного обвинителя от обвинения влечет изменение пределов судебного разбирательства. В этой связи наиболее важной задачей государственного обвинителя при заявлении отказа от обвинения является точное указание формулировки и юридической квалификации того объема обвинения, который исключается из предмета судебного разбирательства.

Следует обратить внимание на то, что ч. 4 ст. 37 УПК РФ содержит правомочие прокурора в порядке и по основаниям, которые установлены УПК РФ, отказаться от осуществления уголовного преследования с обязательным указанием мотивов своего решения. Аналогичные положения содержатся и в уголовно-процессуальных законах некоторых стран СНГ и ближнего зарубежья (ч. 9 ст. 23 УПК Республики Казахстан, ст. 35 УПК Республики Армения, ч. 4 ст. 38 УПК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 51 УПК Республики Молдова).

В соответствии с ч. 1 ст. 20 УПК РФ уголовное преследование включает обвинение в суде, поэтому понятие «отказ от уголовного преследования» является более широким, чем понятие «отказ от обвинения»². И, если понятие «отказ от обвинения» используется законодателем

¹ О соотношении частичного отказа от обвинения и изменения обвинения, а также о требованиях, предъявляемых к изменению обвинения, подробнее в § 3 настоящей главы.

² В ст. 20 УПК РФ понятие «уголовное преследование» используется в широком смысле, как синоним понятия «производство по уголовному делу», в то время как в ст. 27 УПК РФ «Основания прекращения уголовного дела» данное понятие используется в узком смысле.

применительно к полномочиям прокурора, осуществляющего поддержание обвинения в суде, то необходимо заключить, что понятие «отказ от уголовного преследования» должно применяться к полномочиям прокурора в досудебном производстве. До внесения в УПК РФ изменений Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ прокурор, действительно, имел право отказаться от уголовного преследования путем¹:

1) отказа в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ);

2) прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в случае осуществления предварительного расследования самим прокурором (п.п. 2—3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3) прекращения уголовного дела (уголовного преследования), поступившего с обвинительным заключением (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ).

Изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, полностью исключили все вышеуказанные полномочия прокурора.

Так, в настоящее время по поступившему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением прокурор в соответствии с ч. 1 ст. 221 УПК РФ обязан принять одно из следующих решений:

1) об утверждении обвинительного заключения и о направлении уголовного дела в суд;

2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;

3) о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду.

В этой связи возникает вопрос: какое решение может принять прокурор, если на данном этапе придет к убеждению о том, что представ-

¹ При наличии соответствующих реабилитирующих оснований, предусмотренных п.п. 1—2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

ленные в обвинительном заключении доказательства не подтверждают предъявленное обвиняемому обвинение полностью или в части? Безусловно, наиболее очевидным является решение о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия с целью собирания новых доказательств, подтверждающих предъявленное обвинение, либо изменения обвинения или квалификации действий обвиняемого. В этом случае срок дополнительного следствия, согласно ч. 6 ст. 162 УПК РФ, не может превышать 1 месяца со дня поступления уголовного дела следователю. УПК РФ при этом не ограничивает число возможных направлений следователем уголовного дела с обвинительным заключением прокурору и его возвращений прокурором для производства дополнительного следствия. Представляет интерес правовая позиция по этому вопросу Конституционного Суда РФ, который в своем Определении от 11 июля 2006 г. № 352-О¹ отметил, что ч. 6 ст. 162 УПК РФ прямого указания на возможность неоднократного продления срока предварительного следствия не содержит и, «следовательно, не может рассматриваться как позволяющая прокурору неоднократно, тем более по одному и тому же основанию, продлевать срок предварительного следствия, если в результате общая его продолжительность будет более чем на один месяц превышать срок, установление которого в соответствии с частями четвертой и пятой данной статьи относится к компетенции этого прокурора. Такое продление должно расцениваться как произвольное и нарушающее права, гарантированные статьей 46 Конституции Российской Федерации и пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (п. 2).

На разрешение процессуального спора, который может возникнуть между прокурором, отказавшимся утвердить обвинительное заключение по мотивам его незаконности либо необоснованности,

¹ По запросу Промышленного районного суда города Оренбурга о проверке конституционности части шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 № 352-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

и следователем, которому уголовное дело возвращено для дополнительного следствия, направлена новая ч. 4 ст. 162 УПК РФ. Данной частью предусматривается, что «постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано им с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением — Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти)». Таким образом, законодатель предусмотрел достаточно сложный механизм разрешения процессуального спора, который может возникнуть между следователем, направляющим уголовное дело с обвинительным заключением прокурору, и самим прокурором, оценивающим законность и обоснованность изложенного в этом обвинительном заключении обвинения. Как справедливо отмечает в этой связи Д.А. Маслова, «установленная УПК РФ новая процедура обжалования следователем указаний прокурора на стадии возбуждения государственного обвинения является громоздкой и нереализуемой на практике»¹.

В аспекте исследуемой темы данный подход законодателя диссонирует с правом прокурора, предусмотренным ч. 7 ст. 246 УПК РФ, отказаться от обвинения, содержащемся в том же самом обвинительном заключении, на более поздних стадиях уголовного судопроизводства. Возникает парадоксальная ситуация: прокурор не вправе отказаться от обвинения, изложенного в обвинительном заключении, в досудебном производстве, но вправе это сделать на первой же стадии судебного производства по уголовному делу — на стадии подготовки к судебному заседанию в форме предварительного слушания².

¹ Маслова Д.А. Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2008. С. 8.

² Об этом подр. в главе III настоящей работы.

Вместе с тем, восстановление права прокурора прекратить уголовное дело либо уголовное преследование при рассмотрении поступившего от следователя уголовного дела с обвинительным заключением, как представляется, явилось бы явным отступлением от реализуемой законодателем концепции разграничения в системе органов прокуратуры таких направлений деятельности, как уголовное преследование в досудебном производстве и поддержание обвинения в суде. Думается, что законодатель внес изменения в часть 2 УПК РФ, регламентирующую досудебное производство по уголовному делу, с учетом того, что следующим шагом в реформировании органов, осуществляющих уголовное преследование, явится создание Службы государственных обвинителей. В случае создания такой службы отказ от обвинения как процессуальное полномочие стороны обвинения будет находиться в ее исключительной компетенции, в то время как прокурор полностью утратит какие-либо полномочия по осуществлению уголовного преследования и в досудебном, и в судебном производствах.

Нельзя не отметить, что рассмотренные особенности разграничения полномочий прокурора в досудебном и судебном производствах, возникшие в результате внесения в УПК РФ изменений от 5 июня 2007 г., не распространяются на предварительное расследование в форме дознания. Так, по уголовному делу, поступившему прокурору с обвинительным актом, прокурор вправе прекратить уголовное дело по основаниям, предусмотренным ст.ст. 24—28 УПК РФ (п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ) либо своим постановлением исключить из обвинительного акта отдельные пункты обвинения либо перекалificar обвинение на менее тяжкое (ч. 2 ст. 226 УПК РФ). Тем самым законодатель оставил при производстве дознания за прокурором право, при наличии реабилитирующих оснований, предусмотренных п.п. 1—2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, отказаться полностью или частично от уголовного преследования в досудебном производстве.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: в соответствии с изменениями в УПК РФ от 5 июня 2007 г.

прокурор в досудебном производстве по уголовному делу, в зависимости от формы предварительного расследования, обладает различным объемом полномочий по распоряжению обвинением: по уголовным делам, расследованным в форме предварительного следствия, прокурор не имеет права отказаться от уголовного преследования даже по реабилитирующим основаниям, в то время как по уголовным делам, расследованным в форме дознания, прокурор такое право сохранил. Указанные изменения в целом направлены на четкое разграничение в органах прокуратуры осуществления таких направлений деятельности, как прокурорский надзор, уголовное преследование в досудебном производстве и поддержание обвинения в суде.

3. Правовая позиция субъекта отказа от обвинения по отношению к обвинению как объекту данного правового акта выражается в полном или частичном отрицании обвинения в материальном смысле и прекращении процессуальной деятельности по его обоснованию перед судом.

В.С. Зеленецкий в этой связи указывал, что отрицание обвинения с позиций логики означает, что «сформулированное ранее обвинение признается прокурором ложным, а его отрицание делает обвинение несуществующим для него лично и поэтому исключаящим возможность продолжения им обвинительной деятельности по данному уголовному делу»¹. Это связано, по мнению автора, с тем, что «всякое незаконное и необоснованное обвинение обладает конкретными отрицательными свойствами, именно они обуславливают отрицательность самого обвинения, которая и характеризует недоброкачество последнего, его порочность... В уголовном процессе такого рода самоотрицание выражает (и образует) содержание отказа прокурора от государственного обвинения»².

Отрицание обвинения государственным обвинителем полностью или в части как правовая позиция есть результат его внутреннего убеждения. Убеждение государственного обвинителя о необходимости от-

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 10.

² Там же. С. 37.

каза от обвинения, как верно отмечает В.С. Зеленецкий, в сознании государственного обвинителя вытесняет «убеждение о его виновности, возникшее у прокурора в стадии возбуждения государственного обвинения при решении вопроса об утверждении обвинительного заключения»¹. Формирование убеждения государственного обвинителя о незаконности либо необоснованности поддерживаемого обвинения — сложный психологический процесс, протекающий на уровне сознания государственного обвинителя в форме логических операций. Убеждение не может быть основано на интуиции государственного обвинителя².

Отказ от обвинения есть внешняя форма выражения внутреннего отрицания обвинения государственным обвинителем. Общеупотребительное значение слова «отказ» («отказаться») раскрывается в толковых словарях как «выражение несогласия, отклонение от себя чего-нибудь, отречение от чего-нибудь», «не быть в состоянии что-нибудь делать»³; «не пожелать признать, принять что-нибудь», «перестать действовать»⁴. Таким образом, используя общеупотребительные значения слова «отказ», можно заключить, что отказ государственного обвинителя от обвинения выражается в:

- 1) несогласии государственного обвинителя с поддерживаемым обвинением в материальном смысле (то есть в несогласии с сущностью, формулировкой, объемом или юридической квалификацией обвинения);
- 2) невозможности государственного обвинителя продолжать дальнейшее поддержание обвинения в силу его незаконности или необоснованности;

¹ Там же. С. 43.

² Подробнее о формировании убеждения государственного обвинителя см. в §1 главы III настоящей работы.

³ Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книг. Т. 3. С. 87.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 404.

3) прекращении процессуальной деятельности по обоснованию обвинения перед судом.

Процессуальная форма отказа государственного обвинителя от обвинения законодателем не определена. Вследствие этого в науке уголовно-процессуального права предлагаются различные мнения о ее правовой природе. Так, Р.Д. Рахунов предлагал рассматривать отказ от обвинения как «требование, обращенное к суду»¹. Очевидно, что данная точка зрения могла быть актуальна исключительно в советском уголовном процессе, в то время как в условиях современного уголовного судопроизводства она явно противоречит принципу состязательности, предусматривающему, что суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты (ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Исходя из данного принципа, в уголовном судопроизводстве исключены любые требования, обращенные к суду какой-либо стороной процесса.

Ряд авторов полагают, что отказ от обвинения является ходатайством государственного обвинителя перед судом². Так, по мнению А.Ф. Кучина, «ходатайство о прекращении уголовного преследования есть официальное заявление прокурора, которым он распоряжается своим правомочием на обвинение»³. Такое понимание правовой природы процессуальной формы отказа от обвинения, между тем, противоречит назначению ходатайства в уголовном судопроизводстве, заключающемуся в адресованной суду официальной просьбе стороны процесса, решение об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении которой зависит от усмотрения самого суда. В соответствии с уголовно-процессуальным законом суд не обладает полномочием не удовлетворить заявленный государственным обвинителем отказ от обвинения. Отказ государственного обвинителя от обвинения влечет безусловное принятие судом решения

¹ Рахунов Р.Д. Прокурорский надзор... С. 138.

² Гибадуллин А. Отказ прокурора от государственного обвинения / А. Гибадуллин, З. Гагауллин // Законность. 2007. № 8. С. 50; Кучин А.Ф. Правовой механизм публичного уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005. С. 99; Леви А. Отказ государственного обвинителя от обвинения // Законность. 2006. № 6. С. 43.

³ Кучин А.Ф. Указ. соч. С. 99.

о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), что в этой связи не позволяет рассматривать такой отказ как ходатайство.

По мнению В.С. Зеленецкого, отказ государственного обвинителя от обвинения есть «обращение его к суду, содержащее указание на отсутствие оснований для признания лица виновным, которые исключают возможность продолжения судебного разбирательства, равно как и продолжения обвинительной деятельности прокурором, ввиду чего он заявляет о прекращении ее дальнейшего осуществления»¹.

Представляют интерес результаты проведенного автором по данному вопросу анкетирования государственных обвинителей и судей. Так, 6% опрошенных указали, что отказ от обвинения является требованием государственного обвинителя перед судом; 8% — обращением к суду; 14% — ходатайством перед судом. Вместе с тем, большинство опрошенных высказались за то, что отказ от обвинения является самостоятельным процессуальным решением государственного обвинителя, влекущим безусловное принятие судом процессуального решения о прекращении уголовного дела (72%).

Действительно, отказ государственного обвинителя от обвинения, как представляется, не содержит в себе ни требования, ни просьбы и, более того, не обращен к суду. Отказ от обвинения является именно самостоятельным процессуальным решением государственного обвинителя, процессуальные последствия которого не позволяют суду, как уже отмечалось, продолжать осуществление функции разрешения уголовного дела полностью или в части. Решение суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) находится в опосредованной причинно-следственной связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, так как принимается не на основании такого отказа, а исходя из общих условий судебного разбирательства, согласно которым судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (ч. 1 ст. 252 УПК РФ). Соответственно, полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения сужает полностью или в части пределы судебного

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 12.

разбирательства, что суд констатирует в своем решении о полном или частичном прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

4. Правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения заключаются в принятии судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и возникновении у подсудимого права на реабилитацию.

Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в случае заявления государственным обвинителем отказа от обвинения на стадии предварительного слушания регламентируется ст. 239 УПК РФ. Так, ч. 1 ст. 239 УПК РФ предусматривает, что в случае отказа прокурора от обвинения в порядке, установленном ч. 7 ст. 246 УПК РФ, судья выносит постановление о прекращении уголовного дела. На стадии судебного заседания прекращение уголовного дела регулируется ст. 254 УПК РФ. Согласно п. 2 ст. 254 УПК РФ суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в случае отказа обвинителя от обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ.

Вместе с тем, прекращение уголовного дела — правовое последствие полного отказа государственного обвинителя от обвинения. В случае частичного отказа государственного обвинителя от обвинения прекращению подлежит уголовное преследование, что может иметь место как на стадии предварительного слушания, так и на стадии судебного заседания. Необходимо отметить, что законодатель весьма поверхностно отнесся к формулированию содержания ст.ст. 139 и 254 УПК РФ. Так, несмотря на наличие в названии ст. 239 УПК РФ указания на возможность прекращения на предварительном слушании уголовного преследования, и в ч. 1, и в ч. 2 данной статьи предусматривается возможность прекращения только уголовного дела¹. В то же время ч. 3 ст. 239 УПК РФ закрепляет, какие сведения должны содержаться в постановлении «о прекращении уголовного дела или уголовного преследования», в частности, основания прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования. Статья 254

¹ Более того, ч. 2 ст. 239 УПК РФ содержит ссылку на ст. 28 УПК РФ, которая регламентирует порядок прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием.

УПК РФ даже в названии не содержит указания на возможность прекращения судом уголовного преследования в судебном заседании.

Таким образом, содержание ст.ст. 239 и 254 УПК РФ не согласуется с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, предусматривающей, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. Следует также заметить, что приложение 19 к ст. 477 УПК РФ содержало бланк постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования, а приложение 20 — бланк постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, в описательно-мотивировочной части которых предусматривались ссылки на ст.ст. 239 и 254 УПК РФ.

Вместе с тем, необходимо отметить, что, по мнению большинства опрошенных автором государственных обвинителей и судей, отсутствие в ст. 254 УПК РФ указания на возможность прекращения уголовного преследования хотя и является законодательным пробелом, не исключает право суда прекратить в судебном заседании уголовное преследование без прекращения уголовного дела в целом (93%).

В целях исправления допущенных законодателем недоработок предлагаю дополнить соответствующие положения ст.ст. 239 и 254 УПК РФ указанием на возможность прекращения судом уголовного преследования на предварительном слушании и в судебном заседании:

- ч. 1 ст. 239 после слов «уголовного дела» дополнить словами «или уголовного преследования»;
- ч. 2 ст. 239 после слов «уголовное дело» дополнить словами «или уголовное преследование»;
- ч. 4 ст. 239 после слов «уголовного дела» дополнить словами «или уголовного преследования»;
- название ст. 254 после слов «уголовного дела» дополнить словами «или уголовного преследования»;
- предложение первое ст. 254 после слов «уголовное дело» дополнить словами «или уголовное преследование».

Кроме того, в уголовном судопроизводстве невозможны случаи прекращения уголовного дела одновременно с уголовным преследованием, так как в соответствии с ч. 3 ст. 24 УПК РФ прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования. В этой связи предлагаю исключить из п. 1 ч. 3 ст. 239 УПК РФ союз «и», изложив данный пункт в следующей редакции: «1) указываются основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования;».

Вопрос о правовых последствиях отказа государственного обвинителя от обвинения для потерпевшего является наиболее дискуссионным в научной литературе. Несмотря на предоставленное ст. 22 УПК РФ потерпевшему право участвовать в уголовном преследовании, он не обладает какими-либо полномочиями, позволяющими ему влиять на принятие государственным обвинителем решения об отказе от обвинения. Единственной правовой мерой, направленной на защиту законных интересов потерпевшего в случае такого отказа, явилось уже приводимое указание Конституционного Суда РФ о том, что принятие судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) может иметь место только после заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, то есть и мнения потерпевшего (п. 7 Постановления Конституционного Суда от 8 декабря 2003 г. № 18-П). Однако каково его процессуальное значение, остается неясным¹.

Наконец, правовым последствием отказа государственного обвинителя от обвинения для подсудимого является его полная или частичная реабилитация (п. 2 ч. 2 ст. 133 УПК РФ). Реабилитация подсудимого, в отношении которого уголовное дело (уголовное преследование) было прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, предусматривается законодателем в качестве необходимого элемента назначения уголовного судопроизводства, являющегося результатом отказа от уголовного преследования невиновных (ч. 2 ст. 6

¹ Более подробно правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения для потерпевшего будут рассмотрены в §3 главы 3 настоящей работы.

УПК РФ). Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения влечет признание лица невиновным, а значит, пострадавшим от незаконных или необоснованных действий органов уголовного преследования. С этих позиций социально-правовые последствия прекращения уголовного дела (уголовного преследования) аналогичны последствиям вынесения оправдательного приговора и предусматривают полное возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Таковы существенные признаки отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве.

Подводя итог всему вышеизложенному, исходя из правовой природы отказа государственного обвинителя от обвинения и учитывая его существенные признаки, возможно следующее определение данного понятия: отказ государственного обвинителя от обвинения — вытекающее из назначения уголовного судопроизводства процессуальное решение государственного обвинителя о полном или частичном прекращении реализации функции уголовного преследования, принимаемое в результате познанной им необходимости отказаться от поддержания незаконного или необоснованного обвинения подсудимого и влекущее утрату уголовным судопроизводством состязательности сторон полностью или в соответствующей части, что предопределяет невозможность дальнейшего осуществления судом функции разрешения уголовного дела по существу и, как результат, принятие решения об ограничении пределов судебного разбирательства путем прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также влечет полную или частичную реабилитацию подсудимого.

* * *

Выводы:

1. Предпринятые в науке уголовно-процессуального права попытки определить понятие «отказ государственного обвинителя от обвинения»

отражают отдельные аспекты и особенности порядка отказа от обвинения, не выражая сущности данного правового явления в целом. Предложение собственного подхода к определению рассматриваемого понятия, закрепляющего все его существенные признаки, является важным и необходимым условием дальнейшего научного исследования отказа государственного обвинителя от обвинения как самостоятельного правового явления.

2. Существенными признаками данного понятия являются: 1) субъект отказа — государственный обвинитель; 2) объект отказа — обвинение в материальном и процессуальном смыслах; 3) правовая позиция субъекта отказа от обвинения по отношению к обвинению как к объекту, выражающаяся в полном или частичном отрицании обвинения в материальном смысле и прекращении процессуальной деятельности по его обоснованию перед судом; 4) правовые последствия отказа, заключающиеся в принятии судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и возникновении у подсудимого права на реабилитацию.

3. Исходя из правовой природы отказа государственного обвинителя от обвинения и учитывая его существенные признаки, предлагается следующее определение данного понятия: отказ государственного обвинителя от обвинения — вытекающее из назначения уголовного судопроизводства процессуальное решение государственного обвинителя о полном или частичном прекращении реализации функции уголовного преследования, принимаемое в результате познанной им необходимости отказаться от поддержания незаконного или необоснованного обвинения подсудимого и влекущее утрату уголовным судопроизводством состязательности сторон полностью или в соответствующей части, что предопределяет невозможность дальнейшего осуществления судом функции разрешения уголовного дела по существу и, как результат, принятие решения об ограничении пределов судебного разбирательства путем прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а также влечет полную или частичную реабилитацию подсудимого.

§3. Виды отказа государственного обвинителя от обвинения

Выявив сущность и предложив определение отказа государственного обвинителя от обвинения, представляется необходимым рассмотреть вопрос о его видах.

Законодатель в ч. 7 ст. 246 УПК РФ нормативно закрепил выделяемые еще в советской науке уголовно-процессуального права 2 основных вида отказа государственного обвинителя от обвинения: полный и частичный отказ. Основанием данной классификации выступает объем обвинения. Полный отказ от обвинения — это отказ от обвинения в полном объеме. Соответственно, частичный отказ от обвинения — это исключение из объема обвинения отдельных его компонентов. Сокращение объема обвинения полностью или в части влечет полное или частичное изменение формулировки и юридической квалификации обвинения.

В этой связи представляет интерес мнение В.С. Зеленецкого, рассматривавшего полный отказ от обвинения в качестве деструктивного отрицания обвинения, то есть направленного на устранение, ликвидацию обвинения, а частичный отказ — в качестве конструктивного, создающего «новую конструкцию обвинительного тезиса»¹. Действительно, полный отказ от обвинения ликвидирует не только его объем, но и полностью устраняет его формулировку и юридическую квалификацию. Частичный отказ от обвинения влечет исключение из формулировки и юридической квалификации обвинения только тех норм и положений уголовного закона, которые относились к объему отрицаемого обвинения.

Полный отказ от обвинения означает абсолютное преобразование правовой позиции государственного обвинителя по уголовному делу в противоположную, от полного утверждения о совершении подсудимым конкретного преступления до полного отрицания такого совершения. При частичном отказе от обвинения правовая позиция государственного обвинителя подвергается трансформации, которая обусловлена

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 63—65.

степенью доказанности обвинения. Именно степень доказанности обвинения воздействует на сознание государственного обвинителя и формирует его убеждение о виновности либо невиновности подсудимого в совершении отдельных преступлений из вмененных в вину.

Полный и частичный отказ государственного обвинителя от обвинения находятся в диалектической зависимости и подвержены влиянию такого основного закона диалектики, как переход количественных изменений в качественные. Согласно данному закону накопление «постепенных количественных изменений в определенный для каждого отдельного процесса момент с необходимостью приводит к существенным, коренным, качественным изменениям»¹. Применительно к отказу государственного обвинителя от обвинения действие закона перехода количественных изменений в качественные выражается в том, что ряд последовательных частичных отказов от обвинения может привести к отрицанию обвинения в полном объеме, то есть к полному отказу от обвинения. С другой стороны, полный отказ от обвинения предполагает, основываясь на данном законе, целостность частичных отказов от каждого из компонентов (эпизодов) поддерживаемого обвинения.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению полного и частичного отказа государственного обвинителя от обвинения, следует отметить, что в научной литературе предлагается еще одна классификация отказа от обвинения. Так, В.С. Зеленецкий, в зависимости от стадии, на которой может быть заявлен отказ от обвинений, предлагал выделять следующие его виды:

- 1) отказ от обвинения в суде первой инстанции;
- 2) отказ при пересмотре приговора в кассационном порядке;
- 3) отказ при пересмотре приговора в порядке надзора².

Данная классификация, как представляется, основана на широком понимании термина «отказ от обвинения» и предусматривает в качест-

¹ Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 617.

² Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 13.

ве субъекта такого отказа не только государственного обвинителя, но и прокурора, не участвовавшего в рассмотрении дела по существу. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 354 УПК РФ право апелляционного и кассационного обжалования не вступивших в законную силу судебных решений принадлежит не только государственному обвинителю, но и вышестоящему прокурору. В надзорной инстанции государственный обвинитель, согласно ч. 1 ст. 402 УПК РФ, не является участником производства по уголовному делу.

Кроме того, вызывает сомнение основание данной классификации, то есть наличие у прокурора в судах второй и надзорной инстанций правомочия отказаться от обвинения. Как представляется, необходимо исходить из того, что процессуальное полномочие, предусмотренное ч. 7 ст. 246 УПК РФ, имеет характер общего положения судебного разбирательства в суде первой инстанции, так как закреплено в главе 35 УПК РФ, находящейся в составе раздела IX «Производство в суде первой инстанции». А потому, с формальных позиций, отказом от обвинения государственный обвинитель наделен только в суде первой инстанции¹.

Между тем в качестве своеобразного отказа от обвинения (в широком смысле) можно рассматривать право государственного обвинителя или прокурора, подавшего апелляционное (кассационное) представление, отозвать его до начала судебного заседания (ч. 3 ст. 359 УПК РФ). Отзыв представления по сути является отрицанием изложенных в нем доводов относительно законности и обоснованности той части обвинения, которая не была учтена судом при вынесении приговора и является предметом обжалования. Поэтому, исходя из предложенной классификации, можно сделать вывод, что государственный обвинитель обладает в суде второй инстанции правом отказа от обвинения в широком смысле — в форме отзыва своего представления, поданного на невступивший в законную силу приговор суда первой инстанции.

¹ Такого же мнения придерживается А.В. Землянухин (См.: Землянухин А.В. Указ. соч. С. 64–65.).

В суде надзорной инстанции порядок отзыва прокурором поданного представления уголовно-процессуальным законом не урегулирован. Более того, приговор суда, обжалуемый в надзорном порядке, является вступившим в законную силу, что означает окончательное официальное признание государством лица виновным в совершении конкретного преступления (конкретных преступлений) и исключает наличие по данному уголовному делу обвинения как в материальном, так и в процессуальном смысле.

Таким образом, можно заключить, что основание предложенной классификации вступает в противоречие с назначением проверочных стадий уголовного судопроизводства, целью которых является не разрешение вопроса о виновности или невиновности подсудимого (что и предполагает наличие у стороны обвинения в суде первой инстанции права отказать от утверждения о его частичной или полной виновности), а установление законности, обоснованности и справедливости уже принятого по существу решения, в котором судом констатирована виновность подсудимого в совершении конкретного преступления (конкретных преступлений).

Полный отказ государственного обвинителя от обвинения является крайне редким явлением в судебной практике и связан, как правило, с недоказанностью обвинения одного лица в совершении одного преступления¹. Нередко в таких случаях в ходе судебного разбирательства устанавливается непричастность подсудимого к совершению преступления, что означает его совершение иным лицом, в то время как сам подсудимый либо совершил другое преступление, обвинение в котором ему не предъявлялось, либо не совершал преступлений вообще.

Как справедливо отмечает В.С. Зеленецкий, в случае полного отказа государственного обвинителя от обвинения «не имеет значения, что в процессе рассмотрения уголовного дела будут установлены факты о со-

¹ Так, по данным Управления по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами Прокуратуры Иркутской области, полный отказ от обвинения в судах Иркутской области заявлялся государственными обвинителями в 2005 г. в отношении 17 лиц, в 2006 г. 10 лиц, в 2007 г. 2 лиц, в 2008 г. 5 лиц.

вершении подсудимым преступления, которое ему в данном случае не инкриминируется. Для определения правовых последствий отказа прокурора от государственного обвинения главное заключается в том, что совершенное подсудимым преступление не входит в структуру обвинения, которое ему инкриминировано и от которого отказывается прокурор»¹. Данное правило вытекает из общих условий судебного разбирательства, в частности, из условия о его пределах, согласно которому судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению (ч. 1 ст. 252 УПК РФ).

Для привлечения к уголовной ответственности подсудимого, в обвинении которого государственный обвинитель отказался, за совершение другого преступления, достаточные данные о чем были выявлены в ходе судебного разбирательства, необходимо возбуждение в общем порядке органом дознания, дознавателем или следователем нового уголовного дела по соответствующему составу преступления, производство предварительного расследования по нему, привлечение данного лица в качестве обвиняемого и направление этого уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

Аналогичный порядок должен быть соблюден и при установлении в ходе судебного разбирательства факта совершения преступления, от обвинения в котором подсудимого государственный обвинитель отказался, иным лицом. Если такое лицо не было установлено в ходе судебного разбирательства, то в соответствии с ч. 3 ст. 306 УПК РФ суд при вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела по основанию непричастности подсудимого к совершению преступления решает вопрос о направлении руководителю следственного органа или начальнику органа дознания уголовного дела для производства предварительного расследования и установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

В связи с тем, что полный отказ государственного обвинителя от обвинения в науке уголовно-процессуального права не вызывает особых

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 64—65.

вопросов проблемного характера, представляется оправданным большее внимание в настоящем параграфе уделить теоретико-прикладным аспектам частичного отказа государственного обвинителя от обвинения и его отграничению от смежных процессуальных действий (изменения обвинения, корректировки обвинения).

Частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, как уже отмечалось, является в широком смысле отказом от уголовного преследования. Поэтому для правильного понимания процессуального значения и пределов частичного отказа от обвинения в судебном разбирательстве необходимо иметь в виду, что прекращение уголовного преследования в досудебном производстве может быть частичным или полным.

Частичное прекращение уголовного преследования в досудебном производстве предусматривается ч. 2 ст. 175 УПК РФ, в соответствии с которой, если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части. Частичное прекращение уголовного преследования означает прекращение производства по уголовному делу в части обвинения конкретного лица в совершении отдельных эпизодов его преступной деятельности из совокупности ему предъявленных.

Полное прекращение уголовного преследования в досудебном производстве осуществляется в случае прекращения производства по уголовному делу, по которому в качестве обвиняемых привлечено несколько лиц, совершивших преступление в соучастии (п. 1 ч. 1 ст. 153 УПК РФ), либо при заранее не обещанном укрывательстве преступлений (п. 3 ч. 1 ст. 153 УПК РФ) в отношении одного из обвиняемых. Полное прекращение уголовного преследования в отношении данного обвиняемого не влечет прекращения уголовного дела в целом (ч. 4 ст. 27 УПК РФ), в рамках которого продолжается уголовное преследование в отношении остальных обвиняемых. Исходя из этого, частичный отказ от обвинения в судебном разбирательстве может заключать-

ся в полном отказе от обвинения одного из нескольких подсудимых по уголовному делу, что само по себе не влечет отказа от обвинения остальных подсудимых, то есть полного отказа от обвинения по уголовному делу.

Таким образом, под частичным отказом государственного обвинителя от обвинения следует понимать процессуальное решение о:

- 1) частичном прекращении уголовного преследования лица, являющегося единственным подсудимым по уголовному делу;
- 2) частичном или полном прекращении уголовного преследования лица, являющегося одним из нескольких подсудимых по уголовному делу.

Следует отметить, что в Иркутской области имеют место случаи вынесения судами постановлений (определений) о прекращении уголовного преследования в результате исключения государственным обвинителем из обвинения одного или нескольких квалифицирующих признаков преступления¹. Данная практика противоречит рассмотренному пониманию процессуальных пределов частичного отказа от обвинения и должна влечь принятие судом решения не о прекращении уголовного преследования, а об изменении обвинения. Однако принятие судьями решений о прекращении уголовного преследования является вынужденной мерой, обусловленной отсутствием в УПК РФ самостоятельного процессуального решения, которым могло бы оформляться изменение обвинения.

В этой связи особую важность для правоприменительной практики представляет разграничение частичного отказа государственного обвинителя от изменения обвинения.

В соответствии с ч. 8 ст. 246 УПК РФ государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может изменить обвинение в сторону смягчения путем:

- 1) исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание;

¹ См., напр.: Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-19-04.

2) исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму Уголовного кодекса Российской Федерации, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте;

3) переквалификации деяния в соответствии с нормой Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей более мягкое наказание.

В уголовно-процессуальной литературе существует мнение, что частичный отказ от обвинения является формой его изменения¹. По мнению А.М. Баксаловой, наоборот, случаи изменения обвинения являются «частными случаями отказа от него, поскольку в результате такого изменения наступают те же последствия, как и при отказе (частичном) от обвинения, — происходит уменьшение его объема»².

А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский справедливо связывают частичный отказ от обвинения с исключением из объема обвинения «некоторых вменявшихся ранее в вину эпизодов деятельности подсудимого либо только отдельных подсудимых, если их несколько». Соответственно, все иные процессуальные решения государственного обвинителя, влекущие уменьшение объема обвинения, относятся, по мнению авторов, к изменению обвинения, которое «не ведет ни к полному, ни к частичному прекращению уголовного дела или уголовного преследования»³.

В Памятке государственному обвинителю, разработанной Управлением Генеральной прокуратуры РФ по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами, особо отмечается, что изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения

¹ Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде... С. 202; Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 75.

² Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Томск: Том. гос. ун-т, 2002. С. 160.

³ Смирнов А.В. Уголовный процесс: Учебник для вузов. Изд. 2-е / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2006. С. 505.

не является отказом от обвинения¹. Такого же мнения придерживаются подавляющее большинство опрошенных в рамках настоящего исследования государственных обвинителей и судей (88%).

В целом следует согласиться с А.В. Землянухиным в том, что отказ от обвинения и изменение обвинения необходимо рассматривать как самостоятельные процессуальные акты, которые имеют различные основания и влекут различные правовые последствия².

Четкое разграничение частичного отказа государственного обвинителя от обвинения и его изменения в сторону смягчения представляет для науки и практики уголовно-процессуального права особую важность. Это связано с тем, что частичный отказ от обвинения является основанием для последующей частичной реабилитации подсудимого, в отличие от изменения обвинения в сторону смягчения, которое данного правового последствия для подсудимого не влечет³. Как справедливо отмечает Е.Г. Шадрина, «изменение прокурором обвинения в сторону смягчения не означает, что он ослабляет свою позицию как стороны, осуществляющей уголовное преследование»⁴.

Под изменением обвинения государственным обвинителем в судебном разбирательстве следует понимать изменение юридической квалификации преступления в рамках одного состава преступления либо в рамках однородных составов преступлений⁵, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

¹ Памятка государственному обвинителю. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прок-ры РФ, 2002. С. 15.

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 105.

³ Следует, однако, отметить, что существует точка зрения, согласно которой изменение обвинения государственным обвинителем в сторону смягчения является основанием частичной реабилитации лица (См.: Кузнецова Н.В. Проблемы частичной реабилитации при наличии совокупности преступлений или изменения обвинения в сторону смягчения // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 1. С. 57.).

⁴ Шадрина Е.Г. Особенности изменения обвинения прокурором при изучении материалов уголовного дела // Закон и право. 2008. № 5. С. 77.

⁵ Под однородными преступлениями в теории уголовного права понимаются «преступления, посягающие на один и тот же либо родственный объект, совершаемые с одной формой вины, похожими или одинаковыми способами осуществления посягательства» (Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М.: Юрист, 2004. С. 267.).

В этой связи представляет интерес позиция Верховного Суда РФ по вопросу о том, что является изменением обвинения, ухудшающим положение подсудимого. Так, в Постановлении от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре»¹ Верховный Суд РФ указал, что более тяжким считается обвинение, когда:

а) применяется другая норма уголовного закона (статья, часть статьи или пункт), санкция которой предусматривает более строгое наказание;

б) в обвинение включаются дополнительные, не вмененные обвиняемому факты (эпизоды), влекущие изменение квалификации преступления на закон, предусматривающий более строгое наказание, либо увеличивающие фактический объем обвинения, хотя и не изменяющие юридической оценки содеянного.

Таким образом, любое процессуальное изменение, не охватывающее перечисленные правовые последствия, является допустимым изменением обвинения.

Вместе с тем, формулировка ч. 8 ст. 246 УПК РФ, предусматривающая, что изменение обвинения может быть осуществлено государственным обвинителем только в сторону смягчения, явно противоречит указанной правовой позиции Верховного Суда РФ, а также ч. 2 ст. 252 УПК РФ, согласно которой изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Таким образом, изменение обвинения в судебном разбирательстве, исходя из правовой позиции Верховного Суда РФ и общих условий судебного разбирательства, может быть осуществлено не только в сторону смягчения, но и без изменения тяжести обвинения.

Примером первого вида изменения обвинения является исключение из обвинения квалифицирующего признака (исключение из обвинения по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ признака «совершенное с особой жестокостью», что влечет его переквалификацию на ч. 1 ст. 105 УК РФ) либо переквали-

¹ О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7. С. 2—5.

фикация на другое однородное преступление, предусматривающее более мягкое наказание (переквалификация с ч. 1 ст. 105 УК РФ «Убийство» на ч. 1 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности»).

Примером второго вида изменения обвинения является переквалификация действий обвиняемого на другое однородное преступление, предусматривающее такое же наказание (переквалификация с ч. 1 ст. 159 УК РФ «Мошенничество» на ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража»). Следует обратить внимание на то, что данный способ изменения обвинения не предусматривается ч. 8 ст. 246 УПК РФ. Так, п. 2 ч. 8 ст. 246 УПК РФ предполагает только возможность переквалификации действий обвиняемого на норму УК РФ, предусматривающую только более мягкое наказание, а не равнозначное.

Кроме того, ч. 8 ст. 246 УПК РФ не предусматривает такой вариант изменения обвинения, как включение в обвинение ссылки на какую-либо норму УК РФ, смягчающую наказание. Примером данного вида изменения обвинения является переквалификация действий подсудимого с оконченного преступления на покушение или приготовление к преступлению, что осуществляется путем включения в юридическую квалификацию обвинения ссылки на соответствующую часть ст. 30 УК РФ. Аналогичная потребность в изменении обвинения путем включения в него ссылки на норму УК РФ возникает в случае установления в ходе судебного разбирательства наличия одного или нескольких обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ).

На основании вышеизложенного и учитывая, что ч. 8 ст. 246 УПК РФ ограничивает право государственного обвинителя изменять обвинение не только в сторону смягчения, но и без изменения его тяжести, а также не предусматривает в этой связи все возможные пути изменения обвинения в судебном разбирательстве, в ч. 8 ст. 246 УПК РФ следует внести следующие изменения и дополнения:

1) исключить слова «в сторону смягчения»;

2) пункт 1 после слов «отягчающих наказание» дополнить словами «либо переквалификации деяния на другой признак преступления, не отягчающий наказание»;

3) пункт 3 ч. 8 ст. 246 УПК РФ после слов «более мягкое» дополнить словами «или такое же»;

4) дополнить пунктом 4 следующего содержания: «включения в юридическую квалификацию ссылки на норму Уголовного кодекса Российской Федерации, смягчающую наказание».

Вторым требованием, предъявляемым к изменению обвинения в судебном разбирательстве, является недопустимость в результате такого изменения нарушения права на защиту. Данное требование вытекает из недопустимости существенного изменения обвинения, к оспариванию которого готовилась сторона защиты. Верховный Суд РФ в Постановлении от 29 апреля 1996 г. № 1 указал, что к изменению сущности обвинения относится «вменение других деяний вместо ранее предъявленных, вменение преступления, отличающегося от предъявленного по объекту посягательства, форме вины и т.д.» (п. 9).

Следует поддержать мнение А.В. Смирнова о том, что является нарушением права обвиняемого на защиту «такое изменение обвинения, при котором новое обвинение существенно отличается по фактическим обстоятельствам от ранее предъявленного, т. е. если это влечет изменение представлений о времени, месте, способе и других обстоятельствах совершения преступления», так как «переход к такому новому обвинению в судебном разбирательстве лишает подсудимого возможности и времени на то, чтобы всесторонне обдумать измененное обвинение, избрать оптимальную позицию защиты, заявить ходатайства о получении дополнительных оправдательных доказательств»¹.

Так, представляется недопустимой с позиции нарушения права подсудимого на защиту вследствие изменения сущности обвинения пере-квалификация действий подсудимого с ч. 1 ст. 105 УК РФ «Убийство» на ст. 110 УК РФ «Доведение до самоубийства», предполагающую радикальное изменение предмета доказывания.

В случае изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения уголовно-процессуальный закон не требует от суда вы-

¹ Смирнов А.В. Уголовный процесс... С. 508.

несения постановления о прекращении уголовного преследования, так как такое решение противоречило бы процессуальному значению понятия «уголовное преследование» как производства по уголовному делу в отношении конкретного лица по обвинению в совершении конкретного преступления. Изменение обвинения, даже влекущее уменьшение его объема (например, при исключении квалифицирующего признака) не означает прекращения государственным обвинителем обвинительной деятельности подсудимого в совершении конкретного преступления, а значит, не может рассматриваться как частичное прекращение уголовного преследования.

В то же время изменение обвинения государственным обвинителем, влекущее уменьшение его объема, означает сужение пределов судебного разбирательства. Очевидно, что изменение пределов судебного разбирательства должно быть отражено в процессуальном порядке. Например, ч. 4 ст. 430 УПК РСФСР 1960 г. предусматривала, что государственный обвинитель, изменяя обвинение в сторону смягчения, должен был представить суду новое обвинительное заключение, утвержденное прокурором в пределах его компетенции.

Как и при отказе от обвинения, изменение обвинения государственным обвинителем в сторону смягчения, думается, должно предопределять принятие соответствующего решения судом. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 22 ноября 2005 г. № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»¹ предписывает судам в случаях изменения государственным обвинителем в ходе судебного заседания обвинения в сторону смягчения выносить постановление о продолжении разбирательства дела в объеме обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем (п. 9). Вместе с тем, думается, что такое постановление должно выноситься не

¹ О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

только при производстве в суде с участием присяжных заседателей, но и при общем порядке судебного разбирательства, а также оно должно именоваться постановлением об изменении пределов судебного разбирательства в связи с изменением государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения¹. В этой связи следует дополнить ч. 8 ст. 246 УПК РФ предложением вторым следующего содержания: «Изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения влечет за собой принятие судом решения об изменении пределов судебного разбирательства в соответствующей части».

От частичного отказа от обвинения и изменения обвинения необходимо отличать внесение корректировки в формулировку обвинения. Так, показателен пример ошибочного прекращения уголовного преследования Иркутским областным судом в связи с корректировкой государственным обвинителем обвинения в рамках одного и того же квалифицирующего признака, предусматривающего альтернативные обстоятельства, отягчающие ответственность, без его исключения из квалификации. В частности, по уголовному делу № 2-47-2004² по обвинению Тинского Д. В. в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство группой лиц по предварительному сговору), государственный обвинитель в прениях сторон заявил ходатайство об исключении из обвинения квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору» по мотивам доказанности совершения преступления Тинским Д. В. группой лиц, но без предварительного сговора. Так как квалифицирующий признак убийства, предусмотренный п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривает несколько форм соучастия (совершение убийства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), суд в описательно-мотивировочной части постановления о прекращении уголовного преследования указал, что «таким образом, в действиях

¹ Бланк постановления об изменении пределов судебного разбирательства в связи с изменением государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения см. в прилож. 3 к настоящей работе.

² Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-47-2004.

Тинского Д.В. присутствует квалифицирующий признак: совершенное убийства «группой лиц»». В резолютивной части постановления суд принял решение: «Прекратить в отношении Тинского Дениса Валерьевича уголовное дело в части совершения им убийства Ларченко Т.Н. «по предварительном сговору», за отсутствием в его действиях признаков состава преступления»¹. В итоге по данному уголовному делу был вынесен приговор о признании Тинского Д.В. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (без уточнения формулировки квалифицирующего признака)².

В рассмотренной ситуации, как представляется, решение государственного обвинителя являлось решением не о частичном отказе от обвинения и даже не об изменении обвинения, а о его корректировке. Правовой анализ структуры обвинения по данному уголовному делу позволяет заключить, что изменению не подверглась ни сущность обвинения (убийство, совершенное двумя лицами в соучастии), ни объем обвинения (единичное убийство), ни его юридическая квалификация (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Таким образом, корректировке подверглась исключительно формулировка обвинения.

В этой связи под корректировкой обвинения допустимо понимать решение государственного обвинителя о внесении в формулировку обвинения исправлений, не влекущих изменения его сущности, объема и юридической квалификации.

Внесение корректировки в формулировку обвинения, к сожалению, не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Между тем формулировка обвинения является важным элементом в структуре обвинения, так как предельно точно отражает особенности юридической квалификации вменяемого подсудимому в вину преступления, а потому ее корректировка обеспечивает как законность и обоснованность

¹ Более того, даже формулировка прекращения уголовного преследования, а также ссылка на основание такого прекращения (на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, а не на п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) являются ошибочными.

² Аналогичное решение Иркутского областного суда по такому же составу преступления и в связи с такой же корректировкой обвинения государственным обвинителем выносилось в 2003 г. (Архив Иркутского областного суда, 2003. Уголовное дело № 2-313-2003.).

самого обвинения, поддерживаемого государственным обвинителем, так и эффективность процессуальной деятельности, осуществляемой стороной защиты по опровержению отдельных юридически значимых обстоятельств совершения преступления.

Поэтому в целях нормативного разграничения понятий «изменение обвинения» и «корректировка обвинения» следует дополнить ст. 246 УПК РФ частью 8¹ следующего содержания: «Государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также внести в формулировку обвинения исправления, не касающиеся изменения его сущности, объема и юридической квалификации».

* * *

Выводы:

1. Полный отказ от обвинения означает абсолютное преобразование правовой позиции государственного обвинителя по уголовному делу в противоположную, от полного утверждения о совершении подсудимым конкретного преступления до полного отрицания такого совершения. Полный отказ от обвинения ликвидирует не только его объем, но и полностью устраняет его формулировку и юридическую квалификацию.

2. Под частичным отказом государственного обвинителя от обвинения следует понимать процессуальное решение о: 1) частичном прекращении уголовного преследования лица, являющегося единственным подсудимым по уголовному делу; 2) частичном или полном прекращении уголовного преследования лица, являющегося одним из нескольких подсудимых по уголовному делу.

3. От частичного отказа государственного обвинителя от обвинения необходимо отграничивать изменение обвинения, под которым следует понимать изменение юридической квалификации преступления в рамках одного состава преступления либо в рамках однородных составов преступлений, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Изменение обвинения в судебном раз-

бирательстве может быть осуществлено как в сторону смягчения обвинения, так и без изменения тяжести обвинения.

4. От частичного отказа от обвинения и изменения обвинения необходимо отличать внесение корректировки в формулировку обвинения. Под корректировкой обвинения следует понимать решение государственного обвинителя о внесении в формулировку обвинения исправлений, не влекущих изменения его сущности, объема и юридической квалификации.

Глава III

ПОРЯДОК ОТКАЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ

§1. Общие условия отказа государственного обвинителя от обвинения

Рассмотрение порядка отказа государственного обвинителя от обвинения представляется логичным начать с анализа общих условий данного процессуального решения, которые, в свою очередь, обусловлены внутренней структурой его содержания.

Первый, кто предпринял в науке уголовно-процессуального права попытку проанализировать структуру отказа государственного обвинителя от обвинения, является А.В. Землянухин. Рассматривая отказ от обвинения как комплексный процессуальный акт, А.В. Землянухин выделяет такие его структурные элементы, как:

- процессуальное решение государственного обвинителя об отказе от обвинения;
- процессуальное решение, которым суд полностью или в соответствующей части прекращает уголовное судопроизводство;
- процессуальные действия, связанные с прекращением уголовного преследования, а также с уведомлением участников процесса о принятом процессуальном решении и разъяснением предоставленных им прав;
- процессуальные документы, которыми оформляется процессуальное решение и в которых фиксируется факт совершения соответствующих процессуальных действий (протокол судебного заседания, определение, постановление суда)¹.

¹ *Землянухин А.В.* Указ. соч. С. 8—9.

Следует отметить, что в структуру исследуемого процессуального акта А.В. Землянухин, как представляется, необоснованно включил некоторые элементы, выходящие за пределы его содержания. В частности, процессуальное решение, которым суд полностью или в соответствующей части прекращает уголовное судопроизводство, а также процессуальные действия, связанные с прекращением уголовного преследования и документальным оформлением такого прекращения, думается, относятся к процессуальной деятельности суда, которая является необходимым правовым последствием отказа от обвинения, но не его составной частью. В этой связи оправданно к общим условиям отказа от обвинения относить элементы, составляющие содержание процессуального решения именно государственного обвинителя.

Таким образом, необходимо во внутренней структуре отказа государственного обвинителя от обвинения выделять следующие элементы, являющиеся общими условиями его заявления:

- 1) убеждение государственного обвинителя;
- 2) основания отказа от обвинения;
- 3) мотивы отказа от обвинения;
- 4) причины отказа от обвинения.

Главным общим условием заявления государственным обвинителем отказа от обвинения является наличие у него убеждения в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение.

В толковых словарях русского языка «убеждение» раскрывается как «твердый взгляд на что-нибудь, сложившийся на основе каких-нибудь идей»¹; «прочно сложившееся мнение, уверенный взгляд на что-н., точка зрения»².

По образному выражению французского писателя XVIII в. Н. Шамфора, «убеждение — это совесть разума»³. Г. Гегель обращал внимание на

¹ Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книг. Т. 3. С. 427.

² *Ожегов С.И.* Указ. соч. С. 712.

³ *Таранов П.С.* Философская афористика. М.: Остожье, 1996. С. 504.

нравственную ценность убеждения и считал, что «чтобы мой поступок имел моральную ценность, с ним должно быть связано мое убеждение»¹.

Действительно, термин «убеждение» многогранен, включает различные стороны деятельности человеческого сознания и психики. При этом, как верно отмечает В.И. Телятников, «термин “убеждение”, принятый законодателем в целях регулирования субъективного начала в деятельности суда по содержанию полилогичен, широко и хорошо понимаем, так как является выражением твердых, последовательных, уверенных взглядов субъекта деятельности»². Несмотря на то что В.И. Телятников исследовал значение данного термина применительно к процессуальной деятельности суда, его выводы, думается, абсолютно релевантны и к внутреннему убеждению государственного обвинителя.

По справедливому мнению Д.П. Туленкова, в сфере уголовно-процессуального познания внутреннее убеждение познающего субъекта является критерием правовой истины; при этом «внутреннее убеждение субъекта познания представляет собой единство субъективного (убеждения как такового) и объективного (совокупности доказательств), которые предполагают и дополнительные регуляторы познания в виде закона, совести и здравого смысла... Для внутреннего убеждения характерен переход от области чувств к области интеллекта, тесное взаимодействие логической и психологической, рациональной и эмоциональной составляющих»³.

Вместе с тем, убеждение — это в большей степени результат рациональной, познавательной деятельности, которая в уголовном судопроизводстве заключается в исследовании доказательств и иных материалов уголовного дела. В этой связи представляется верным мнение Н.А. Кирилловой о том, что «убеждение в виновности — это определенная психологическая характеристика качества подвергнувшихся оценке

¹ Там же. С. 505.

² Телятников В.И. Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.И. Телятников. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2003. С. 9.

³ Туленков Д.П. Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 2. С. 31—32.

доказательств. Появление у государственного обвинителя внутреннего убеждения обычно свидетельствует о наличии в деле убедительных, достоверных доказательств виновности. Чувство уверенности, убежденности, как правило, не бывает беспочвенным, в основе него лежит объективный, не зависящий от данного субъекта, истинный результат его познавательной деятельности. И наоборот, отсутствие убеждения в виновности, не устраненные сомнения по поводу существенных обстоятельств совершенного преступления сигнализируют о серьезных пробелах в доказательственном материале, о необъективности и односторонности проведенного расследования, о том, что нет достаточных оснований для поддержания государственного обвинения»¹.

Ю.В. Корневский сравнивает убеждение субъектов доказывания с наглядным представлением о совершенном преступлении: «в уголовном процессе в конце концов наступает момент, когда на основе собранных и проверенных доказательств следователь, прокурор, судья создают мыслительную картину, мысленный образ преступления, остаются, так сказать, наедине с этим представлением. И каждый из них должен решить, правильно ли это представление, соответствует ли оно действительности, не ошибся ли он в своих выводах»².

Формирование внутреннего убеждения государственного обвинителя начинается с ознакомления с материалами уголовного дела, что обычно связано с поступлением уголовного дела в суд. Формирование внутреннего убеждения не связано ни позицией по уголовному делу следователя или дознавателя, осуществлявших предварительное расследование, ни позицией прокурора, утверждавшего обвинительное заключение (обвинительный акт). На стадии предварительного слушания утверждать о наличии у государственного обвинителя полноценного убеждения в недоказанности обвинения полностью или в части в большинстве случаев преждевременно. Это связано с тем, что государственным обвинителем

¹ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 60—61.

² Корневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (закон, теория, практика) // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000. С. 154.

лично еще не исследовались доказательства, положенные в основу обвинения. Вместе с тем, нельзя не согласиться с утверждением о том, что предварительное убеждение прокурора, основанное на изучении материалов уголовного дела, является «нравственно-психологической предпосылкой участия в судебном процессе в качестве государственного обвинителя»¹.

В целях процессуального подтверждения наличия такой предпосылки участия государственного обвинителя в судебном рассмотрении конкретного уголовного дела В.С. Зеленецкий предлагал предусмотреть вынесение государственным обвинителем постановления о принятии обвинения к поддержанию и постановление об отказе в принятии обвинения к поддержанию в суде². Высказанное предложение представляется достаточно обоснованным, так как указанное постановление можно рассматривать как аналог постановления о принятии следователем уголовного дела к своему производству (ч. 2 ст. 156 УПК РФ).³

Данную идею в современных условиях Н.Ю. Букша предлагает реализовать посредством заблаговременного составления в письменном виде «заключений (справок) государственных обвинителей о необходимости отказа в поддержании государственного обвинения, завизированных окргормежрайпрокурорами и списанных в надзорные производства до рассмотрения судом уголовного дела»³. Между тем предлагаемое заключение (справка) не имеет правового значения как самостоятельное процессуальное решение, принятое участником уголовного судопроизводства, а носит исключительно ведомственный характер.

Очевидно, что в настоящее время принятие государственным обвинителем уголовного дела для поддержания обвинения основано на ведомственных началах организации и деятельности прокуратуры как единой централизованной системы. Так, в соответствии с п. 1.6 Приказа Генерального

¹ Емельянова И.В. Внутреннее убеждение государственного обвинителя // Суд и применение закона: сб. статей. М.: Изд-во Инт-га гос-ва и права Акад. наук СССР, 1982. С. 146.

² Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 18--19.

³ Букша Н.Ю. Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар: Краснодар. акад. МВД России, 2005. С. 155--156.

ального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 наделение прокуроров полномочиями по поддержанию государственного обвинения в суде оформляется письменным поручением вышестоящего прокурора. Вместе с тем, принятие уголовного дела для поддержания обвинения в суде осуществляется государственным обвинителем без вынесения какого-либо процессуального акта. Как представляется, выделение государственных обвинителей в самостоятельную службу повлечет неизбежную необходимость в разработке новых процессуальных документов, посредством которых будут оформляться правоотношения между прокурорами и государственными обвинителями. В этом случае постановление о принятии обвинения к поддержанию в суде, а также постановление об отказе в принятии обвинения к поддержанию в суде, думается, станут обязательными.

Решающее значение для формирования убеждения государственного обвинителя имеет судебное следствие, на котором, с одной стороны, осуществляется проверка истинности первоначального убеждения государственного обвинителя, основанного на предварительном изучении материалов уголовного дела, а с другой, — убеждение государственного обвинителя проходит качественно новый этап развития, основанный на личном участии в исследовании доказательств по уголовному делу.

В целом следует согласиться с мнением о том, что внутреннее убеждение по основным вопросам уголовного дела может быть сформировано только при реализации принципа непосредственности¹, выражающегося в непосредственном исследовании доказательств по уголовному делу (ч. 1 ст. 240 УПК РФ).

Необходимо отметить, что в целях повышения осведомленности государственного обвинителя о ходе и результатах предварительного расследования по уголовному делу, по которому ему предстоит поддерживать обвинение, в науке уголовно-процессуального права выдвигаются различные предложения.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 497; Громов Н.А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. 1997. № 7. С. 38.

Так, Н.П. Кириллова предлагает назначать должностное лицо органа прокуратуры в качестве государственного обвинителя по уголовному делу в момент утверждения обвинительного заключения, наделяя государственного обвинителя при этом полномочием давать согласие на такое утверждение. Как полагает автор, «назначение государственного обвинителя в момент утверждения обвинительного заключения, предоставление ему возможности наряду с надзирающим прокурором (когда эти две процессуальные фигуры не совпадают в одном лице) оценивать материалы дела с точки зрения судебной перспективы снизили бы число некачественно расследованных дел, направляемых в суд»¹. Аналогичной точки зрения придерживается Д.А. Маслова, предлагающая «формализовать процедуру своевременного назначения государственного обвинителя, установив в ст. 222 УПК РФ порядок его назначения одновременно с направлением дела с обвинительным заключением в суд»².

Н.Ю. Букша отмечает, что в большинстве районов Краснодарского края уже сложилась «устойчивая практика заблаговременного назначения государственных обвинителей и своевременного изучения ими уголовных дел с тем, чтобы до момента рассмотрения дела в суде разрешить все возникшие вопросы, связанные с поддержанием государственного обвинения, в том числе по квалификации преступлений и доказанности вины лиц, привлеченных к уголовной ответственности»³.

Необходимо отметить, что прокурор Иркутской области в Указаниях от 20 апреля 2004 г. № 31-12 ««Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства и эффективном взаимодействии органов предварительного следствия и государственных обвинителей» также предписывал «по наиболее сложным, актуальным уголовным делам гособвинителей назначать заблаговременно, на стадии расследования, при наличии возможности закреплять их за отдельными следователями для совместной работы по уголовным делам, не подменяя при этом надзор за процессуальной деятельностью» (п. 4).

¹ Кириллова Н.П. Указ. статья. С. 152.

² Маслова Д.А. Указ. соч. С. 9.

³ Букша Н.Ю. Указ. соч. С. 155.

Предписание о заблаговременном назначении государственных обвинителей получило свое закрепление и в приказе Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». Так, в соответствии с п. 1.3 приказа следует «назначать государственных обвинителей заблаговременно, чтобы обеспечить тщательное изучение ими материалов уголовного дела. При этом учитывать характер, объем и сложность дела, квалификацию и опыт работы прокурора, которому поручается поддержание обвинения».

Наиболее действенные меры были предприняты в Челябинской области, где в августе 2002 г. в ряде прокуратур был проведен эксперимент по отработке новой модели организации надзора за уголовно-процессуальной деятельностью и поддержанием государственного обвинения. В прокуратурах были созданы группы прокуроров, на которых возлагались как функции надзора за расследованием уголовных дел на досудебных стадиях, так и поддержание обвинения в суде по этим делам. В результате по данным уголовным делам фактов полного отказа от обвинения не имело места, значительно сократились случаи переквалификации действий подсудимых, оправдательных приговоров было вынесено в 10 раз меньше, чем в прокуратурах, работающих по традиционной системе⁴.

Всеобщее внедрение практики участия государственных обвинителей в досудебном производстве по уголовному делу с надзорными полномочиями, безусловно, повысило бы как качество предварительного расследования, так и эффективность поддержания обвинения в суде, что в целом сказалось бы на снижении случаев отказа от обвинения. Однако, к сожалению, данное предложение потребует увеличения штата государственных обвинителей, как минимум, в 2 раза, что представляется невыполнимым со стороны государства. Кроме того, указанная практика не согласуется с идеей создания самостоятельной Службы государственных обвинителей, задачи которой будут явно не совместимы

⁴ Брагин А. Прокурор в уголовном процессе / А. Брагин, П. Чеурин // Законность. 2004. № 4. С. 26—28.

с надзорными полномочиями в досудебном производстве по уголовному делу.

Реализация внутреннего убеждения государственного обвинителя в судебном разбирательстве осуществляется в форме обвинительной речи в прениях сторон либо в форме отказа от обвинения¹. К моменту прений сторон убеждение государственного обвинителя, как правило, достигает предельной степени уверенности в виновности или невиновности подсудимого, на основании чего им произносится речь соответствующей направленности: полностью обвинительная, обвинительная с частичным отказом от обвинения, с полным отказом от обвинения.

Вместе с тем, не исключено и то, что по окончании судебного следствия у государственного обвинителя останутся сомнения в доказанности обвинения полностью или в части. В этой связи возникает вопрос, является ли наличие сомнений государственного обвинителя в доказанности обвинения, исходя из принципа презумпции невиновности, основанием для его отказа от обвинения?

В научной литературе высказывается точка зрения, согласно которой «для того, чтобы отказ от обвинения соответствовал закону, необходим лишь один, и притом негативный признак — отсутствие убеждения в виновности... Достаточно — и это надо еще раз подчеркнуть — утратить убеждение в виновности, не более»². Данный подход представляется не совсем корректным, так как искажает понимание задачи участия государственного обвинителя в уголовном судопроизводстве. Такая задача, как представляется, заключается в обязанности предпринять все возможные процессуальные средства для обоснования поддерживаемого обвинения.

В этой связи более правильным представляется мнение А.В. Землянухина о том, что сомнения государственного обвинителя в виновности подсудимого могут служить основанием отказа от обвинения только при

¹ Емельянова И.В. Указ. статья. С. 148.

² Ульянов В.Г. Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты): Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. С. 104.

условии, что «государственный обвинитель исчерпал все средства, которые закон и обстоятельства дела дают ему для поддержания обвинения, но, тем не менее, обвинение подтвердить не удалось»¹. Как справедливо отмечает В.И. Басков, «внутреннее убеждение — это не догадка, не предположение, не интуитивный вывод, а твердая уверенность прокурора в том, что подсудимый совершил (не совершил) преступление»².

Сомнения в виновности подсудимого являются для государственного обвинителя показателем недостаточной обоснованности обвинения и должны быть основанием для продолжения доказательственной деятельности по установлению виновности подсудимого. Следует согласиться с тем, что «в процессе доказывания сомнения играют положительную роль, побуждая исследователя к поискам новых данных, позволяющих перейти от вероятного к достоверному знанию. Но при итоговой оценке наличие сомнений, свидетельствуя об отсутствии внутреннего убеждения, делает невозможным принятие позитивного решения по делу»³.

Поэтому отказ от обвинения может быть заявлен государственным обвинителем лишь при таком качестве сомнений, при котором в представлении государственного обвинителя исключается вероятность вынесения судом обвинительного приговора в той части обвинения, в отношении которой у государственного обвинителя существуют эти сомнения.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, под убеждением государственного обвинителя о необходимости отказа от обвинения возможно понимать основанную на оценке имеющихся в уголовном деле доказательств уверенность в отсутствии материальных и процессуальных оснований для поддержания обвинения, а также в невозможности возникновения таких оснований в результате дальнейшей процессуальной деятельности.

¹ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 115.

² Басков В.И. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1986. С. 104.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе... С. 502.

В контексте рассматриваемой проблемы представляют интерес подходы к определению критерия принятия решения государственным обвинителем об отказе от обвинения в законодательстве некоторых стран ближнего зарубежья. Так, ч. 7 ст. 293 УПК Республики Беларусь закрепляет, что «государственный обвинитель может отказаться от обвинения (полностью или частично), если придет к выводу, что оно не нашло подтверждения в судебном разбирательстве». Аналогичная формулировка предусмотрена ч. 6 ст. 317 УПК Республики Казахстан, с той лишь разницей, что для казахского государственного обвинителя отказ от обвинения является обязанностью, а не правом. В то же время, в УПК Республики Азербайджан отсутствует указание на субъективное отношение государственного обвинителя к поддерживаемому обвинению, а закреплена более объективная формулировка: «Если обвинение, предъявленное обвиняемому во время досудебного производства, не найдет подтверждения во время судебного разбирательства, государственный обвинитель вправе отказаться от этого обвинения» (ч. 2 ст. 314 УПК Республики Азербайджан).

Вопрос о подходе законодателя к выражению субъективного или объективного начала в принятии государственным обвинителем решения об отказе от обвинения, между тем, носит не только юридико-технический характер, но и имеет огромное практическое значение, заключающееся в возможности правоприменителя безошибочно установить наличие или отсутствие основания для заявления такого отказа.

В качестве основания отказа от обвинения выступает убеждение государственного обвинителя в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Данная формулировка неоднозначно воспринимается учеными-процессуалистами.

Так, еще В.С. Зеленецкий указывал, что «отсутствие оснований для осуществления государственного обвинения свидетельствует о наличии у прокурора оснований для отказа от него. Но такая взаимообусловленность названных оснований еще не дает ответа на вопрос о том, что же

конкретно является основанием отказа прокурора от государственного обвинения»¹.

А.М. Баксалова в качестве оснований отказа от обвинения выделяет следующие: обвинение не нашло своего подтверждения (то есть оно изначально содержало в себе ошибки); обвинение не доказано в полной мере².

В.Ф. Крюков полагает, что основаниями отказа от обвинения может стать ошибочная оценка материалов уголовного дела, полученных на стадии предварительного расследования, и получение новых доказательств, добытых в судебном следствии³.

А.Г. Коваленко, комментируя ч. 7 ст. 246 УПК РФ, указывает, что «основанием для отказа от обвинения может служить недостаточность доказательств для вывода о наличии события преступления, о том, что данное преступление совершено именно подсудимым, неправильная квалификация совершенного преступления, наличие обстоятельств, исключающих производство по делу и продолжение уголовного преследования подсудимого»⁴.

Некоторые авторы в качестве оснований отказа от обвинения рассматривают реабилитирующие основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования):

- 1) отсутствие события преступления;
- 2) отсутствие в деянии состава преступления;
- 3) непричастность подсудимого к совершению преступления⁵.

Н.А. Кириллова полагает, что основаниями отказа от обвинения являются также некоторые нереабилитирующие основания прекращения

¹ Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 70.

² Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения... С. 22.

³ Крюков В.Ф. Отказ прокурора от государственного обвинения... С.24.

⁴ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. А.Г. Коваленко. М.: Эксмо, 2003. С. 524.

⁵ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 120; Леви А. Указ. статья. С. 41; Пашков С.Ю. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования судом первой инстанции ввиду отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения // Российский следователь. 2005. № 12. С. 26.

уголовного дела, например, отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению (п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)¹.

Точка зрения Н.А. Кирилловой представляется ошибочной и связана с буквальным толкованием ч. 7 ст. 246 УПК РФ, предусматривающей, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, где п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ отражает все основания прекращения уголовного дела, предусмотренные пп. 1—6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Вместе с тем, для правильного понимания оснований отказа государственного обвинителя от обвинения ч. 7 ст. 246 УПК РФ необходимо толковать системно с нормой, предусмотренной ст. 254 УПК РФ. В частности, ст. 254 УПК РФ закрепляет, что уголовное дело может прекращаться в 3 случаях. В аспекте исследуемой проблемы интерес представляют первые 2 случая, сравнительный анализ которых позволяет заключить, что прекращение уголовного дела (уголовного преследования) судом может иметь место либо по основаниям, предусмотренным п.п. 3—6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, по собственной инициативе суда, либо по основаниям, предусмотренным п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, но только в случае отказа обвинителя от обвинения. Таким образом, суд не может и не должен дожидаться от государственного обвинителя заявления об отказе от обвинения для того, чтобы прекратить уголовное дело (уголовное преследование) по нереабилитирующим основаниям. В свою очередь, государственный обвинитель не может и не должен заявлять отказ от обвинения по нереабилитирующим основаниям, так как обвинение при наличии таких оснований теряет свою юридическую силу, независимо от воли государственного обвинителя или суда.

Тем самым, ссылка, содержащаяся в п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, распространяется только на основания, предусмотренные пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24

¹ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 50—69.

УПК РФ, и ее правовое значение заключается в том, чтобы предусмотреть возможность прекращения в результате отказа государственного обвинителя от обвинения по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, не только уголовного дела, но и уголовного преследования. Например, в случае необходимости прекращения уголовного преследования подсудимого по одному из эпизодов его преступной деятельности по основанию отсутствия в деянии состава преступления в постановлении суда для конкретизации основания прекращения уголовного преследования целесообразно сослаться и на п. 2 ч. 1 ст. 27, и на п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ одновременно¹.

Точка зрения о том, что основанием отказа государственного обвинителя от обвинения является одно из реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), представляется наиболее приемлемой. Она обусловлена следующими посылками:

1) отказ от обвинения, являясь отказом от уголовного преследования (прекращением уголовного преследования), должен иметь и те же основания, что отказ от уголовного преследования;

2) в судебном разбирательстве субъектом, осуществляющим производство по уголовному делу, является суд. Именно суд вправе в судебных стадиях принимать организационно-распорядительные решения по уголовному делу, к числу которых относится и решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Обобщенным выводом из указанных посылок является утверждение о том, что отказ от уголовного преследования в судебном производстве по уголовному делу имеет двухуровневую структуру, в которой основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования) выступает основанием отказа от обвинения, предопределяющим принятие судом как органом, осуществляющим производство по уголовному

¹ Распространенная в таких случаях на практике формулировка «на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратить уголовное дело в части преступления, предусмотренного...» является в этой связи некорректной, так как прекращение уголовного дела «в части» является именно прекращением уголовного преследования, основания которого предусмотрены ст. 27 УПК РФ.

делу, процессуального решения о прекращении такого уголовного дела (уголовного преследования) по указанному государственным обвинителем основанию.

Единственной оговоркой, которая требуется при обосновании указанной точки зрения, является то, что установление оснований для отказа от обвинения возможно двумя путями. Формулировка «представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение», как представляется, означает, что:

- 1) представленных доказательств недостаточно для обоснования обвинения полностью или в соответствующей части;
- 2) представленные доказательства опровергают предъявленное подсудимому обвинение полностью или в соответствующей части.

Таким образом, основанием отказа государственного обвинителя от обвинения является его убеждение в том, что представленных по уголовному делу доказательств недостаточно для установления либо они опровергают наличие события преступления, наличие состава преступления либо причастность подсудимого к совершению преступления.

Очевидно, законодатель не стал закреплять в ч. 7 ст. 246 УПК РФ указание на основания отказа государственного обвинителя от обвинения исключительно из соображений соблюдения требований юридической техники, а именно для исключения двойного употребления понятия «основания» в одной правовой норме. Вместе с тем, думается, указание на то, что отказ от обвинения возможен исключительно по реабилитирующим основаниям, должно быть закреплено в указанной правовой норме. В этих целях наиболее приемлемым вариантом представляется перечисление в ч. 7 ст. 246 УПК РФ самих реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования). На основании вышеизложенного необходимо в предложении первом ч. 7 ст. 246 УПК РФ слова «предъявленное подсудимому обвинение» заменить словами «наличие события преступления, наличие в действиях подсудимого состава преступления либо причастность подсудимого к совершению преступления».

Не предусматривая в ч. 7 ст. 246 УПК РФ основания отказа государственного обвинителя от обвинения, законодатель в то же время закрепляет обязанность государственного обвинителя изложить суду мотивы своего отказа. Закономерным вопросом, возникающим в этой связи, является вопрос о том, подразумевается ли под изложением мотивов указание государственным обвинителем на основания своего отказа (в частности, на одно из реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования)) либо понятие «мотивы» имеет в системе рассматриваемых норм иное правовое значение?

Мотивированность — одно из основных требований к любому решению в уголовном судопроизводстве, оно обеспечивает законность при производстве по уголовному делу (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Как отмечается в уголовно-процессуальной литературе, «мотивировка решения позволяет проверить его обоснованность, исключает вынесение решений, не основанных на доказательствах, и тем самым обеспечивает их законность»¹. Мотивирование решения означает изложение фактических обстоятельств, составляющих юридическое обоснование содержащихся в нем выводов.

В соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 7-П прокурор обязан изложить суду мотивы отказа от обвинения, исходя из указанных в п.п. 1 и 2 статьи 24 и п.п. 1 и 2 статьи 27 УПК Российской Федерации оснований (отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления и непричастность подсудимого к совершению преступления) (п. 7). Аналогичное требование содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1, предусматривающем, что государственный обвинитель должен изложить суду мотивы полного или частичного отказа от обвинения со ссылкой на предусмотренные законом основания (п. 29).

Таким образом, мотивировка отказа государственного обвинителя от обвинения должна содержать ссылку на основание прекращения

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Юристъ, 2004. С. 74.

уголовного дела (уголовного преследования). Кроме того, мотивировка решения государственного обвинителя от обвинения должна содержать аргументы, обосновывающие вывод о том, что представленных доказательств недостаточно для обоснования обвинения либо краткий анализ доказательств, опровергающих обвинение полностью или в соответствующей части, то есть по сути должна содержать внешнее (словесное) оформление внутреннего убеждения государственного обвинителя в необходимости отказа от обвинения.

В содержание мотивировки следует также включать причины отказа государственного обвинителя от обвинения. Причины отказа от обвинения — это выявленные в ходе судебного разбирательства недостатки предварительного расследования, а также вновь открывшиеся фактические обстоятельства либо новые доказательства, которые приводят к появлению оснований для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и, как результат, к убеждению государственного обвинителя о необходимости заявления такого отказа.

Обобщение причин отказа государственного обвинителя от обвинения, на которые указывается в уголовно-процессуальной литературе, позволяет разделить их на 3 группы:

1. Правонарушения и ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования (так называемые «следственные ошибки»¹):

- 1) процессуальные нарушения, влекущие признание доказательств, подтверждающих обвинение, недопустимыми²;
- 2) изначально недостаточный объем доказательств, собранных следователем (дознавателем) в подтверждение обвинения³;

¹ *Баксалова А.М.* Уголовно-процессуальная функция обвинения... С. 162—163; *Землянухин А.В.* Указ. соч. С. 108—111; *Зозулинский А.Б.* Указ. соч. С. 138; *Кириллова Н.П.* Указ. статья. С. 141.

² *Баксалова А.М.* Уголовно-процессуальная функция обвинения... С. 158.

³ *Аликперов Х.* Государственное обвинение: нужна реформа... С. 2; *Кириллова Н.А.* Указ. соч. С. 64. Н.А. Колоколов в этой связи справедливо отмечает, что «в последнее время в суды все чаще попадают дела, по которым органами предварительного расследования подсудимому вменяются в вину эпизоды преступной деятельности при полном отсутствии доказательств» (*Колоколов Н.А.* Обвинение — не гипотеза // *ЭЖ-Юрист.* 2006. № 12. С. 9).

- 3) недостаточная проработанность всех возможных следственных версий, влекущая опровержение в ходе судебного разбирательства версии, положенной в основу обвинения¹;
- 4) ошибочная оценка следователем, дознавателем или прокурором фактических обстоятельств дела, результатом чего является неправильная юридическая квалификация обвинения².

2. Ошибочная оценка государственным обвинителем материалов уголовного дела, что может являться следствием «неопытности, поспешности или же злоупотребления государственным обвинителем своими процессуальными полномочиями»³.

3. Появление в ходе судебного следствия новых доказательств⁴, изменение обстоятельств дела⁵. Например, установление на основании показаний свидетелей, вызванных в суд по ходатайству стороны защиты, алиби обвиняемого⁶.

Одной из самых распространенных причин, влекущих частичный отказ государственного обвинения от обвинения, является так называемое «обвинение с запасом». Данное явление, как указывает К.Б. Калиновский, имеет место, когда «следователь при малейшем сомнении в юридической оценке деяния пытается вменить обвиняемому максимально тяжкое преступление из всех возможных в данном случае. При этом расчет делается на то, что прокурор при утверждении обвинительного заключения и суд при постановлении приговора могут «смягчить» квалификацию, но не смогут ее «ужесточить»⁷. Учитывая, что по уголовному делу, поступившему к прокурору с обвинительным заключением, прокурор в соответствии с внесенными в УПК РФ 5 июня 2007 г. изменениями утратил право изменить объем или квалификацию действий обвиняемого, утверждение К.Б. Калиновского теперь в полной мере

¹ *Кириллова Н.А.* Указ. соч. С. 63.

² *Землянухин А.В.* Указ. соч. С. 112.

³ *Куленко О.И.* Указ. статья. С. 109.

⁴ *Баксалова А.М.* Уголовно-процессуальная функция обвинения... С. 158.

⁵ *Шифман М.Л.* Указ. соч. С. 50.

⁶ *Колпашикова В.М.* Указ. соч. С. 89.

⁷ *Смирнов А.В.* Уголовный процесс... С. 437.

актуально только применительно к полномочиям государственного обвинителя отказаться от обвинения в суде.

На практику обвинения с запасом как на общепризнанное явление указывают многие исследователи¹. Так, А.В. Землянухин приводит статистику, согласно которой «84% опрошенных работников прокуратуры считают такую практику правильной или допустимой»². По мнению автора, «зачастую следователи просто вынуждены поступать таким образом, поскольку, во-первых, в УПК отсутствует институт дополнительного расследования, а во-вторых, если дело перешло в судебные стадии, отсутствует возможность изменить обвинение на более тяжкое, даже если обнаружится, что более тяжкое обвинение подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств»³. Тенденция квалификации обвинения в обвинительном заключении (обвинительном акте) «с запасом» является свидетельством признания следователями и дознавателями неполноты проведенного расследования, признанием того, что в действительности имеются процессуальные средства, которые по тем или иным причинам не были ими использованы. А это, в свою очередь, влечет ситуации, при которых обоснование обвинения (его доказывание) презюмируется при условии надлежащей процессуальной деятельности государственного обвинителя в ходе судебного разбирательства (закрывающейся, как правило, в назначении повторных или дополнительных экспертиз, проведении допросов новых свидетелей и т.д.). Таким образом, бремя доказывания части обвинения, предъявленного обвиняемому в досудебном производстве, зачастую переносится со стадии предварительного расследования в стадию судебного разбирательства уголовного дела, что, безусловно, является грубейшим нарушением права подсудимого на защиту.

¹ Курохтина Е.С. Деятельность прокурора по обеспечению рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2006. С. 107; Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения... С. 158; Землянухин А.В. Указ. соч. С. 112; Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 298; Татьяна Д.В. Указ. соч. С. 127—128; Трикс А.В. Указ. соч. С. 178.

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 113.

³ Там же. С. 113.

В приказе Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» справедливо указывается: «В связи с тем, что существенные нарушения уголовно-процессуального закона в досудебном производстве могут привести к постановлению оправдательного приговора, считать ненадлежащим исполнением служебного долга направление прокурором в суд дела, при расследовании которого были допущены такие нарушения, равно как и необоснованный отказ государственного обвинителя от обвинения либо требование о вынесении обвинительного приговора при отсутствии доказательств виновности подсудимого» (п. 1.8).

Немаловажное значение в системе органов прокуратуры обосновано придается анализу просчетов и ошибок предварительного следствия, дознания и прокурорского надзора, приведших к принятию государственным обвинителем в судебном разбирательстве решения об отказе от обвинения. В соответствии с п. 8.1 приказа Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 прокурорам предписывается «выявленные в процессе судебного разбирательства просчеты и ошибки предварительного следствия, дознания и прокурорского надзора анализировать и обсуждать на совместных совещаниях с представителями заинтересованных подразделений».

Значительное внимание выявлению и анализу причин отказа государственного обвинителя от обвинения уделяется и в прокуратурах субъектов Российской Федерации. Так, в Указании прокурора Иркутской области от 17 мая 2005 г. № 46-12¹ государственным обвинителям предписывается в течение 10 суток после вынесения судебного решения о реабилитации подсудимого представлять в Управление по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами заключение о причинах отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения. В заключении указывать предлагаемые меры реагирования. Представлять надзорное производство по делу с протоколами судебных

¹ О мерах реагирования на факты реабилитации граждан судом: Указание прокурора Иркутской области от 17 мая 2005 г. №46-12 // Прокуратура Иркутской области (официально не опубликовывался).

заседаний, с объяснениями следователя прокуратуры (по делам подследственности органов прокуратуры), заместителя прокурора, утвердившего обвинительное заключение, и государственного обвинителя (п. 1.2).

В то же время, государственный обвинитель, по верному замечанию И. Копытова, «не несет никакой ответственности за поддержание необоснованного обвинения»¹. Поэтому представляется необходимым поддержать предложение Д.В. Татянина о том, что следует предусмотреть «дисциплинарную ответственность прокурора за направление в суд уголовных дел при отсутствии реальной доказательственной базы, подтверждающей виновность обвиняемого», а также «дисциплинарную ответственность государственных обвинителей за поддержание государственного обвинения при отсутствии доказательственной базы, что заставит прокуроров внимательнее относиться к уголовным делам, направляемым в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом)»².

* * *

Выводы:

1. Общими условиями отказа государственного обвинителя от обвинения являются структурные элементы его внутреннего содержания, а именно: 1) убеждение государственного обвинителя; 2) основания отказа от обвинения; 3) мотивы отказа от обвинения; 4) причины отказа от обвинения.

2. Под убеждением государственного обвинителя о необходимости отказа от обвинения предлагается понимать основанную на оценке имеющихся в уголовном деле доказательств уверенность в отсутствии материальных и процессуальных оснований для поддержания обвинения, а также в невозможности возникновения таких оснований в результате дальнейшей процессуальной деятельности.

¹ Копытов И. Поддержание в суде государственного обвинения — простая формальность? // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 43.

² Татянин Д.В. Указ. соч. С. 95–96.

3. Основанием отказа государственного обвинителя от обвинения является его убеждение в том, что представленных по уголовному делу доказательств недостаточно для установления либо они опровергают наличие события преступления, состава преступления или причастность подсудимого к совершенному преступлению.

4. Мотивировка отказа государственного обвинителя от обвинения должна содержать ссылку на основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования), а также аргументы, обосновывающие вывод о том, что представленных доказательств недостаточно для обоснования обвинения, либо краткий анализ доказательств, опровергающих обвинение полностью или в соответствующей части.

5. Причины отказа от обвинения — это выявленные в ходе судебного разбирательства недостатки в процессуальной деятельности стороны обвинения, а также вновь открывшиеся фактические обстоятельства либо новые доказательства, которые приводят к появлению оснований для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и, как результат, к убеждению государственного обвинителя о необходимости заявления такого отказа.

§2. Процессуальный момент и процессуальная форма отказа государственного обвинителя от обвинения

Процессуальный момент отказа государственного обвинителя от обвинения является одним из наиболее важных вопросов исследуемой темы как с теоретических, так и с практических позиций. С теоретических позиций, исходя из того, что уголовное преследование, в том числе поддержание обвинения в суде, — это реализация функции обвинения, законодатель нормативно не стал ограничивать государственного обвинителя в возможности отказаться от реализации данной функции на каком бы то ни было этапе производства в суде первой инстанции. Практическое значение определения процессуального момента отказа государственного обвинителя от обвинения обусловлено, во-первых, тактикой стороны обвинения, а во-вторых, правовыми последствиями

такого отказа для суда, потерпевшего и иных участников судебного заседания.

В соответствии с ч. 1 ст. 239 УПК РФ в случае отказа прокурора от обвинения уголовное дело (уголовное преследование) может быть прекращено на стадии предварительного слушания. Необходимо обратить внимание, что отказ от обвинения на данной стадии заявляется прокурором, не обладающим до назначения судебного заседания процессуальным статусом государственного обвинителя (ч. 2 ст. 246 УПК РФ). В то же время, такой отказ осуществляется в отношении обвиняемого, а не подсудимого, так как подсудимым именуется обвиняемый, по уголовному делу которого назначено судебное разбирательство (ч. 2 ст. 47 УПК РФ), что является одним из видов решений, принимаемых по результатам предварительного слушания (п. 5 ч. 1 ст. 236 УПК РФ). Поэтому на стадии предварительного слушания следует говорить не об отказе государственного обвинителя от обвинения подсудимого, а об отказе прокурора от обвинения обвиняемого. Это связано с тем, что стадия предварительного слушания имеет организационно-обеспечительный характер, а уголовное дело в этой стадии не рассматривается по существу¹. Однако указанные терминологические нюансы, между тем, не изменяют сущность и правовое значение отказа от обвинения на данной стадии.

В уголовно-процессуальной литературе нет единства мнений по вопросу об обоснованности заявления прокурором отказа от обвинения на предварительном слушании. Так, ряд авторов полагают, что такой отказ возможен, если имеющиеся к отказу от обвинения мотивы и основания бесспорны и не требуют исследования всех материалов дела, например,

¹ Между тем нельзя не отметить мнение З. Ш. Гатауллина о том, что «прокурор в стадии предварительного слушания относится к стороне обвинения, то есть является обвинителем. Утвердив обвинительное заключение, прокурор придает содержащемуся в нем обвинению статус обвинения государственного. Значит и прокурор, пришедший в предварительное слушание, является государственным обвинителем» (См.: *Гатауллин З.Ш. Участие прокурора в предварительном слушании как форма подготовки к поддержанию государственного обвинения // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 263.*)

когда наиболее значимые доказательства исключены как недопустимые¹. По справедливому мнению Н.В. Кулика, прекращение уголовного дела (уголовного преследования) на предварительном слушании позволяет исключить существенные затраты на проведение судебного разбирательства и минимизировать процессуальные издержки².

Другие авторы исходят из того, что отказ от обвинения обоснован только по результатам исследования всех доказательств по делу, по окончании судебного следствия или в стадии прений сторон³. Например, С.В. Петраков полагает, что отказ государственного обвинителя от обвинения возможен только в прениях сторон, потому что «в противном случае становится непонятно, из чего исходит обвинитель при отказе от обвинения, когда все доказательства еще не были исследованы в судебном порядке. Отказ от обвинения на этапе исследования доказательств представляется преждевременным и необоснованным со стороны государственного обвинителя, так как ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы»⁴.

¹ *Кириллова Н.А.* Указ. соч. С. 18.; *Кулик Н.В.* Осуществление прокурором доказывания на предварительном слушании: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2006. С. 103; *Настольная книга прокурора / Под ред. С.И. Герасимова. М.: Экслит, 2002. С. 617; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ / Отв. ред. В.П. Верин. М.: Юрайт-издат, 2006. С. 34; *Сидоренко Е.В.* Правовые проблемы определения роли и процессуального положения прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2001. С. 80; *Землянухин А.В.* Указ. соч. С. 80.*

² *Кулик Н.В.* Указ. соч. С. 148.

³ *Колпашникова В.М.* Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2006. С. 8—9; *Тушев А.А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. С. 230—231; *Тырин А.В.* Осуществление прокурором преследования в стадии предварительного слушания / А.В. Тырин, Н.А. Лукичев, Н.А. Громов // Следователь. 2002. № 6. С. 12; *Фоменко А.Н.* Защита прокурором прав и законных интересов потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. С. 19; *Демидов И.* Указ. статья. С. 27; *Петраков С.В.* Указ. статья. С. 14.

⁴ *Петраков С.В.* Указ. статья. С. 14.

Между тем Верховный Суд РФ в Определении от 19 мая 2006 г. № 9-О06-21 особо подчеркнул, что «Конституционный Суд РФ не признал не соответствующими Конституции РФ положения уголовно-процессуального закона — ст.ст. 236 и 239 УПК РФ — о возможности прекращения уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения на стадии предварительного слушания»¹.

Представляет в этой связи интерес, что в уголовно-процессуальных законах некоторых стран закрепляется, что отказ государственного обвинителя от обвинения допускается только в результате судебного разбирательства. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 409 УПК Республики Узбекистан «если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия свидетельствуют о невиновности подсудимого, он обязан отказаться от обвинения и изложить суду мотивы отказа». Схожая норма, предусматривающая обязанность прокурора отказаться от предъявленного подсудимому обвинения «в результате судебного разбирательства», содержится в ч. 3 ст. 210 УПК Эстонии.

Однако, как представляется, следует поддержать мнение А.А. Казанцева о том, что более точно определять в уголовно-процессуальном законе возможный момент заявления государственным обвинителем отказа от обвинения «нецелесообразно, поскольку теоретически необходимость в этом может возникнуть на любом этапе судебного разбирательства»². Концептуальная возможность заявления прокурором отказа от обвинения на стадии предварительного слушания, несмотря на то, что на данной стадии уголовного судопроизводства установление виновности лица в совершении преступления не осуществляется, обусловлена ее предназначением. Предназначение стадии предварительного слушания, как обоснованно указывает Н.Н. Ковтун, заключается в необходимости до начала рассмотрения уголовного дела по существу выяснения двух основных вопросов: 1) о законности досу-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2006 г. № 9-О06-21 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Казанцев А.А. Указ. статья. С. 41.

дебного производства по уголовному делу и, как следствие, о законности притязаний обвинительной власти на разрешение уголовного иска в суде; 2) об обоснованности внесения данного дела в суд, о достаточности и допустимости фактических оснований для предстоящего разрешения судом основного вопроса уголовного дела¹. При таких условиях незаконное или необоснованное обвинение необходимо рассматривать как обстоятельство, свидетельствующее о незаконных, полностью или частично, притязаниях обвинительной власти на рассмотрение уголовного дела в суде.

Нельзя не согласиться с А.В. Землянухиным в том, что «на различных этапах уголовного преследования степень обоснованности внутреннего убеждения соответствующего должностного лица может отличаться, она напрямую зависит от имеющейся доказательственной базы»². Но, несмотря на то что в стадии предварительного слушания прокурор еще непосредственно не исследовал имеющиеся в уголовном деле доказательства, его выводы могут основываться на других достаточных данных, установленных на данной стадии. Убедительный пример этому приводит Н.А. Кириллова, отмечая, что прокурор обязан отказаться от обвинения уже на предварительном слушании «в случае установления факта недостижения подсудимым возраста уголовной ответственности на момент совершения инкриминируемого ему деяния»³. Основание для отказа от обвинения в таком случае очевидно без необходимости исследования каких-либо дополнительных материалов уголовного дела.

Таким образом, в условиях состязательного типа уголовного процесса сторона обвинения не может быть ограничена в праве отказаться от уголовного преследования на любом этапе рассмотрения уголовного дела, так как это противоречило бы назначению уголовного судопроизводства. Отказ прокурора от обвинения в стадии подготовки

¹ Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород: Нижегород. прав. акад., 2002. С. 228.

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 107.

³ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 18.

к судебному заседанию, проводимой в форме предварительного слушания¹, возможен, но только при наличии такого убеждения прокурора о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, которое к моменту проведения данной стадии судебного производства по уголовному делу является окончательным и не может быть опровергнуто в результате исследования имеющихся по делу доказательств в ходе дальнейшего судебного разбирательства².

Важным практическим последствием частичного отказа прокурора от обвинения на предварительном слушании является, при наличии соответствующих оснований, изменение подсудности уголовного дела. В соответствии с ч. 5 ст. 236 УПК РФ, если в ходе предварительного слушания прокурор изменяет обвинение, то судья отражает это в постановлении и в случаях, предусмотренных УПК РФ, направляет уголовное дело по подсудности. Очевидно, что в указанной норме понятие «изменяет обвинение» употреблено законодателем в широком смысле и включает в себя случаи частичного отказа от обвинения. Указанный вывод подтверждается и судебной практикой применения данной нормы³.

Однако в целях исключения узкого толкования ч. 5 ст. 236 УПК РФ представляется обоснованным дополнить указанную норму указанием на направление уголовного дела по подсудности и в результате частичного отказа прокурора от обвинения. Для этого следует в ч. 5 ст. 236 УПК РФ после слова «прокурор» добавить слова «заявляет частичный

¹ Если в ходе подготовки к судебному заседанию прокурор придет к убеждению о необходимости полностью или частично отказаться от обвинения, а суд не установит ни одного из оснований проведения предварительного слушания, предусмотренных ч. 2 ст. 229 УПК РФ, прокурор, как представляется, обязан заявить ходатайство о необходимости его проведения в связи с наличием основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) (п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ).

² Данная точка зрения, между тем, не поддерживается правоприменителем. Так, по результатам проведенного в рамках настоящего исследования анкетирования государственных обвинителей и судей только 19% согласились с оправданностью заявления государственным обвинителем отказа от обвинения на предварительном слушании.

³ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 сентября 2006 г. № 9-006-21 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

отказ от обвинения либо». Соответственно, ч. 5 ст. 236 УПК РФ будет иметь следующий вид: «Если в ходе предварительного слушания прокурор заявляет частичный отказ от обвинения либо изменяет обвинение, то судья также отражает это в постановлении и в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, направляет уголовное дело по подсудности».

Решение об изменении подсудности в связи с отказом прокурора от обвинения на предварительном слушании, между тем, может быть принято только после принятия судом решения о прекращении уголовного преследования в соответствующей части. Так, по уголовному делу № 14-006-18, несмотря на то, что прокурором на предварительном слушании был заявлен частичный отказ от обвинения, Воронежский областной суд решение о прекращении уголовного преследования не принял, а принял решение о направлении уголовного дела для рассмотрения в Левобережный районный суд г. Воронежа. Отменяя решение Воронежского областного суда, Верховный Суд РФ указал, что «только после принятия решения о прекращении уголовного дела и изменения первоначально предъявленного обвинения, суд вправе, на основании ст. 236 ч. 5 УПК РФ, разрешать вопросы, связанные с направлением уголовного дела по подсудности в другой суд»¹.

Необходимо также учитывать, что частичный отказ прокурора от обвинения на предварительном слушании и изменение судом в этой связи подсудности уголовного дела влечет и иные последствия, в частности, изменение состава суда. А именно: изменение родовой (предметной) подсудности с уровня суда субъекта Российской Федерации на уровень суда города (района) влечет исключение возможности рассмотрения уголовного дела в отношении подсудимого судом с участием присяжных заседателей. Так, по уголовному делу № 3-003-33 осужденный Щ. указал, что считает принятие Верховным Судом Республики Коми отказа прокурора от обвинения неправомерным, так как в соответствии

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-006-18 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

со ст. 252 УПК РФ изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается в том случае, если этим не ухудшается положение подсудимого. С точки зрения Щ., принятие отказа от обвинения лишает его права на рассмотрение дела судом присяжных, ибо оставшаяся ст. 319 УК РФ подсудна мировому судье, а он заявлял о рассмотрении его дела судом присяжных, рассчитывая на более объективное рассмотрение вопроса о его виновности, поскольку считает, что дело сфабриковано, у него большие сомнения в беспристрастности иного суда. Верховный Суд РФ кассационную жалобу Щ. не удовлетворил, отметив, что «направление уголовного дела в отношении него по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ, по подсудности не свидетельствуют об ухудшении его положения, о нарушении его права на защиту»¹.

Следует, при этом, отметить, что положения ч. 7 ст. 236 УПК РФ, исключющие обжалование принятого по результатам предварительного слушания судебного решения о направлении уголовного дела по подсудности, признаны Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ. Как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 9 июня 2004 г. № 223-О², «поскольку право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 47, часть 1 Конституции Российской Федерации), является важнейшей составной частью права на судебную защиту, принимаемые судами решения по вопросам, связанным с определением подсудности уголовного дела и передачей уголовного дела из одного суда в другой, во всяком случае подлежат обжалованию и пересмотру в кассационном порядке безотлагательно, еще до завершения производства в суде первой инстанции» (п. 3). Данная правовая пози-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2003 г. № 3-003-33 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² По жалобе гражданина Алексеенко Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями частей пятой и седьмой статьи 236 УПК Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2004 г. № 223-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1.

ция Конституционного Суда РФ была позднее подтверждена им также в Определении от 30 сентября 2004 г. № 252-О¹.

Частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, вместе с тем, не может являться основанием для изменения судом подсудности рассматриваемого уголовного дела, что вытекает из ч. 1 ст. 34 УПК РФ, согласно которой суд может принять решение об изменении подсудности только при разрешении вопроса о назначении судебного заседания. Так, по уголовному делу № 88-005-54 осужденный Ш. в кассационной жалобе просил об отмене приговора Томского областного суда и направлении дела на новое рассмотрение в районный суд, ссылаясь на то, что государственный обвинитель в прениях сторон отказался от обвинения его по ст.ст. 30 ч. 3, 105 ч. 2 п.п. «ж, з» УК РФ. Осужденный считал, что в этой связи дело должно рассматриваться судом общей юрисдикции районного уровня. Верховный Суд РФ отказал в удовлетворении кассационной жалобы, мотивировав свое решение тем, что «уголовное дело поступило в областной суд в соответствии с подсудностью этому суду преступления, в совершении которого обвинялся Ш. Отказ государственного обвинителя от обвинения в судебном заседании не является основанием изменения подсудности»².

Процессуальную форму отказа государственного обвинителя от обвинения представляется оправданным рассматривать в 2 аспектах:

- 1) в аспекте согласования решения государственного обвинителя о необходимости отказа от обвинения с вышестоящим прокурором;
- 2) в аспекте процессуального оформления решения государственного обвинителя об отказе от обвинения.

Осуществлять согласование государственным обвинителем своего решения об отказе от обвинения с вышестоящим прокурором первым

¹ По жалобе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Е.Я. Янковского частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 № 252-О // Сборник законодательства РФ. 2004. № 41. Ст. 4087.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31 марта 2006 г. № 88-005-54 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

предложил еще В.М. Савицкий¹. В настоящее время за необходимость получения государственным обвинителем согласия вышестоящего прокурора высказываются значительное количество авторов². Более того, А.М. Баксалова даже предлагает предусмотреть в УПК РФ правило, согласно которому «обвинение по делу должен поддерживать именно тот работник прокуратуры, который утвердил обвинительное заключение»³.

Между тем отдельные авторы придерживаются точки зрения, что необходимость получения государственным обвинителем согласия вышестоящего прокурора противоречит процессуальной независимости государственного обвинителя как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, полноправно представляющего в судебном производстве по уголовному делу интересы стороны обвинения и государства в целом⁴. Так, А.В. Землянухин полагает, что «любой государственный обвинитель, при условии, что он соответствует своей должности, обязан обладать всеми необходимыми знаниями и способностями для принятия законного и обоснованного решения без проведения дополнительных консультаций с кем-либо»⁵. По мнению Ю. Корневского, такой подход «способен породить лишь безответственность выступающих в суде прокуроров, отсутствие у них собственной позиции,

¹ Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа... С. 74.

² Аликперов Х. Государственное обвинение: нужна реформа... С. 4; Барабанов П.К. Реализация потерпевшим права на поддержание обвинения по делам публичного (частнопубличного) обвинения // Мировой судья. 2006. № 4. С. 10; Голосова С.А. Проблема соблюдения прав потерпевшего в случае отказа прокурора от обвинения // Юрист. 2003. № 8. С. 49; Барабанов П.К. Указ. статья. С. 10; Кириллова Н.П. Указ. статья. С. 152; Петраков С.В. Научные и практические доводы за право прокурора на отказ от обвинения / С.В. Петраков, М.П. Поляков // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 14; Щемеров С.А. Участие прокурора в стадии судебного разбирательства уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2007. С. 10; Бояров С. Указ. статья. С. 59.

³ Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения... С. 165.

⁴ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 71; Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 78; Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ф.М. Ягофаров. Оренбург: Оренб. гос. аграрн. ун-т, 2003. — С. 47.

⁵ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 72.

приучить слепо следовать обвинительному заключению»¹. Н.А. Кириллова также выступает против необходимости получения государственным обвинителем согласия вышестоящего прокурора, так как «государственный обвинитель наиболее хорошо знаком с материалами дела в данной стадии, а потому лишь он имеет наибольшую возможность принять объективное и правильное решение по делу. Подобными заявлениями мы ставили бы под постоянное сомнение порядочность, объективность и процессуальную грамотность государственного обвинителя, однако с таким же успехом можно усомниться и в данных качествах надзирающего прокурора»².

Приказом Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» прокурорам предписывается: «В случае принципиального несогласия с позицией государственного обвинителя в соответствии со ст. 246 УПК РФ своевременно решать вопрос о замене государственного обвинителя либо самому поддерживать государственное обвинение». Как отмечают В.Г. Бессарабов и К.А. Кашаев, предложенный в данном приказе порядок «представляется логичным, так как он исключает поспешные и произвольные шаги государственного обвинителя»³.

Исходя из того, что на основании данного приказа вышестоящий прокурор должен сформировать собственную позицию по уголовному делу, по которому государственный обвинитель намерен отказаться от обвинения, можно сделать вывод о том, что представление государственным обвинителем прокурору своего мнения имеет обязательный характер. Согласие вышестоящего прокурора при этом презюмируется до тех пор, пока им не будет выражено свое принципиальное несогласие, то есть такое несогласие, которое основано на внутреннем убеждении вышестоящего прокурора, противоположном внутреннему убеждению государственного обвинителя. Безусловно, что в соответствии с принципом подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим

¹ Корневский Ю. Государственное обвинение: какая нужна реформа? ... С. 35.

² Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 78.

³ Бессарабов В.Г. Указ. соч. С. 299.

преобладание правовой позиции государственного обвинителя над позицией вышестоящего прокурора исключается. Логичным в таком случае являются предусмотренные приказом процессуальные средства разрешения возникшего разногласия — замена государственного обвинителя либо поддержание обвинения вышестоящим прокурором. Необходимо отметить в этой связи, что в научной литературе предлагается предусмотреть в ст. 246 УПК РФ требование о том, что если мнение государственного обвинителя расходится с мнением прокурора, утвердившего обвинительное заключение, первому должно быть предоставлено право заявить самоотвод от исполнения функции обвинения в суде¹.

Порядок согласования государственным обвинителем своей позиции по уголовному делу с вышестоящим прокурором регламентируется на ведомственном уровне, в приказах прокуроров субъектов Российской Федерации. Так, в 2003 г. решением коллегии прокуратуры Саратовской области государственных обвинителей, если они приходят к выводу о необходимости отказа от обвинения, обязали составлять рапорт. На данном рапорте должна проставляться санкция прокурора, утвердившего обвинительное заключение. Однако данный рапорт не помещается в уголовное дело².

В Информационном письме Прокуратуры Оренбургской области от 4 июня 2004 г № 12-2-2004 «О применении п. 7 ст. 246 УПК РФ при решении вопроса об отказе от поддержания государственного обвинения в суде» государственным обвинителям также предписывается «перед прениями сторон рапортом уведомлять прокурора либо заместителя, утвердившего обвинительное заключение, о необходимости отказа от поддержания обвинения в суде». Принятое по этому поводу решение прокурор или заместитель излагает «в резолютивной форме на рапорте государственного обвинителя»³.

¹ Ефимичев С.П. Вопросы законности, обоснованности и справедливости приговора и решений судов кассационной и надзорной инстанции / С.П. Ефимичев, М.В. Шаруева // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 33.

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 71.

³ Казанцев А.А. Указ. статья. С. 42.

Прокуратурой Иркутской области какой-либо специальный ведомственный акт, регламентирующий действия государственного обвинителя по заявлению отказа от обвинения, не принимался. В соответствии с Приказом прокурора Иркутской области от 10 февраля 2005 г. № 103 «О повышении эффективности поддержания государственного обвинения» при возникновении вопроса об отказе от обвинения следует «безотлагательно сообщать об этом в управление, зональному прокурору по следствию, заместителю прокурора, утвердившему обвинительное заключение» (п. 4). В письме прокурора Иркутской области от 27 марта 2006 г. № 12-07-06 указывается, что после вынесения судом окончательного решения по уголовному делу в связи с отказом от обвинения государственный обвинитель обязан незамедлительно направить в прокуратуру области спецсообщение, в котором должна быть обязательно отражена позиция государственного обвинителя в суде, а также факт ее согласования с заместителем прокурора, направившим дело в суд.

В этой связи представляет интерес, что по результатам проведенного опроса государственных обвинителей и судей большинство государственных обвинителей (59%) высказались против включения в УПК РФ нормы о получении государственным обвинителем обязательного согласия вышестоящего прокурора на отказ от обвинения, в то время как большинство судей (72%) считают необходимым предусмотреть в УПК РФ требование об обязательном согласовании государственным обвинителем своего решения об отказе от обвинения с прокурором, утвердившим обвинительное заключение (51%), либо с вышестоящим прокурором (21%).

Учитывая вышеизложенное, хотелось бы отметить, что получение государственным обвинителем согласия вышестоящего прокурора на отказ от обвинения все же представляется неперспективным требованием, что обусловлено возможным выделением из органов прокуратуры самостоятельной Службы государственных обвинителей. С созданием Службы государственных обвинителей, как представляется, прокурор окончательно утратит какие-либо полномочия по осуществлению уголовного преследования в досудебном и судебном

производствах, а также, соответственно, право санкционировать отдельные процессуальные действия и решения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование и поддержание обвинения в суде (тенденция к чему уже проявилась в редакции УПК РФ от 5 июня 2007 г.). Вместе с тем, не предлагая внесения каких-либо изменений и дополнений в этой связи в уголовно-процессуальный закон, следует признать, что существующий ведомственный порядок представления вышестоящим прокурорам рапортов об отказе от обвинения, скорее всего, сохранится вплоть до создания такой службы.

Другим немаловажным аспектом процессуальной формы отказа государственного обвинителя от обвинения является порядок процессуального оформления данного решения. В ч. 7 ст. 246 УПК РФ, закрепляя, что государственный обвинитель «отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа», законодатель не конкретизирует, в какой форме такой отказ и его мотивы должны быть выражены.

Большинство авторов полагают, что отказ государственного обвинителя от обвинения должен заявляться в письменной форме¹. Как справедливо отмечает Ю. Щербаков, секретари судебного заседания не в состоянии стенографировать все содержание судебного разбирательства, а записывают его ход сокращенно, «и поэтому мотивировка отказа государственного обвинителя от обвинения не отражается ими достаточно полно². Это подтверждает и А.В. Землянухин, указывающий на основе изученных уголовных дел, что «в подавляющем большинстве случаев полного и частичного отказа от обвинения или изменения обвинения секретари ограничивались занесением в протокол судебного заседания только указания на то, что “прокурор отказывается от обвинения в связи с тем, что предъявленные доказательства не подтверждают об-

¹ Барабанов П.К. Указ. статья. С. 10; Голосова С.А. Указ. статья. С. 49; Зеленецкий В.С. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 46; Зеленин С. Зависимость суда от позиции прокурора... С. 15; Землянухин А.В. Указ. соч. С. 82; Казанцев А.А. Указ. статья. С. 43; Фоменко А.Н. Указ. статья. С. 24; Щербаков Ю. Указ. статья. С. 30; Яковлев Н.М. Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 73.

² Щербаков Ю. Указ. статья. С. 29.

винение»¹. Очевидно, что отсутствие в материалах дела письменного изложения мотивов и основания отказа государственного обвинителя от обвинения исключает возможность последующей проверки их законности и обоснованности.

В уголовно-процессуальной литературе отмечаются следующие преимущества письменной формы отказа государственного обвинителя от обвинения:

- 1) с мотивами отказа от обвинения судья обязан ознакомить потерпевшего и других участников процесса, что удобнее сделать при наличии письменной формы их изложения;
- 2) только имея письменно изложенный отказ государственного обвинителя от обвинения, потерпевший может в полном объеме сформулировать свое несогласие и высказать обоснованное возражение против него;
- 3) мотивировку государственного обвинителя об отказе от обвинения суд обязан положить в основу постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), что для суда будет затруднительным без письменного изложения такой мотивировки государственным обвинителем².

Между тем среди исследователей имеются и противники письменной формы отказа государственного обвинителя от обвинения. Так, Ф.М. Ягофаров полагает, что отказ от обвинения вообще не требует обоснования: «обоснования требует только обвинение, оправдание не нуждается в обосновании»³.

Н.А. Кириллова в этой связи указывает, что в стадиях судебного производства по уголовному делу «в письменном виде оформляются лишь наиболее значимые решения суда, путем вынесения определений и постановлений. Все остальные действия и решения участников процесса фиксируются в протоколе судебного заседания, что предопределяется принципом устности судебного разбирательства»⁴. При этом, как

¹ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 82.

² Щербаков Ю. Указ. статья. С. 30; Яковлев Н.М. Указ. статья. С. 73.

³ Ягофаров Ф.М. Указ. соч. С. 53.

⁴ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 77.

отмечает автор, «итоговым документом, который будет влечь правовые последствия, будет являться не акт отказа от обвинения, а процессуальное решение суда, принятое по итогам рассмотрения отказа от обвинения. Указанное же процессуальное решение обладает необходимой письменной формой и именно к нему закон предъявляет требования в части содержания определённых реквизитов»¹.

Трудно согласиться с Н.А. Кирилловой в том, что фиксирование действий и решений участников процесса в протоколе судебного заседания предопределено принципом устности судебного разбирательства. Устность как одно из общих условий судебного разбирательства распространяется в соответствии со ст. 240 УПК РФ на порядок исследования доказательств. В то же время, например, стороны имеют право по окончании прений, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду в письменном виде предлагаемые ими формулировки решений по вопросам, указанным в п.п. 1—6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ (ч. 7 ст. 292 УПК РФ). Думается, что письменное изложение государственным обвинителем своего мнения по указанным вопросам хотя и не имеет обязательной для суда силы, также отражает правовую позицию стороны обвинения по вопросу о виновности подсудимого в совершении преступления, и поэтому по своей правовой природе является схожим с отказом государственного обвинителя от обвинения. К тому же решение суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) само по себе следует рассматривать как правовое последствие отказа государственного обвинителя от обвинения. В этой связи представляется парадоксальным, почему столь важное правовое последствие, как прекращение уголовного дела (уголовного преследования), основывается на устном заявлении государственного обвинителя.

Среди правоприменителей также нет единого мнения по данному вопросу. Так, по результатам проведенного в рамках настоящего исследования анкетирования 43% опрошенных государственных обвинителей и судей высказались против введения письменной формы отказа государственного обвинителя от обвинения по причине того, что содер-

¹ Там же. С. 94.

жание и мотивы отказа должны фиксироваться в протоколе судебного заседания. В то же время 57% считают необходимым предусмотреть обязательную письменную форму отказа от обвинения, так как такой отказ является самостоятельным процессуальным решением должностного лица органа прокуратуры (16%), а, кроме того, письменная форма позволит более точно изложить мотивы отказа и представить его вышестоящему прокурору для согласования (41%).

Как справедливо полагает А.В. Землянухин, «существующий ныне порядок фиксирования мотивов и оснований отказа прокурора от обвинения в протоколе судебного заседания нельзя признать удачным»¹. Такого же мнения придерживается А.А. Казанцев, отмечающий, что «существующий порядок фиксирования мотивов отказа от обвинения в протоколе судебного заседания устарел... Отказ от обвинения и его мотивация не могут быть просто фразами в судебном заседании, смысл которых к тому же может быть искажен в протоколе. Соблюдение письменной формы должно быть обязательным»².

Объясняя суду мотивы и основания отказа от обвинения, государственные обвинители нередко ограничиваются фразами «обвинение не доказано», «не нашло своего подтверждения», «статью УК РФ необходимо исключить из обвинения, как вмененную излишне», «лицо подлежит оправданию» и т.п. Как результат, такие неясные, расплывчатые мотивировки, объявленные государственным обвинителем устно и не в полной мере отраженные секретарем судебного заседания в протоколе, являются грубым нарушением принципа законности, а именно требования о том, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4 ст. 7 УПК РФ).

В этой связи следует признать оправданным подход законодателя Республики Узбекистан, который в ч. 5 ст. 405 УПК Республики Узбекистан предусмотрел требование о том, что «мнение прокурора об

¹ Землянухин А.В. Указ. соч. С. 81.

² Казанцев А.А. Указ. статья. С. 43.

изменении формулировки обвинения или мотивы отказа от обвинения должно представляться суду письменно».

Российскому законодателю также предлагалось закрепить в УПК РФ требование об изложении государственным обвинителем мотивов своего отказа от обвинения в письменной форме. Так, 31 марта 2003 г. Волгоградской областной Думой в Государственную Думу РФ был внесен законопроект № 312963-3¹, в котором предлагалось в ч. 7 ст. 246 УПК РФ слова «излагает суду мотивы отказа» заменить словами «письменно излагает суду основания и мотивы отказа». Однако 7 декабря 2004 г. данный проект был отклонен и возвращен авторам в связи с отсутствием на него заключения Правительства РФ.

Только в приказе Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» появилось требование о представлении государственным обвинителем суду мотивов отказа от обвинения в письменной форме (п. 3.5). Полностью одобряя указанное предписание Генерального прокурора, подменившего собой в данном случае законодателя, хотелось бы, между тем, отметить, что в действующей формулировке ч. 7 ст. 246 УПК РФ указание на то, что мотивы государственного обвинителя должны излагаться именно суду, представляется в свете положений Постановления Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 7-П некорректным.

Согласно п. 7 данного Постановления вынесение судом решения, обусловленного отказом государственного обвинителя от обвинения, допустимо лишь после заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Соответственно, для выражения своих мнений участникам судебного заседания следует знать мотивы отказа государственного обвинителя от обвинения в том же объеме, что и суду. Поэтому мотивировку своего решения государственный обвинитель должен излагать не только суду, но и иным участникам су-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона № 312963-3 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

дебного заседания. На основании этого следует из предложения первого ч. 7 ст. 246 УПК РФ исключить указание на то, что государственный обвинитель, отказываясь от обвинения, излагает мотивы такого отказа именно суду.

Кроме того, нельзя согласиться с мнением о том, что решение государственного обвинителя об отказе от обвинения должно приниматься в форме постановления¹. В соответствии с п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление — это решение прокурора, следователя, дознавателя, вынесенное при производстве предварительного расследования. Соответственно, в судебном разбирательстве прокурор не уполномочен выносить постановления по уголовному делу. Это объясняется тем, что прокурор в суде не является субъектом, осуществляющим производство по уголовному делу, а процессуальные решения, принимаемые им в судебном производстве по уголовному делу, являются решениями стороны обвинения и потому не могут иметь такой же процессуальный статус, что и решения, принимаемые судом.

Исходя из вышеизложенного, в целях совершенствования процессуальной формы отказа государственного обвинителя от обвинения необходимо в предложении первом ч. 7 ст. 246 УПК РФ слова «отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа» заменить словами «письменно отказывается от обвинения с изложением мотивов отказа». На основе данных изменений предлагается бланк решения государственного обвинителя об отказе от обвинения, в котором предусматривается, по какому уголовному делу, в отношении какого обвиняемого (подсудимого) государственный обвинитель отказывается от обвинения и в какой части, а также предусматривается графа для изложения мотивов и основания такого отказа².

Таким образом, с учетом всех изложенных в настоящей главе изменений, предложение первое ч. 7 ст. 246 УПК РФ должно иметь следующую редакцию: «Если в ходе судебного разбирательства государственный

¹ Барabanов П.К. Указ. статья. С. 11; Землянухин А.В. Указ. соч. С. 84.

² Бланк решения государственного обвинителя об отказе от обвинения см. в прил. 3 к настоящей работе.

обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают наличие события преступления, наличие в действиях подсудимого состава преступления либо причастность подсудимого к совершению преступления, то он письменно отказывается от обвинения с изложением мотивов отказа».

* * *

Выводы:

1. Законодатель нормативно не стал ограничивать государственного обвинителя в возможности отказаться от обвинения на каком бы то ни было этапе производства в суде первой инстанции. Отказ прокурора от обвинения на стадии предварительного слушания возможен, но только при наличии такого убеждения прокурора в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, которое к моменту проведения данной стадии судебного производства по уголовному делу является окончательным и не может быть опровергнуто в результате исследования имеющихся по делу доказательств в ходе судебного разбирательства.

2. Согласование государственным обвинителем своего решения об отказе от обвинения имеет на ведомственном уровне обязательный характер. Согласие вышестоящего прокурора при этом презюмируется до тех пор, пока им не будет выражено свое принципиальное несогласие, то есть такое несогласие, которое основано на его внутреннем убеждении, противоположном внутреннему убеждению государственного обвинителя.

3. Разделяя точку зрения, что отказ государственного обвинителя от обвинения должен заявляться в письменном виде, обосновывается внесение соответствующих изменений в ч. 7 ст. 246 УПК РФ и предлагается бланк решения государственного обвинителя об отказе от обвинения, в котором предусматривается, по какому уголовному делу, в отношении какого обвиняемого (подсудимого) государственный обвинитель отказывается от обвинения и в какой части, а также предусматривается графа для изложения мотивов и оснований такого отказа.

§3. Правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения

Заявление государственным обвинителем полного или частичного отказа от обвинения является процессуальным решением, которое предопределяет в связи с его принятием возникновение в судебном разбирательстве определенных процессуальных действий и решений суда и иных участников уголовного судопроизводства, направленных на прекращение уголовного дела или уголовного преследования в соответствующей части.

Согласно ч. 7 ст. 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Между тем приведенная норма уголовно-процессуального закона закрепляет не все правовые последствия, возникающие в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Обязательность отдельных правовых последствий разъяснена Конституционным Судом РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 г № 7-П.

К правовым последствиям отказа государственного обвинителя от обвинения относятся:

- 1) исследование значимых материалов дела;
- 2) заслушивание судом мнений участников судебного заседания;
- 3) оценка судом мотивированности отказа;
- 4) вынесение судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

Кроме того, некоторые авторы к правовым последствиям отказа от обвинения относят обжалование решения суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)¹, а также полную или частичную реабилитацию подсудимого². Несомненно, исходя из того, что

¹ Багаутдинов Ф. Указ. статья. С. 41; Землянухин А.В. Указ. соч. С. 143; Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 110.

² Землянухин А.В. Указ. соч. С. 144; Татьянин Д.В. Указ. соч. С. 11.

решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) принимается судом вследствие отказа государственного обвинителя от обвинения, обжалование решения суда и реабилитация подсудимого находятся в причинной связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, однако эта причинная связь имеет опосредованный характер. Предметом обжалования в таком случае является законность и обоснованность именно решения суда, а не государственного обвинителя. Реабилитация же выступает как общеправовое последствие признания осуществлявшегося в отношении лица уголовного преследования незаконным или необоснованным и также является результатом прекращения уголовного дела (уголовного преследования) судом. Таким образом, обжалование и реабилитация являются последствиями не самого отказа от обвинения как процессуального решения государственного обвинителя, а последствиями прекращения уголовного дела (уголовного преследования) судом, а потому выходят за рамки настоящей работы.

Исследование значимых материалов дела является в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 7-П обязательным для принятия судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения.

Следует обратить внимание на то, что в описательно-мотивировочной части данного Постановления исследование материалов дела рассматривается Конституционным Судом РФ как условие заявления самого отказа от обвинения. Так, согласно п. 7 Постановления «как сами по себе отказ государственного обвинителя от обвинения либо изменение им обвинения в сторону смягчения, так и принятие судом соответствующего решения могут иметь место лишь по завершении исследования значимых для такого рода решений материалов дела». В резолютивной части Постановления Конституционным Судом РФ указано, что такое исследование должно проводиться после заявления государственным обвинителем отказа от обвинения: «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий

прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела».

Данное различие в формулировках можно объяснить тем, что, как отмечает в Постановлении сам Конституционный Суд РФ, «использование предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований отказа от обвинения или изменения обвинения в сторону смягчения, как правило, предполагает необходимость предшествующего анализа всех собранных по делу доказательств и их правовой оценки». Однако, не исключая, что в некоторых случаях необходимость такого исследования для установления достаточного основания отказа от обвинения, как уже отмечалось, существует не всегда, Конституционный Суд РФ в резолютивной части своего решения не стал ограничивать право прокурора отказаться от уголовного преследования, при наличии соответствующих оснований, в любой стадии судебного производства по уголовному делу.

Представляет интерес, что Конституционный Суд РФ в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения предписывает исследовать значимые для этого не доказательства, а материалы уголовного дела. Как представляется, использование более широкого понятия, включающего в свое содержание в том числе и исследование доказательств, обусловлено тем, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения влечет упразднение в соответствующей части вопроса о виновности подсудимого. В этой связи показания подозреваемого (обвиняемого), показания потерпевшего и свидетелей, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы следует рассматривать не как сведения, на основе которых суд устанавливает виновность подсудимого в совершении преступления, а как сведения,

необходимые, во-первых, для информирования потерпевшего и иных участников судебного заседания о действительном наличии мотивов и оснований для такого отказа и, во-вторых, для мотивировки судом своего решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). С другой стороны, при отказе государственного обвинителя от обвинения может потребоваться исследование не столько сущности сведений, содержащихся в материалах уголовного дела, сколько их процессуальной формы, наличия как такового. В таком случае, также более корректно утверждать об исследовании материалов уголовного дела, а не доказательств.

Указание Конституционного Суда РФ на исследование при отказе государственного обвинителя от обвинения значимых материалов уголовного дела означает исследование лишь таких материалов, которые имеют значение либо для потерпевшего или иных участников судебного заседания, либо для суда. Очевидно, что такое исследование не может иметь какого-либо значения после оглашения своего решения об отказе от обвинения для самого государственного обвинителя. Отказ от обвинения государственный обвинитель заявляет, как уже неоднократно отмечалось, в результате своего внутреннего убеждения, основанного на предварительном анализе материалов уголовного дела. Убеждение государственного обвинителя в полном или частичном отсутствии обвинения имеет к моменту заявления отказа от него окончательный и необратимый характер. Поэтому предполагается, что исследование материалов уголовного дела после отказа государственного обвинителя от обвинения не может привести к ослаблению его убеждения в правильности занятой правовой позиции.

Таким образом, в случае, если по результатам исследования материалов уголовного дела государственный обвинитель изменит свою правовую позицию относительно той части обвинения, от которой он отказался, аннулирование отказа от обвинения недопустимо. Аннулирование отказа от обвинения являлось бы процессуальным решением, изменяющим обвинение в сторону ухудшения положения подсудимого, что противоречило бы общим условиям определения

пределов судебного разбирательства¹. Это еще раз подтверждает целесообразность рекомендации государственным обвинителям заявлять отказ от обвинения только после судебного следствия и согласования своей правовой позиции по данному вопросу с вышестоящим прокурором.

Для потерпевшего исследование материалов дела имеет значение как процедура, в рамках которой потерпевший может убедиться в обоснованности заявленного государственным обвинителем отказа от обвинения. Убеждение о необходимости отказа от обвинения, которое уже сформировано у государственного обвинителя и выражено им в изложении мотивов своего решения, не всегда адекватно, с однозначностью может быть воспринято потерпевшим, который оценивает данное решение в большей степени не как правовую необходимость, а как результат недостаточно качественной процессуальной деятельности органов уголовного преследования. Поэтому исследование значимых материалов уголовного дела выступает для потерпевшего познавательным процессом, в результате которого у него должно сформироваться убеждение в том, что допущенные в ходе досудебного производства по уголовному делу ошибки неустранимы, а отсутствие доказательств виновности подсудимого в совершении преступления невосполнимо в судебном разбирательстве. В противном случае, если у потерпевшего не будет сформировано убеждение в обоснованности заявленного государственным обвинителем отказа от обвинения, исследование значимых материалов дела позволяет ему выяснить обстоятельства, имеющие значение для последующего обжалования решения суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

¹ Данной позиции придерживаются большинство исследователей (См.: Кальницкий В.В. Высказанная обвинителем позиция предопределяет пределы судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 34—35; Кузнецова О.Д. Тактика ведения защиты и поддержания государственного обвинения... С. 45—46.; Кириллова А.Н. Указ. соч. С. 126—127.).

Между тем 39% опрошенных судей и государственных обвинителей полагают, что до удаления суда в совещательную комнату возможен полный или частичный возврат к обвинению, от которого государственный обвинитель отказался.

Для иных участников судебного заседания исследование материалов дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения может иметь значение в соответствии с осуществляемой ими уголовно-процессуальной функцией, в целях обеспечения их процессуальных интересов в уголовном судопроизводстве. Для подсудимого и его защитника исследование материалов уголовного дела при частичном отказе государственного обвинителя от обвинения позволяет скорректировать их правовую позицию по уголовному делу, в случае необходимости изменить тактику защиты. Для представителя исследование материалов уголовного дела имеет такое же значение, как и для самого потерпевшего. Особое значение исследование материалов уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения имеет для гражданского истца, который в соответствии с ч. 10 ст. 246 УПК РФ имеет право, несмотря на прекращение судом уголовного дела, предъявить гражданский иск в порядке гражданского судопроизводства. Соответственно, для гражданского истца наибольший интерес представляют те материалы дела, в частности, доказательства, которых хотя и недостаточно для обоснования виновности подсудимого в совершении преступления, однако которые могут подтверждать факт причинения имущественного или морального вреда в результате незаконных действий подсудимого. Для иных участников уголовного судопроизводства, не осуществляющих какую-либо функцию (свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой), исследование материалов уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, как представляется, правового значения не имеет.

Для суда исследование материалов дела является основой для оценки мотивов и основания отказа государственного обвинителя от обвинения. При частичном отказе от обвинения суд должен, как представляется, в первую очередь подвергнуть исследованию те материалы дела, в том числе имеющиеся в деле доказательства, которые необходимы для достоверного установления наличия основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования). Только после этого суд приступает к исследованию доказательств, относящихся к оставшейся части

обвинения; при этом не исключено, что некоторые материалы дела и доказательства были уже исследованы судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Как представляется, повторное исследование таких материалов дела и доказательств возможно в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, и иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые не были установлены в ходе первоначального исследования.

Заслушивание судом мнений участников судебного заседания также рассматривается Конституционным Судом РФ как обязательная процедура, предшествующая вынесению решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. И если для участников судебного заседания со стороны обвинения (в частности, для потерпевшего, его представителя, гражданского истца) данная процедура позволяет выразить свое несогласие с правовой позицией государственного обвинителя, то для участников со стороны защиты необходимость высказывания своего мнения не является очевидной.

Следует отметить, что в США отказ обвинителя от обвинения во время рассмотрения дела по существу не может быть заявлен без согласия обвиняемого¹. В отечественной уголовно-процессуальной литературе также предлагается предусмотреть получение обязательного согласия подсудимого на прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения². Более того, некоторые судьи в своих решениях о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) отдельно оговаривают, что подсудимый и защитник согласны с позицией государственного обвинителя либо такого возражения не заявили³. С другой стороны, по мнению

¹ *Пешков М.* Государственный обвинитель в уголовном процессе США // Законность. 1998. № 1. С. 55.

² *Самович Ю.В.* К вопросу об ограничении права индивида на судебную защиту: Практика Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2006. № 1. С. 104; *Тетерина Т.* Указ. статья. С. 38.

³ См., напр.: Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-2-04; Архив Ангарского городского суд Иркутской области, 2006. Уголовное дело № 1-47-06.

С.Ю. Пашкова, в случае отказа государственного обвинителя от обвинения по реабилитирующим основаниям «нет оснований заслушивать мнения участников со стороны защиты. Такой порядок не нарушает конституционные и процессуальные права подсудимого, а прекращение уголовного преследования по указанной причине является основанием для его реабилитации»¹. Для оценки целесообразности заслушивания судом мнения стороны защиты при отказе государственного обвинителя от обвинения, думается, необходимо иметь в виду следующее.

В случае отказа государственного обвинителя от обвинения, как справедливо отмечал еще В.М. Савицкий, «линии поведения прокурора и защитника неизбежно сближаются, их доводы во многом совпадают, а конечные выводы («просительные пункты») оказываются одинаковыми»². Это связано с тем, что полное или частичное прекращение реализации функции обвинения, исходя из принципа состязательности сторон, влечет прекращение в соответствующей части реализации функции защиты. А это значит, что высказываемое подсудимым и его защитником мнение по поводу процессуального решения государственного обвинителя об отказе от обвинения не может иметь защитного характера.

Как представляется, высказывание мнения стороной защиты в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, если оно не направлено против заявленного отказа³, должно касаться вопросов, связанных с правильностью определения основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования). В судебной практике все еще вызывают трудности случаи разграничения таких реабилитирующих

¹ Пашков С.Ю. Указ. статья. С. 26.

² Савицкий В.М. Процессуальные последствия отказа... С. 71.

³ Возражения подсудимого против прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения гипотетически возможны в двух случаях: во-первых, при наличии у подсудимого желания, чтобы в отношении него был постановлен оправдательный приговор, либо, во-вторых, по причинам искреннего раскаяния подсудимого, полного признания своей вины в совершении преступления и желания понести заслуженное наказание. Однако такие возражения на практике представляются маловероятными.

оснований прекращения уголовного дела, как отсутствие события преступления и отсутствие в деянии состава преступления, что, в свою очередь, обусловлено сложностью их разграничения в науке уголовно-процессуального права¹. Правильное определение основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в такой ситуации следует рассматривать как процессуальный интерес стороны защиты, заключающийся в том, чтобы предупредить возможное обжалование впоследствии вынесенного судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с несоответствием основания его прекращения представленным государственным обвинителем мотивам отказа. Таким образом, мнение участников судебного заседания со стороны защиты, которое они излагают в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, направлено на обеспечение своих процессуальных интересов, заключающихся в правильном определении основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), что одновременно способствует и обеспечению законности самого решения суда о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) как заключительного правового последствия такого отказа.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» суду надлежит рассмотреть указанные предложения в судебном заседании с участием сторон обвинения и защиты на основании исследования материалов дела, касающихся позиции государственного обвинителя, и итоги обсуждения отразить в протоколе судебного заседания (п. 29)».

Наиболее дискуссионным вопросом в уголовно-процессуальной литературе в контексте исследуемой темы является вопрос о гарантиях прав потерпевшего и правовом значении его мнения при отказе государственного обвинителя от обвинения. Несмотря на отсутствие

¹ См.: Лифанова Л.Г. Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления: Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Акад. управления МВД России, 2005. С. 3–4; Лукашевич В.З. Прекращение уголовного дела... С. 50; Землянухин А.В. Указ. соч. С. 120–127.

в уголовно-процессуальном законе требования о получении согласия потерпевшего на отказ государственного обвинителя от обвинения, судебная практика идет по пути выяснения такого согласия и его отражения в постановлениях о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)¹.

В этой связи значительное число авторов выступают за то, чтобы отказ государственного обвинителя от обвинения осуществлялся при наличии обязательного согласия потерпевшего². Право потерпевшего возразить против отказа от обвинения и продолжить его поддержание обозначается в теории уголовного судопроизводства как право на субсидиарное обвинение³. Некоторые процессуалисты при этом полагают, что правом на субсидиарное обвинение потерпевший должен обладать в ходе всего досудебного и судебного производства по уголовному делу⁴.

¹ См., напр.: Архив Братского районного суда Иркутской области, 2004. Уголовное дело № 1-72-2004.

² *Андреев В.А.* Процессуальные аспекты отказа от обвинения и изменения обвинения государственным обвинителем // *Российский судья*. 2008. № 2. С. 28; *Говарков Н.* Дважды потерпевший // *Законность*. 2004. № 9. С. 39; *Демидов В.* Обеспечить положение потерпевшего реальными правами // *Российская юстиция*. 2003. № 11. С. 21; *Дупак Н.Ю.* Проблемы реализации государственного обвинения в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09, Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2005. С. 13; *Иванов В.В.* Обеспечение прав потерпевшего при отказе прокурора от уголовного преследования по делам публичного обвинения // *Проблемы обеспечения прав участников процесса по новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., г. Самара, 18—19 декабря 2002 г. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2003. С. 230—231; Колузакова Е.В.* Участие потерпевшего, его представителя в уголовном преследовании по делам публичного обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2008. С. 27—28; *Крюков В.Ф.* Уголовное преследование как одно из проявлений уголовно-процессуальной функции обвинения // *Российская юстиция*. 2007. № 4. С. 54; *Лукожев Х.М.* Отказ государственного обвинителя от обвинения в суде по УПК Российской Федерации // *Российский судья*. 2005. № 8. С. 11—12; *Барабанов П.К.* Указ. статья. С. 10; *Бояров С.* Указ. статья. С. 59; *Бухица Н.Ю.* Указ. соч. С. 148—149; *Голосова С.А.* Указ. статья. С. 49; *Колпашникова В.М.* Указ. соч. С. 102—103; *Петрова Н.Е.* Указ. соч. С. 153; *Татьянин Д.В.* Указ. соч. С. 97; *Тетерина Т.* Указ. статья. С. 38; *Ягофаров Ф.М.* Указ. соч. С. 106; *Яковлев Н.М.* Указ. статья. С. 78—79.

³ От лат. *subsidiarius* — дополнительный, вспомогательный.

⁴ *Волосова Н.* Об институте сообвинения // *Российская юстиция*. 1998. № 4. С. 11; *Петрова Н.Е.* Указ. соч. С. 67; *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. И.Л. Петрухин. 2-е изд., перераб и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. С. 110.*

Другие под субсидиарным обвинением понимают возможность продолжения поддержания обвинения потерпевшим только в случае отказа от него государственного обвинителя¹. Так, А.С. Александров, рассматривая право потерпевшего на субсидиарное обвинение как субсидиарный уголовный иск, предлагает следующее его определение — это «требование потерпевшего о защите своих субъективных прав и законных интересов, нарушенных преступлением, сопряженное с требованием о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего это преступление, предъявляемым в суд, в случае отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения по уголовному делу частного-публичного или публичного характера»².

А.В. Смирнов справедливо отмечает, что предоставление потерпевшему права на субсидиарное обвинение является мировой тенденцией: «за потерпевшим в современных процессуальных системах все чаще закрепляется право на участие в осуществлении функции обвинения дополнительно с государственным обвинителем или субсидиарно, в случае, если тот отказывается от обвинения (реальный аналог — *voie d'intervention* по УПК Франции)»³. Данная тенденция отражается и в нормах международного права. В частности, ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴ гарантирует каждому право судебного определения его гражданских прав и обязанностей, а ст. 13 Конвенции закрепляет требование предоставления любому человеку эффективных средств правовой защиты перед государственными органами, даже если нарушение его прав и свобод было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве. Кроме того, как отмечается в Рекомендации Комитета Министров о положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса от 28 июня 1985 г.

¹ *Александров А.С.* Субсидиарный уголовный иск // *Государство и право*. 2000. № 3. С. 76.

² Там же. С. 76.

³ *Смирнов А.В.* Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состоятельность // *Журнал российского права*. 2001. № 12. С. 146.

⁴ О защите прав человека и основных свобод: Конвенция от 4 ноября 1950 г. ETS № 005. Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 20. Ст. 2143.

№ R(85)11¹, основной функцией уголовного правосудия должно быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего. Согласно этому документу потерпевший должен иметь право просить о пересмотре компетентным органом решения о непреследовании или право возбуждать частное разбирательство (п. 7).

В этой связи следует отметить, что Проект УПК РФ, принятый в первом чтении 6 июня 1997 г., предусматривал положение, согласно которому «в случае отказа прокурора от обвинения, если от обвинения отказался также и потерпевший, суд своим определением (постановлением) прекращает дело. Если же потерпевший настаивает на обвинении, суд продолжает разбирательство и разрешает дело в общем порядке. Прокурор в этом случае освобождается от дальнейшего участия в процессе, а обвинение поддерживает потерпевший, лично или через представителя. По ходатайству потерпевшего ему должно быть предоставлено судом время для приглашения представителя» (ч. 7 ст. 287 Проекта).

Между тем указанная норма не вошла в текст действующего уголовно-процессуального закона. Более того, в науке уголовно-процессуального права существуют противники предоставления потерпевшему права на субсидиарное обвинение². Так, по мнению С.Р. Зеленина, в российском уголовном судопроизводстве «ни исторических, ни законодательных предпосылок наделения потерпевшего правом поддержания обвинения вместо прокурора нет»³. И.Л. Петрухин утверждает, что потерпевший «не может поддерживать государственное обвинение, которого уже

¹ О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R(85)11 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 114—116.

² Зеленин С.Р. Значение мнения потерпевшего... С. 99; Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 148; Колоколов Н.А. Обвинение и защита в российском уголовном процессе: Баланс интересов — иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 6; Пашков С.Ю. Указ. статья. С. 28; Петраков С.В. Указ. статья. С. 13; Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 21; Холоденко В. Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 50.

³ Зеленин С.Р. Значение мнения потерпевшего... С. 99.

нет после отказа от него государственного обвинителя»¹. Как отмечает С.В. Петраков, потерпевший «воспринимал внешнее проявление противоправных действий лица, которые могут и не быть преступными (отсутствует субъект, субъективная сторона), чего он может не знать в силу отсутствия у него необходимых знаний. Кроме того, он не обладает знаниями о процессе уголовного преследования, оценке доказательств, тактике допроса, что может привести к затягиванию судебных заседаний, путем нарушения процедуры со стороны потерпевшего»². Н.А. Колоколов, в свою очередь, считает утверждение о том, что в случае отказа государственного обвинителя от обвинения нарушаются права потерпевшего, популистским лозунгом, так как, по его мнению, «защита прав потерпевшего — это не обязательно осуждение какого-то конкретного виновного»³. Наконец, по мнению Н.А. Кирилловой и С.Ю. Пашкова, в случае несогласия с отказом государственного обвинителя от поддержания обвинения право потерпевшего на доступ к правосудию реализуется путем обжалования соответствующего решения суда первой инстанции в вышестоящий суд⁴.

Нельзя также не отметить то, что Конституционный Суд РФ, выражая свою правовую позицию по вопросу учета мнения потерпевшего при осуществлении публичного уголовного преследования, в своем Постановлении от 27 июня 2005 г. № 7-П⁵ указывает: «Специфика уголовно-правовых отношений как особой разновидности публично-правовых отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, обуславливает особенности механизма осуществления судопроизводства

¹ Петрухин И.Л. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 21.

² Петраков С.В. Указ. статья. С. 13.

³ Колоколов Н.А. Указ. статья. С. 6.

⁴ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 148; Пашков С.Ю. Указ. статья. С. 28.

⁵ По делу о проверке конституционности положений части второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, части первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского суда города Мурманска: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.

по уголовным делам, в рамках которого уголовное преследование лица, предполагаемо виновного в совершении такого деяния, его привлечение к уголовной ответственности и возложение на него мер уголовно-правового воздействия принимает на себя государство в лице специально уполномоченных органов, потерпевший же при этом выступает лишь в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения. Причем, исходя из общих правил, установленных статьями 15 (часть 2), 45 (часть 1), 72 (пункт «б» части 1) Конституции Российской Федерации, частью первой статьи 20, статьями 21, 144, 145 УПК Российской Федерации, решение вопросов о возбуждении уголовного дела и его дальнейшем движении, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, не зависит от волеизъявления потерпевшего — оно предопределяется исключительно общественными интересами, конкретизируемыми на основе требований закона и фактических обстоятельств дела» (п. 3).

Следует отметить, что многие опрошенные в рамках настоящего исследования государственные обвинители и судьи (61%) высказались за то, чтобы предусмотреть в УПК РФ получение государственным обвинителем обязательного согласия потерпевшего как необходимого условия прекращения уголовного дела судом. Значительная часть из них (48%) также полагает необходимым наделить потерпевшего правом на субсидиарное обвинение.

Учитывая все вышеизложенное, представляется оправданным присоединиться к позиции тех авторов и правоприменителей, которые выступают за необходимость наделения потерпевшего правом на субсидиарное обвинение. Как представляется, ограничение потерпевшего в таком праве не только противоречит указанным ранее нормам международного права, но и в целом не способствует реализации таких приоритетных международных направлений развития уголовной политики, как ускорение и упрощение уголовного правосудия¹. По этому поводу П.К. Ба-

¹ См.: Относительно упрощения уголовного правосудия: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. № 6 R (87) 18 // Сборник документов СЕ в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК. 1998. С. 116–122.

рабанов справедливо отмечает, что в случае обжалования потерпевшим отказа государственного обвинителя от обвинения и отмены судебного решения о прекращении уголовного дела «суд первой инстанции будет вынужден вновь в полном объеме проводить судебное разбирательство, что может поставить под угрозу возможность рассмотрения дела в разумные сроки»¹. В целях ускорения и упрощения уголовного судопроизводства целесообразно предоставить потерпевшему право конструктивно возражать против прекращения обвинительной функции в рамках рассмотрения уголовного дела по существу, а не только на проверочных стадиях процесса. В этой связи необходимо предложить сбалансированный механизм учета мнения потерпевшего как обязательного условия прекращения уголовного дела (уголовного преследования) судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения.

При разработке такого механизма, прежде всего, следует обратиться к зарубежному опыту. Правом на субсидиарное обвинение потерпевший наделен в уголовно-процессуальном законодательстве многих стран ближнего зарубежья со схожей с российской системой уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 28 УПК Республики Беларусь отказ прокурора от обвинения не лишает потерпевшего или представителя юридического лица права поддерживать обвинение. Суд в таком случае продолжает разбирательство и разрешает дело в общем порядке. Государственный обвинитель освобождается от дальнейшего участия в судебном разбирательстве, а обвинение поддерживает потерпевший лично или через своего представителя (ч. 8 ст. 293 УПК Республики Беларусь). Аналогичные нормы предусмотрены в уголовно-процессуальных законах Республики Казахстан (ч. 7 ст. 317 УПК Республики Казахстан), Кыргызской Республики (ч. 3 ст. 27 УПК Кыргызской Республики), Азербайджанской Республики (ч. 3 ст. 41, ч. 2 ст. 314 УПК Азербайджанской Республики).

В отечественной уголовно-процессуальной литературе выдвигаются следующие предложения, касающиеся регламентации осуществления

¹ Барабанов П.К. Указ. статья. С. 9.

субсидиарного обвинения потерпевшим в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения:

Н.Ю. Букша считает, что в УПК РФ необходимо предусмотреть не только право потерпевшего поддерживать subsidiарное обвинение как лично, так и через своего представителя, но и право привлекать для этого прокурора, ранее не участвовавшего в данном процессе»¹. С данным мнением сложно согласиться. Как уже отмечалось, решение государственного обвинителя является выражением позиции по уголовному делу всей обвинительной власти и государства в целом, чьи интересы представляет данное должностное лицо прокуратуры. Закрепление в уголовно-процессуальном законе такого права за потерпевшим означало бы, что потерпевший является участником уголовного судопроизводства, наделенным возможностью руководить уголовным преследованием, в частности, заменять одного государственного обвинителя в случае несогласия с его позицией по уголовному делу другим. Между тем руководителем уголовного преследования, в том числе в судебных стадиях производства по уголовному делу, является прокурор, и только он может принимать решения о замене государственного обвинителя.

Вместе с тем, следует поддержать точку зрения Н.Ю. Букша относительно обязательного участия в случае поддержания потерпевшим subsidiарного обвинения адвоката как лица, обладающего надлежащей юридической подготовкой для квалифицированного обеспечения обвинительной деятельности потерпевшего. Как справедливо в этой связи отмечает С.Р. Зеленин, «обвинение является не только организационной и аналитической, но и юридической деятельностью, предполагающей знание правовой процедуры, чего законодатель не может потребовать от потерпевшего»².

Представляется также оправданным мнение тех авторов, которые полагают, что участие адвоката в качестве представителя потерпевшего при поддержании subsidiарного обвинения должно осуществляться за

¹ Букша Н.Ю. Указ. соч. С. 149—150.

² Зеленин С.Р. Значение мнения потерпевшего... С. 98.

счет средств федерального бюджета¹. Это предложение поддержали все опрошенные автором государственные обвинители и судьи, высказавшиеся за необходимость надления потерпевшего правом на subsidiарное обвинение (48%). В таком случае участие представителя следует рассматривать как процессуальную гарантию потерпевшего, аналогичную гарантии обвиняемого на получение бесплатной помощи защитника (ч. 4 ст. 16 УПК РФ).

Исходя из того, что участие потерпевшего в судебном разбирательстве, как правило, не является обязательным (ч. 2 ст. 249 УПК РФ), особенно важным в целях обеспечения реализации потерпевшим своего права на subsidiарное обвинение является предложение П.К. Барабанова о необходимости вручения ему под расписку копии решения государственного обвинителя об отказе от обвинения². Принимая, однако, во внимание, что субъектом осуществления производства по уголовному делу в ходе судебного разбирательства является суд, и именно на суде лежит обязанность разъяснения участникам судебного заседания их прав и обязанностей (ч. 1 ст. 268 УПК РФ), представляется обоснованным, что извещение потерпевшего об отказе государственного обвинителя от обвинения должно осуществляться судом. В этой связи считаю необходимым предложить бланк такого извещения, в котором следует: излагать мотивы и основание отказа государственного обвинителя от обвинения; указывать, в какой части государственный обвинитель отказался от обвинения; разъяснить порядок заявления потерпевшим своего возражения против такого отказа, а также порядок приглашения представителя; наконец, разъяснить права потерпевшего по поддержанию обвинения в суде³.

Потерпевшему с момента его официального извещения об отказе государственного обвинителя от обвинения должен быть предоставлен

¹ Барабанов П.К. Указ. статья. С. 11; Волосова Н. Указ. статья. С. 11; Лукожев Х.М. Указ. статья. С. 12; Маслова Д.А. Указ. соч. С. 10; Щербаков Ю. Указ. статья. С. 31; Яковлев Н.М. Указ. соч. С. 75.

² Барабанов П.К. Указ. статья. С. 11.

³ Бланк Извещения потерпевшего об отказе государственного обвинителя от обвинения см. в прил. 4 к настоящей работе.

срок для оценки мотивов и основания отказа государственного обвинителя от обвинения и заявления соответствующих возражений против такого отказа. П.К. Барабанов по аналогии с ч. 4 ст. 231 УПК РФ продолжительность такого срока предлагает установить в 5 суток¹. Однако, учитывая, что ч. 4 ст. 231 УПК РФ предусматривает срок для извещения об обычной явке на судебное заседание, а потерпевшему в случае отказа государственного обвинителя от обвинения также потребуется дополнительное время для подготовки возражений против такого отказа, продолжительность указанного срока представляется оптимальной в 10 суток².

С учетом всего вышеизложенного, в целях создания сбалансированного механизма учета мнения потерпевшего как обязательного условия прекращения уголовного дела (уголовного преследования) судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения стоит внести следующие изменения и дополнения в УПК РФ:

1. Статью 22 дополнить частью 2 следующего содержания: «2. Отказ государственного обвинителя от обвинения не лишает потерпевшего права поддерживать обвинение».

2. Часть 2 статьи 42 дополнить пунктом 16¹ следующего содержания: «заявлять возражения против отказа государственного обвинителя от обвинения».

3. Часть 1 статьи 43 после слов «обвинение в суде» дополнить словами «, а также потерпевший по делам публичного и частно-публичного обвинения, самостоятельно поддерживающий обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения».

4. Предложение второй части 7 статьи 246 изложить в следующей редакции: «При отсутствии возражений потерпевшего против полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения суд прекращает уголовное дело или уголовное преследование полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным

¹ Барабанов П.К. Указ. статья. С. 11.

² Если также прибегнуть к аналогии, то в данном случае более уместной представляется аналогия со сроком обжалования судебных решений в апелляционном (кассационном) порядке (ч. 1 ст. 356 УПК РФ).

пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего кодекса».

5. Часть 7 статьи 246 дополнить предложением третьим следующего содержания: «При возражении потерпевшего против полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения государственный обвинитель освобождается от поддержания обвинения полностью или в соответствующей его части, а дальнейшее поддержание обвинения осуществляется потерпевшим с обязательным участием представителя».

6. Часть 2 статьи 249 дополнить предложением вторым следующего содержания: «Явка потерпевшего обязательна в судебное заседание, следующее за отказом государственного обвинителя от обвинения, о чем потерпевший извещается судом не менее чем за 10 суток».

7. Статью 249 дополнить частью 4 следующего содержания: «Участие представителя потерпевшего в судебном разбирательстве обязательно при поддержании обвинения потерпевшим в случае отказа государственного обвинителя от обвинения. Если представитель потерпевшего участвует в судебном разбирательстве по назначению суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета».

Оценка судом мотивированности отказа государственного обвинителя от обвинения обусловлена необходимостью мотивирования самим судом своего решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с таким отказом. Основным вопросом, который возникает в этой связи, является вопрос о том, вправе ли суд не принять отказ государственного обвинителя от обвинения по основанию его недостаточной мотивированности.

Судебная практика идет по пути отражения судами в постановлениях о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) своей оценки законности приведенных государственными обвинителями мотивов отказа от обвинения. Так, суды в постановлениях о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) указывают, что суд «соглашается с мнением государственного обвинителя о необходимос-

ти прекращения уголовного преследования»¹; суд находит отказ государственного обвинителя от обвинения «обоснованным»², «подлежащим удовлетворению»³; суд решает «принять отказ государственного обвинителя от обвинения»⁴; суд, оценив отказ государственного обвинителя от обвинения, «полностью с ним согласен»⁵.

Между тем, по мнению Ф. М. Ягофарова, «объяснение прокурором суду мотивов своего отказа не только нецелесообразно, но и, по нашему мнению, противоправно, поскольку в таком случае прокурор ставится в положение лица, «оправдывающегося» или «извиняющегося» перед судом за заявленный отказ от обвинения»⁶.

Однако право на немотивированный отказ от обвинения является элементом принципа целесообразности уголовного преследования, не действующего в российском уголовном судопроизводстве. Так, например, основываясь на принципе целесообразности уголовного преследования, прокурор в США имеет «право немотивированного отказа от обвинения, автоматически влекущего прекращение уголовного дела. Это — особенность правового статуса обвинителя, в основе которого лежит идея о полной власти «поверенного» государства распоряжаться судьбой «иска» по уголовному делу. На протяжении десятилетий американские суды подходили к этому праву как к исключительной прерогативе обвинительной власти, решение обвинителя прекратить дело считалось окончательным и не подлежащим контролю суда»⁷.

В уголовно-процессуальной литературе для выяснения судом законности мотивов отказа государственного обвинителя от обвинения предлагалось предоставить суду право направлять соответствующий запрос вышестоящему по отношению к государственному обвини-

телю прокурору¹. Данное предложение, однако, было воспринято как явное нарушение принципа состязательности². Как справедливо отмечает И. Демидов, «в таком запросе четко проглядывает мнение суда о том, что прокурор, отказавшись от обвинения, не исчерпал всех возможностей для продолжения уголовного преследования подсудимого»³.

Мотивировка любого решения прокурора, как уже отмечалось, является необходимым элементом его законности. Это, в свою очередь, означает, что отсутствие мотивировки отказа государственного обвинителя от обвинения влечет незаконность такого отказа. Следует согласиться с Н.А. Кирилловой, которая полагает, что «если государственным обвинителем заявляется немотивированный отказ от обвинения, суд первоначально должен предложить ему изложить мотивы отказа. Если мотивы не будут изложены, по нашему мнению, суд должен, удалившись в совещательную комнату для разрешения заявленного ходатайства, отказать в его удовлетворении, поскольку он лишен возможности вынести законное и обоснованное решение по делу, а также подобная позиция стороны обвинения ограничивает право сторон высказать свое мнение по его существу, в том числе, изложить в последующем мотивы своего несогласия с мнением прокурора и реализовать право на обжалование судебного решения»⁴.

Данная позиция находит свое подтверждение в судебной практике. Так, Президиум Верховного Суда РФ, отменяя приговор и определение суда в отношении Я. и Ш. по надзорному представлению прокурора Смоленской области, указал, что государственный обвинитель в нарушение требований ч. 7 ст. 246 УПК РФ не изложил суду мотивы отказа от обвинения, а суд, прекратив уголовное дело в этой части обвине-

¹ Архив Черемховского городского суда Иркутской области, 2007. Уголовное дело № 1-49/07.

² Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-35-2004.

³ Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-130-04.

⁴ Архив Ангарского городского суда Иркутской области, 2006. Уголовное дело № 1-47-06.

⁵ Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-79-04.

⁶ Ягофаров Ф.М. Указ. соч. С. 52.

⁷ Пешков М. Указ. статья. С. 55.

¹ Амирбеков К. Указ. статья. С. 32; Крюков В.Ф. Отказ прокурора от государственного обвинения... С. 11.

² Демидов И. Указ. статья. С. 26; Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 79; Колпашникова В.М. Указ. соч. С. 94—95.

³ Демидов И. Указ. статья. С. 26.

⁴ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 86.

ния, не мотивировал свой вывод о необходимости прекращения дела, не привел в приговоре доказательства в подтверждение своего вывода и не дал надлежащей оценки собранным по делу доказательствам в их совокупности. Указанные нарушения Президиум признал существенными (фундаментальными) нарушениями уголовно-процессуального закона, повлиявшими на исход дела¹. По такому же основанию Иркутский областной суд отменил постановление о прекращении уголовного дела Братского районного суда, указав, что суд прекратил уголовное дело, не мотивировав принятие отказа, чем нарушил требования ст. 7 УПК РФ².

Однако если отказ от обвинения мотивирован государственным обвинителем, но суд не согласен с такой мотивировкой, это, по справедливому мнению Н. А. Кирилловой, не может являться основанием для его отклонения: «При несогласии с позицией государственного обвинителя, вынося постановление о прекращении уголовного дела, судья осознает ошибочность мнения обвинения, понимает, что в случае обжалования его постановление будет отменено вышестоящей инстанцией, но не имеет правовой возможности поступить иным образом»³. С данным мнением согласились 75% опрошенных в рамках настоящего исследования государственных обвинителей и судей. В то же время необходимо отметить, что 14% опрошенных высказались за право суда прекратить уголовное дело (уголовное преследование), но по тем мотивам и основанию, которые правильными полагает сам суд. Наконец, 11% указали, что суд уполномочен не принять отказ государственного обвинителя от обвинения, если сочтет мотивы такого отказа недостаточными и необоснованными.

Вышеизложенное еще раз подтверждает необходимость письменного изложения государственным обвинителем мотивов отказа от обвине-

¹ Надзорное определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2006 г. № 36-Д06-29 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Архив Иркутского областного суда, 2005. Уголовное дело № 22-1150-05.

³ Кириллова Н.А. Указ. соч. С. 119.

ния, что позволит осуществлять их надлежащую всестороннюю оценку судом.

Вынесение судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) является завершающим правовым последствием отказа государственного обвинителя от обвинения. Бланк соответствующего постановления суда до исключения главы 57 из УПК РФ¹ предусматривался приложением 20 к ст. 477 УПК РФ, а само постановление было озаглавлено как «постановление о прекращении уголовного дела, уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения».

В этой связи необходимо отметить, что в судебной практике нередки ошибки в наименовании постановлений (определений), выносимых судьями в связи с полным или частичным отказом государственного обвинителя от обвинения. Так, одни решения суда озаглавлены «постановление о прекращении уголовного преследования», другие — «постановление о прекращении уголовного дела в части», третьи — «постановление о прекращении уголовного дела (преследования)». Различные формулировки допускаются судами и в резолютивной части постановлений.

В качестве примера представляет интерес постановление Ангарского городского суда Иркутской области от 5 июля 2006 г. по уголовному делу № 1-47-06, озаглавленное «постановление о частичном прекращении уголовного дела и уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения»². Прекращение уголовного преследования само по себе является частичным прекращением уголовного дела, то есть прекращением производства по уголовному делу в отношении конкретного лица из нескольких подсудимых по одному уголовному делу либо в отношении части обвинения одного подсудимого (ч. 4 ст. 24 и ч. 4 ст. 27 УПК РФ). Поэтому указание в постановлении, выносимом

¹ Глава 57 исключена из УПК РФ Федеральным законом от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»».

² Архив Ангарского городского суд Иркутской области, 2006. Уголовное дело № 1-47-06.

судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, на частичное прекращение уголовного дела является излишним, дублирующим понятие «прекращение уголовного преследования».

Также следует отметить, что в большинстве решений о прекращении уголовного преследования в описательной части суды указывают не на весь объем обвинения в отношении конкретного лица (либо нескольких лиц), являющийся предметом судебного разбирательства. В 80% изученных решений суд указывает в описательной части только тот объем обвинения, от которого отказался государственный обвинитель. Это не позволяет, основываясь исключительно на таком постановлении (определении), оценить, в какой именно части государственный обвинитель отказался от обвинения. Исключение главы 57 из УПК РФ делает невозможным внесение соответствующих нормативных изменений в бланк постановления о прекращении уголовного дела, уголовного преследования в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Однако, учитывая, что данные бланки по-прежнему используются в качестве образцов для оформления соответствующих процессуальных решений, оправданно предложить в качестве рекомендации в данном Постановлении в подстрочнике графы, предусматривающей указание составов преступлений, по которым обвиняется подсудимый, предусмотреть пояснительную надпись следующего содержания: «указываются все преступления, по которым обвиняется(ются) подсудимый(ые)».

Кроме того, в целях совершенствования рассматриваемого постановления, с учетом всех сделанных ранее предложений, необходимо внести в его форму следующие дополнения. Во вводную часть постановления включить графу, предусматривающую фиксацию обязательного участия в судебном заседании потерпевшего. В описательно-мотивировочной части постановления следует добавить графы, предусматривающие изложение мотивов и основания отказа государственного обвинителя от обвинения, а также указание на то, что судом были исследованы значимые для этого материалы уголовного дела и заслушаны мнения участников судебного заседания, в частности, указание на отсутствие

возражений против такого отказа со стороны потерпевшего. Наконец, резолютивную часть постановления необходимо дополнить самостоятельным пунктом, предусматривающим решение суда о признании в соответствии со ст. 134 УПК РФ за подсудимым, в отношении которого прекращается уголовное дело (уголовное преследование), права на реабилитацию¹.

* * *

Выводы:

1. К правовым последствиям отказа государственного обвинителя от обвинения относятся: 1) исследование значимых материалов дела; 2) заслушивание судом мнений участников судебного заседания; 3) оценка судом мотивированности отказа; 4) вынесение судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

2. Исследование значимых материалов уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения означает исследование лишь таких материалов, которые имеют значение либо для потерпевшего или иных участников судебного заседания, либо для суда.

3. Мнение участников судебного заседания со стороны защиты, которое они излагают в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, направлено на обеспечение своих процессуальных интересов, заключающихся в правильном определении основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

4. Поддерживая точку зрения подавляющего большинства процессуалистов о том, что мнение потерпевшего должно являться обязательным условием прекращения уголовного дела (уголовного преследования) судом в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, предлагается сбалансированный механизм учета такого мнения.

¹ Бланк постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения в предлагаемой редакции см. в прил. 5 к настоящей работе.

Заключение

Проведенное исследование возникновения, становления и развития правовых и научных положений об отказе государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве, современного состояния субинститута отказа от обвинения, а также правового регулирования порядка отказа государственного обвинителя от обвинения при производстве в суде первой инстанции позволяет сделать следующие выводы:

1. Считается, что полномочие обвинителя отказаться от обвинения при рассмотрении уголовного дела в суде впервые возникло в английском праве и выражалось юридической формулой «*nonle prosequi*» («отказываюсь от преследования»). Однако до 1879 г. в Англии не существовало самостоятельной службы государственных обвинителей, а правом *nonle prosequi* пользовался генерал-атторней, осуществлявший надзорные полномочия за уголовным преследованием.

2. Возникновение у государственного обвинителя права на отказ от обвинения в российском уголовном судопроизводстве связано с появлением государственного обвинения как такового, которое произошло в результате Судебной реформы 1864 г. В соответствии со ст. 740 УУС на этапе прений сторон прокурор имел право заявить суду о необходимости оправдания подсудимого, однако данное право прокурора было функционально ограниченным, так как не влекло незамедлительного прекращения уголовного дела.

3. Советский этап в развитии правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения начался с ликвидации государственного обвинения как процессуальной деятельности самостоятельного государственного органа. Для того чтобы следовать основным принципам уголовного судопроизводства, заложенным в УУС, был введен институт правозащитничества в форме общественного обвинения и общественной защиты, который, имея непрофессиональную основу, как представляется, обеспечивал квазисостязательность процесса.

4. Результатом развития правовых положений и научного учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в советский период явилось включение данного правового явления в теоретическую модель нового уголовно-процессуального закона, разработанную в 1990 г. ведущими процессуалистами под руководством В. М. Савицкого. В системе данной теоретической модели отказ государственного обвинителя от обвинения рассматривался как безусловное реабилитирующее основание прекращения уголовного дела в суде.

5. В проектах УПК, разработанных Государственно-правовым управлением Президента РФ и Министерством юстиции, подход к правовому регулированию отказа государственного обвинителя от обвинения был различным. В Проекте УПК ГПУ предусматривалось право потерпевшего на субсидиарное обвинение; только в случае отказа от обвинения как государственного обвинителя, так и потерпевшего производство по уголовному делу судом прекращалось. По Проекту УПК Минюста отказ прокурора от обвинения, во-первых, не учитывал мнения потерпевшего, и, во-вторых, не влек незамедлительного прекращения уголовного дела судом. В итоге, в основу Проекта УПК РФ, принятого 6 июня 1997 г. Государственной Думой РФ в I чтении, были положены положения Проекта УПК ГПУ.

6. Отказ государственного обвинителя от обвинения необходимо рассматривать в качестве субинститута такого института уголовно-процессуального права, как институт обвинения. Субинститут отказа государственного обвинителя от обвинения представляет совокупность уголовно-процессуальных норм, регламентирующих часть общественных отношений в рамках института обвинения, которые возникают между государственным обвинителем, судом и иными участниками судебного разбирательства в результате заявления государственным обвинителем отказа от обвинения.

7. Сущность отказа государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве заключается в полном или частичном прекращении реализации функции обвинения, что в условиях состязательного типа уголовного судопроизводства влечет полное или

частичное прекращение реализации функции защиты, а в целом — полное или частичное прекращение состязания сторон в уголовном судопроизводстве. Необходимым последствием утраты полностью или частично предмета судебного разбирательства, а также состязания как взаимообусловленной процессуальной деятельности стороны обвинения и стороны защиты является невозможность дальнейшего продолжения судом реализации функции разрешения уголовного дела по существу, что предопределяет принятие им итогового решения, закрепляющего результаты изменения пределов судебного разбирательства. Единственным решением суда в условиях состязательного типа уголовного судопроизводства в случае отказа государственного обвинителя от обвинения может быть решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

8. Полный отказ от обвинения означает абсолютное преобразование правовой позиции государственного обвинителя по уголовному делу в противоположную, от полного утверждения о совершении подсудимым конкретного преступления до полного отрицания такого совершения. Полный отказ от обвинения ликвидирует не только его объем, но и полностью устраняет его формулировку и юридическую квалификацию.

9. Под частичным отказом государственного обвинителя от обвинения следует понимать процессуальное решение о: 1) частичном прекращении уголовного преследования лица, являющегося единственным подсудимым по уголовному делу; 2) частичном или полном прекращении уголовного преследования лица, являющегося одним из нескольких подсудимых по уголовному делу.

10. Общими условиями отказа государственного обвинителя от обвинения являются структурные элементы его внутреннего содержания, а именно: 1) убеждение государственного обвинителя; 2) основания отказа от обвинения; 3) мотивы отказа от обвинения; 4) причины отказа от обвинения.

11. Под убеждением государственного обвинителя о необходимости отказа от обвинения предлагается понимать основанную на оценке имеющихся в уголовном деле доказательств уверенность в отсутствии материальных и процессуальных оснований для поддержания обвинения, а

также в невозможности возникновения таких оснований в результате дальнейшего разбирательства.

12. Мотивировка отказа государственного обвинителя от обвинения должна содержать ссылку на основание прекращения уголовного дела (уголовного преследования), а также аргументы, обосновывающие вывод о том, что представленных доказательств недостаточно для обоснования обвинения, либо краткий анализ доказательств, опровергающих обвинение полностью или в соответствующей части.

13. Законодатель нормативно не стал ограничивать государственного обвинителя в возможности отказаться от обвинения на каком бы то ни было этапе производства в суде первой инстанции. Отказ прокурора от обвинения на стадии предварительного слушания возможен, но только при наличии такого убеждения прокурора в том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, которое к моменту проведения данной стадии судебного производства по уголовному делу является окончательным и не может быть опровергнуто в результате исследования имеющихся по делу доказательств в ходе судебного разбирательства.

14. К правовым последствиям отказа государственного обвинителя от обвинения относится: 1) исследование значимых материалов дела; 2) заслушивание судом мнений участников судебного заседания; 3) оценка судом мотивированности отказа; 4) вынесение судом решения о прекращении уголовного дела (уголовного преследования).

15. Исследование значимых материалов уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения означает исследование лишь таких материалов, которые имеют значение либо для потерпевшего или иных участников судебного заседания, либо для суда.

16. Мнение участников судебного заседания со стороны защиты, которое они излагают в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения, направлено на обеспечение своих процессуальных интересов, заключающихся в правильном определении основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования).

Библиография

1. Нормативные акты

Международные документы и законодательство зарубежных стран

1. О защите прав человека и основных свобод: Конвенция от 4 ноября 1950 г. ETS № 005. Ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.
2. Относительно упрощения уголовного правосудия: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 17 сентября 1987 г. № 6 R (87) 18 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК. 1998. С. 116—122.
3. О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса: Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R(85)11 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 114—116.
4. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 года. М.: Изд-во Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 1996. 374 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-ПГ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 24 июня 1999 г. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 602 с.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. NЗР-248 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.base.spinform.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. № 206-1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://law.vl.ru>, свободный. — Загл. с экрана.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХП [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lawlib.freenet.uz>, свободный. — Загл. с экрана.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. М.: Юрист, 2004. 272 с.

Законодательство Российской Империи

13. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. / Отв. ред. Б. В. Виленский. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 120—251.
14. Учреждение судебных установлений 1864 г. // Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-во Гос. Канц., 1867. Ч. III. С. 13—252.

Законодательство РСФСР

15. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
16. О суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 18 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
17. Об организации и действии местных народных судов: Постановление НКЮ от 23 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1918. № 53. Ст. 597.
18. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. №№ 20—21. Ст. 230.

19. О прокурорском надзоре: Положение, утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.
20. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
21. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. Верховным Советом СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
22. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
23. О прокуратуре СССР: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843.
24. О концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
25. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Федеральный закон от 16 июля 1993 г. № 5451-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

Законодательство Российской Федерации и иные официальные документы

26. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.
27. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный Конституционный Закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. 1447.

28. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 22 ноября 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
29. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 05 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.
30. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. 22. Ст. 2027.
31. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
32. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Российская газета. 1992. № 39.
33. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
34. Проект Уголовно-процессуального кодекса РФ, принятый в первом чтении: Постановление Государственной Думы РФ от 6 июня 1997 г. № 1498-II ГД [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
35. По делу о проверке конституционности положений части второй и четвертой статьи 20, части шестой статьи 144, пункта 3 части первой статьи 145, части третьей статьи 318, частей первой и второй статьи 319 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Законодательного Собрания Республики Карелия и Октябрьского суда города Мурманска: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2005. № 28. Ст. 2904.
36. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39

- Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 № 18-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 51. С. 5026.
37. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.
 38. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.
 39. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 марта 2004 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.
 40. О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 7. С. 2—5.
 41. О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3. С. 2—8.
 42. По запросу Промышленного районного суда города Оренбурга о проверке конституционности части шестой статьи 162 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 № 352-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.
 43. По жалобе уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Е.Я. Янков-

- ского частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 30 сентября 2004 г. № 252-О // Собрание законодательства РФ. 2004. № 41. Ст. 4087.
44. По жалобе гражданина Алексеенко Евгения Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями частей пятой и седьмой статьи 236 УПК Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2004 г. N 223-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1.
 45. По ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации об официальном разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 1999 г. по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород: Определение Конституционного Суда РФ от 5 июля 2000 г. № 150-О // Собрание законодательства РФ. 2000. № 33. Ст. 3432.
 46. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора РФ от 20 ноября 2007 г. № 185 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
 47. Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора РФ от 17 августа 2006 г. № 61 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
 48. О поддержании государственного обвинения: Приказ Генерального прокурора РФ от 20 августа 2002 г. № 51 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
 49. Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Приказ Генерального прокурора РФ от 3 июня 2002 г. № 28 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

50. Об усилении прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: Приказ Генерального прокурора РФ от 13 ноября 2000 г. № 141 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
51. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект федерального закона № 312963-3 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
52. О повышении эффективности поддержания государственного обвинения: Приказ прокурора Иркутской области от 10 февраля 2005 г. № 103 // Прокуратура Иркутской области (официально не опубликовывался).
53. О мерах реагирования на факты реабилитации граждан судом: Указание прокурора Иркутской области от 17 мая 2005 г. №46-12 // Прокуратура Иркутской области (официально не опубликовывалось).
54. Об организации работы прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства и эффективном взаимодействии органов предварительного следствия и государственных обвинителей: Указания прокурора Иркутской области от 20 апреля 2004 г. № 31-12 // Прокуратура Иркутской области (официально не опубликовывались).
55. Письмо прокурора Иркутской области от 27 марта 2006 г. № 12-07-06 // Прокуратура Иркутской области (официально не опубликовывалось).

2. Литература

Монографии, учебники, комментарии УПК

56. *Алексеев Н.С.* Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1980. 252 с.
57. *Апарова Т.В.* Суды и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Триада Лтд., 1996. 157 с.

58. *Баев О.Я.* Прокурор как субъект уголовного преследования. М.: Юрлитинформ, 2006. 144 с.
59. *Балакиин В.С.* Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 2002. 112 с.
60. *Басков В.И.* Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 1986. 288 с.
61. *Басков В.И.* Прокурорский надзор при рассмотрении судами уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1980. 272 с.
62. *Бернам У.* Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. Вып. 3. 1216 с.
63. *Бессарабов В.Г.* Защита российской прокуратурой прав и свобод человека и гражданина / В.Г. Бессарабов, К.А. Кашаев. М.: Городец, 2007. 463 с.
64. *Божьев В.П.* Уголовно-процессуальные правоотношения. М.: Юрид. лит., 1975. 176 с.
65. *Буцковский Н.А.* Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года. СПб.: Тип. Скарятина, 1874. 632 с.
66. *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. М.: ГОРОДЕЦ, 1997. 448 с.
67. *Головки Л.В.* Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.
68. *Давыдов М.П.* Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе / М.П. Давыдов, Д.Я. Мирский. М.: Госюриздат, 1963. 100 с.
69. *Дженкс Э.* Английское право. Источники права. Судостроительство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. 378 с.
70. *Добровольская Т.Н.* Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. М.: Юрид. лит., 1977. 112 с.
71. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000. 270 с.

72. *Дубинский А.Я.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев: Изд-во Киев. высш. шк. МВД СССР, 1975. 132 с.
73. *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. М.: Изд-во М.В. Ключкина, 1910. 448 с.
74. *Жеребятьев И.В.* Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России. Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. ун-та, 2004. 220 с.
75. *Зинатуллин З.З.* Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. Учеб. пособие / З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин. Изд. 2-е, испр. и доп. Ижевск: Дстектив-информ, 1997. 114 с.
76. *Зеленецкий В.С.* Отказ прокурора от государственного обвинения. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1979. 116 с.
77. *Зеленецкий В.С.* Функциональная структура прокурорской деятельности. Харьков: Изд-во Харьк. юрид. ин-та, 1978. 79 с.
78. История государства и права средневековой Англии VI — XII вв.: Хрестоматия / Сост. А.А. Тесля. Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. ун-та путей сообщения, 2006. 161 с.
79. *Кириллов В.И.* Логика: Учебник для юрид. вузов / В.И. Кириллов, А.А. Старченко. М.: Юристъ, 1998. 256 с.
80. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. Н. Новгород: Нижегород. прав. акад., 2002. 332 с.
81. *Козубенко Ю.В.* Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 259 с.
82. *Кокорев Л.Д.* Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971. 160 с.
83. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе // Избранные произведения. М.: Госюриздат, 1956. С. 19—48.
84. *Кони А.Ф.* Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч.: в 8 т. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 121—200.
85. *Королев Г.Н.* Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе: Монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 360 с.

86. *Коротков А.П.* 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий / А.П. Коротков, А.В. Тимофеев. М.: Экзамен, 2004. 576 с.
87. *Кохановский В.П.* Философия для аспирантов. Изд. 2-е / В.П. Кохановский, Е.В. Золотухина, Т.Г. Лешкевич, Т.Б. Фатхи. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 448 с.
88. *Лукашевич В.З.* Гарантии прав обвиняемого в стадии предания суду. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1966. 147 с.
89. *Малько А.В.* Теория государства и права: Учебник. М.: Юристъ, 2000. 304 с.
90. *Мотовиловкер Я.О.* Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1976. 94 с.
91. *Мотовиловкер Я.О.* Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль: Изд-во Ярослав. гос. ун-т, 1974. 71 с.
92. *Муравьев Н.В.* Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России. М.: Универ. тип., 1889. 552 с.
93. *Мурашин Г.А.* Органы прокуратуры в механизме Советского государства. Киев: Наукова думка, 1972. 178 с.
94. Настольная книга прокурора / Под ред. С.И. Герасимова. М.: Экслит, 2002. 850 с.
95. *Новиков С.Г.* Прокурорская система в СССР. М.: Юрид. лит., 1977. 168 с.
96. Памятка государственному обвинителю. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прок-ры РФ, 2002. 33 с.
97. *Перлов И.Д.* Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1957. 203 с.
98. *Петрова Н.Е.* Частное и субсидиарное обвинение. Самара: Самар. гос. ун-т, 2004. 186 с.
99. *Петрухин И.Л.* Прокурорский надзор и судебная власть: Учеб. пособие. М.: Проспект, 2001. 88 с.
100. *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Изд-во Г.А. Лемана, 1913. 337 с.

101. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда РФ / Отв. ред. В.П. Верин. М.: Юрайт-издат, 2006. 589 с.
102. Прокурорский надзор в суде первой инстанции по уголовным делам / Под общ. ред. П.И. Кудрявцева. М.: Юрид. лит., 1978. 152 с.
103. Рахунов Р.Д. Прокурорский надзор за законностью рассмотрения в судах уголовных дел / Р.Д. Рахунов, И.Г. Сапожников, Л.М. Козак, М.Г. Коршик. М.: Госюриздат, 1963. 324 с.
104. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 343 с.
105. Савицкий В.М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М.: Наука, 1975. 383 с.
106. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: Судостройство — судопроизводство. 3-е изд., перед. и доп. СПб.: Тип. М.М. Стаколевича, 1910. 664 с.
107. Смирнов А.В. Уголовный процесс: Учебник для вузов. Изд. 2-е / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; Под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2006. 699 с.
108. Спиркин А.Г. Философия. М.: Гардарика, 2000. 368 с.
109. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. 470 с.
110. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1970. Т. 2. 516 с.
111. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 191 с.
112. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Изд-во Гос. Канц., 1866. Ч. II. 504 с.
113. Таранов П.С. Философская афористика. М.: Остожье, 1996. 574 с.
114. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.

115. Трикс А.В. Справочник прокурора. СПб.: Питер Пресс, 2007. 240 с.
116. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. 325 с.
117. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М.: Юрист, 2004. 511 с.
118. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель / Авт. кол.: Г.Н. Ветрова, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Корневский и др.; под ред. В.М. Савицкого. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1990. 317 с.
119. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. И.Л. Петрухин. 2-е изд., перераб и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2006. 664 с.
120. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: Юристъ, 2004. 798 с.
121. Уголовный процесс: Учебник / Под ред. И.Л. Петрухина. М.: Проспект, 2001. 520 с.
122. Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий. Вып. III. Ст.ст. 249—594 / Авт. кол.: А.Ф. Кони, В.К. Случевский, Н.С. Таганцев и др.; под общ. ред. М.Н. Гернета. М.: Изд. М.М. Зива, 1914. 944 с.
123. Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий. Вып. V. Ст.ст. 765—999 / Авт. кол.: А.Ф. Кони, В.К. Случевский, Н.С. Таганцев и др.; под общ. ред. М.Н. Гернета. М.: Изд. М.М. Зива, 1916. 1594 с.
124. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции / Сост. М.П. Шрамченко, В.П. Ширков. Изд. 7-е, испр. и доп. СПб.: Изд. юрид. Книж. Маг. Н.К. Мартынова, 1916. 1412 с.
125. Фаткуллин Ф.Н. Изменение обвинения. М.: Юрид. лит., 1971. 164 с.
126. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1963. 171 с.

127. *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1965. 532 с.
128. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1888. Том II. 307 с.
129. *Цыпкин А.Л.* Право на защиту в советском уголовном процессе. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1959. 337 с.
130. *Чельцов М.А.* Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 624 с.
131. *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. 846 с.
132. *Шифман М.Л.* Прокурор в уголовном процессе. М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 248 с.
133. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1963. 172 с.

Научные статьи, тезисы докладов

134. *Александров А.С.* Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. 2000. № 3. С. 75—83.
135. *Аликперов Х.* Государственное обвинение: нужна реформа // Законность. 2000. № 12. С. 2—4.
136. *Аликперов Х.* О процессуальной фигуре государственного обвинителя // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 45—47.
137. *Амирбеков К.* Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 8. С. 31—32.
138. *Андреев В.А.* Процессуальные аспекты отказа от обвинения и изменения обвинения государственным обвинителем // Российский судья. 2008. № 2. С. 28—31.
139. *Багаутдинов Ф.* Последствия отказа прокурора от обвинения в суде / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 40—41.

140. *Баксалова А.М.* Характер деятельности прокурора в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 7. С. 38—40.
141. *Барabanov П.К.* Реализация потерпевшим права на поддержание обвинения по делам публичного (частно-публичного) обвинения // Мировой судья. 2006. № 4. С. 8—12.
142. *Барabanov А.С.* Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44—47.
143. *Бояров С.* Отказ прокурора от обвинения // Уголовный процесс. 2005. № 4. С. 58—59.
144. *Брагин А.* Прокурор в уголовном процессе / А. Брагин, П. Чеурин // Законность. 2004. № 4. С. 26—28.
145. *Васильев А.В.* Реализация принципа состязательности и суд присяжных в уголовном процессе России // Сибирский юридический вестник. 1998. № 2. С. 69—73.
146. *Волосова Н.* Об институте сообвинения // Российская юстиция. 1998. № 4. С. 11.
147. *Гатауллин З.Ш.* Участие прокурора в предварительном слушании как форма подготовки к поддержанию государственного обвинения // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 263—265.
148. *Гибдуллин А.* Отказ прокурора от государственного обвинения / А. Гибдуллин, З. Гатауллин // Законность. 2007. № 8. С. 50—52.
149. *Говорков Н.* Дважды потерпевший // Законность. 2004. № 9. С. 38—39.
150. *Голосова С.А.* Проблема соблюдения прав потерпевшего в случае отказа прокурора от обвинения // Юрист. 2003. № 8. С. 48—50.
151. *Горбеев В.* О соблюдении интересов правосудия при отказе государственного обвинителя от обвинения // Уголовное право. 2006. № 1. С. 77—78.
152. *Громов Н.А.* Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. 1997. № 7. С. 33—40.

153. *Давыдов П.* Обвинение и его изменение при разбирательстве дела в суде // Советская юстиция. 1968. № 8. С. 20—24.
154. *Дембо Л.И.* О принципах построения системы права // Сов. гос-во и право. 1956. № 8. С. 88—98.
155. *Демидов В.* Обеспечить положение потерпевшего реальными правами // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 20—21.
156. *Демидов И.* Отказ прокурора от обвинения / И. Демидов, А. Тупшев // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 25—27.
157. *Емельянова И.В.* Внутреннее убеждение государственного обвинителя // Суд и применение закона: сб. статей. М.: Изд-во Инт-та гос-ва и права Акад. наук СССР, 1982. С. 145—148.
158. *Ермакова Т.А.* Государственное обвинение // Закон и право. 2008. № 5. С. 75—76.
159. *Ефимичев С.П.* Вопросы законности, обоснованности и справедливости приговора и решений судов кассационной и надзорной инстанции / С.П. Ефимичев, М.В. Шаруева // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 30—39.
160. *Ефимичев С.П.* Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 56—65.
161. *Зеленин С.* Зависимость суда от позиции прокурора // Законность. 2001. № 5. С. 14—16.
162. *Зеленин С.Р.* Значение мнения потерпевшего при отказе прокуратуры от обвинения // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 97—103.
163. *Зозулинский А.Б.* Отказ прокурора от обвинения и его правовые последствия // Советское государство и право. 1978. № 7. С. 137—140.
164. *Иванов В.В.* Обеспечение прав потерпевшего при отказе прокурора от уголовного преследования по делам публичного обвинения // Проблемы обеспечения прав участников процесса по Новому Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф., г. Самара, 18—19 декабря 2002 г. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2003. С. 225—231.

165. *Казанцев А.А.* Прекращение уголовного преследования в суде ввиду отказа прокурора от поддержания государственного обвинения // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 9 (приложение). С. 41—43.
166. *Кальницкий В.В.* Высказанная обвинителем позиция предопределяет пределы судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 34—35.
167. *Карнеева Л.* Прекращение уголовного дела за отсутствием состава и события преступления // Социалистическая законность. 1970. № 5. С. 53—54.
168. *Кириллова Н.П.* Институт поддержания обвинения в России и за рубежом: перспективы развития // Известия вузов. Правоведение. 2003. № 4. С. 140—154.
169. *Кобзарь В.* Отказ прокурора от обвинения // Законность. 2001. № 4. С. 24—26.
170. *Кобзарев Ф.* Прокуроры и судьи о взаимодействии в сфере уголовного судопроизводства // Законность. 2006. № 8. С. 37—40.
171. *Колоколов Н.А.* Обвинение — не гипотеза // ЭЖ-Юрист. 2006. № 12. С. 9.
172. *Колоколов Н.А.* Обвинение и защита в российском уголовном процессе: Баланс интересов — иллюзия или реальность // Уголовное судопроизводство. 2006. № 1. С. 2—8.
173. *Копытов И.* Поддержание в суде государственного обвинения — простая формальность? // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 41—43.
174. *Корневский Ю.* Государственное обвинение: какая нужна реформа? // Законность. 2001. № 4. С. 31—35.
175. *Королев Г.Н.* О соотношении понятий «уголовное преследование» и «обвинение» в уголовно-процессуальном праве и теории уголовного процесса // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 235—239.
176. *Коссов И.А.* Судебная реформа 1922 г. и российское уголовно-процессуальное законодательство // Судебная защита прав и законных интересов гражданских и юридических лиц: Доклады и сообщения II Всерос.

- межвуз. науч.-практич. конф. Москва, 18 декабря 2001 г. [Электронный документ] // Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Sudebnaya/kossov.html>, свободный. — Загл. с экрана.
177. *Крюков В.Ф.* Уголовное преследование и прокуратура // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 31—34.
178. *Крюков В.Ф.* Уголовное преследование как одно из проявлений уголовно-процессуальной функции обвинения // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 51—54.
179. *Кузнецова Н.В.* Проблемы частичной реабилитации при наличии совокупности преступлений или изменения обвинения в сторону смягчения // Вестник Российской правовой академии. 2005. № 1. С. 57—59.
180. *Кузнецова О.Д.* Тактика ведения защиты и поддержания обвинения в суде первой инстанции // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 38—47.
181. *Куленко О.И.* Теоретический аспект отказа прокурора от обвинения в уголовном процессе // Вестник Челяб. ун-та. Серия-9. Право. 2002. № 1(3). С. 106—112.
182. *Куссмауль Р.* Всякое прекращение уголовного преследования — реабилитирует // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 45.
183. *Кухлевская Т.* Отказ прокурора от обвинения и оправдательный приговор // Советская юстиция. 1993. № 12. С. 25—26.
184. *Ларин А.* Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям // Социалистическая законность. 1978. № 1. С. 57—58.
185. *Леви А.* Отказ государственного обвинителя от обвинения // Законность. 2006. № 6. С. 41—43.
186. *Либус И.А.* Основания оправдания в уголовном процессе / И.А. Либус, Г.М. Резник // Советская юстиция. 1974. № 12. С. 7—12.
187. *Либус И.А.* Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел (оправдание) // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 62—70.
188. *Лукашевич В.З.* Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования по реабилитирующим основаниям // Известия вузов. Правоведение. 1968. № 4. С. 50—58.

189. *Лукожев Х.М.* Отказ государственного обвинителя от обвинения в суде по УПК Российской Федерации // Российский судья. 2005. № 8. С. 9—12.
190. *Макаров С.Д.* Изменение квалификации преступлений в судебном разбирательстве // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 1. С. 324—325.
191. *Маршунов М.Н.* Материальные и процессуальные аспекты прекращения уголовного дела ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса: межвуз. сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1988. С. 104—108.
192. *Мотовиловкер Я.О.* Основания прекращения уголовного дела по реабилитирующим мотивам // Советское государство и право. 1972. № 9. С. 87—94.
193. *Нажимов В.П.* Об уголовно-процессуальных функциях // Известия вузов. Правоведение. 1973. № 5. С. 73—82.
194. *Пашин С.А.* Предисловие // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ. Сб. статей / Под ред. С.А. Пашина. 2-е изд., доп. М.: Р. Валент, 2000. 96 с.
195. *Пашков С.Ю.* Прекращение уголовного дела или уголовного преследования судом первой инстанции ввиду отказа государственного обвинителя от поддержания обвинения // Российский следователь. 2005. № 12. С. 26—28.
196. *Петраков С.В.* Научные и практические доводы за право прокурора на отказ от обвинения / С.В. Петраков, М.П. Поляков // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 11—14.
197. *Петрова Н.* Частный интерес в уголовном процессе защищен не в полной мере // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 37—38.
198. *Петрухин И.Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России // Государство и право. 2002. № 5. С. 17—29.
199. *Пешков М.* Государственный обвинитель в уголовном процессе США // Законность. 1998. № 1. С. 52—56.

200. *Полянский Н.Н.* К вопросу о праве частных лиц на субсидиарное обвинение // Юридический вестник. 1914. № 6. С. 142—163.
201. Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Государственно-правового управления Президента Российской Федерации // Российская юстиция. 1994. № 9. С. 2—92.
202. Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Министерства юстиции Российской Федерации // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 35—63.
203. *Савицкий В.М.* По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию // Советское государство и право. 1965. № 9. С. 48—56.
204. *Савицкий В.М.* Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // Правоведение. 1972. № 1. С. 70—79.
205. *Самович Ю.В.* К вопросу об ограничении права индивида на судебную защиту: Практика Европейского Суда по правам человека и Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2006. № 1. С. 103—109.
206. *Скворцов Н.* Оправдание за неустановлением события преступления // Советская юстиция. 1970. № 10. С. 9.
207. *Смирнов А.В.* Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 145—155.
208. *Стойко Н.Г.* Понятие недоказанности в уголовном процессе // Известия вузов. Правоведение. 1980. № 4. С. 84—88.
209. *Тетерина Т.* Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 37—38.
210. *Туленков Д.П.* Внутреннее убеждение как критерий истины в уголовном процессе // Российский судья. 2007. № 2. С. 29—32.
211. *Тырин А.В.* Осуществление прокурором преследования в стадии предварительного слушания / А.В. Тырин, Н.А. Лукичев, Н.А. Громов // Следователь. 2002. № 6. С. 12—13.

212. *Улиценко М.Б.* Функции и дисфункции в уголовном процессе // Сб. докладов теоретич. конф. асп-ов ИГП РАН и МГЮА. М.: Изд-во ИГП РАН, 1995. С. 99—104.
213. *Фоменко А.Н.* Отказ от обвинения и права потерпевшего // Уголовный процесс. 2005. № 12. С. 24—28.
214. *Холоденко В.* Учет мнения потерпевшего и его представителя при изменении обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 49—50.
215. *Шадрина Е.Г.* К вопросу о структуре обвинения // Следователь. Федеральное издание. 2008. № 2 (118). С. 34—38.
216. *Шадрина Е.Г.* Особенности изменения обвинения прокурором при изучении материалов уголовного дела // Закон и право. 2008. № 5. С. 76—78.
217. *Шадрина Е.Г.* Сущность и пределы государственного обвинения по УПК РФ // Право и политика. 2008. № 1. С. 133—139.
218. *Шимановский В.В.* Недоказанность участия лица в совершении преступления как процессуальное основание для прекращения уголовного дела // Известия вузов. Правоведение. 1986. № 1. С. 84—88.
219. *Шимановский В.В.* Прекращение дела ввиду недоказанности участия в совершении преступления // Социалистическая законность. 1985. № 10. С. 56—57.
220. *Щербаков Ю.* Отказ прокурора от обвинения: последствия для потерпевшего // Законность. 2002. № 2. С. 29—31.
221. *Яковлев Н.М.* Ограничение прав потерпевших на свободный доступ к правосудию // Журнал российского права. 2005. № 5. С. 71—79.
222. *Якушев В.С.* О понятии правового института // Известия вузов. Правоведение. 1970. № 6. С. 61—67.

Диссертации и авторефераты

223. *Абрамов А.В.* Оправдание в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005. 206 с.

224. *Баксалова А.М.* Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Томск: Том. гос. ун-т, 2002. 209 с.
225. *Безлепкин Б.Т.* Вопросы реабилитации на предварительном следствии в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: Высш. шк. МВД СССР, 1972. 16 с.
226. *Букша Н.Ю.* Назначение института прекращения уголовного дела и уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар: Краснодар. акад. МВД России, 2005. 206 с.
227. *Дупак Н.Ю.* Проблемы реализации государственного обвинения в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2005. 19 с.
228. *Землянухин А.В.* Отказ от обвинения в системе уголовно-процессуальных актов: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов: Сарат. гос. акад. права, 2005. 190 с.
229. *Кириллова Н.А.* Отказ государственного обвинителя от обвинения: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2007. 195 с.
230. *Колташников В.М.* Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2006. 21 с.
231. *Колташников В.М.* Теоретические и практические вопросы участия государственного обвинителя в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2006. 183 с.
232. *Колузакова Е.В.* Участие потерпевшего, его представителя в уголовном преследовании по делам публичного обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2008. 34 с.
233. *Корнеев О.А.* Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск: Южно-Урал. гос. ун-т, 2005. 244 с.

234. *Крюков В.Ф.* Отказ прокурора от государственного обвинения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. 28 с.
235. *Кулик Н.В.* Осуществление прокурором доказывания на предварительном слушании: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2006. 194 с.
236. *Курохтина Е.С.* Деятельность прокурора по обеспечению рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2006. 210 с.
237. *Кучин А.Ф.* Правовой механизм публичного уголовного преследования: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2005. 193 с.
238. *Лифанова Л.Г.* Прекращение уголовного преследования за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Акад. управления МВД России, 2005. 182 с.
239. *Маслова Д.А.* Возбуждение и поддержание государственного обвинения в российском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2008. 22 с.
240. *Семенов М.Э.* Проблемы уголовного преследования, осуществляемого прокурором в суде: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 2001. 26 с.
241. *Сидоренко Е.В.* Правовые проблемы определения роли и процессуального положения прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2001. 23 с.
242. *Сидоренко Е.В.* Правовые проблемы определения роли и процессуального положения прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2001. 228 с.
243. *Татьянин Д.В.* Реабилитация в уголовном процессе России (Понятие, виды, основания, процессуальный порядок): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Ижевск: Удмуртск. гос. ун-т, 2005. 264 с.

244. *Телятников В.И.* Проблемы формирования внутреннего убеждения судьи в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прок. РФ, 2003. 25 с.
245. *Ульянов В.Г.* Государственное обвинение в российском уголовном судопроизводстве (процессуальные и криминалистические аспекты): Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002. 390 с.
246. *Фоменко А.Н.* Защита прокурором прав и законных интересов потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. 26 с.
247. *Халиулин А.Г.* Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Ген. прок. РФ, 1997. 36 с.
248. *Шевчук В.Б.* Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб.: С.-Петербург. гуманит. ун-т, 2004. 186 с.
249. *Щемеров С.А.* Участие прокурора в стадии судебного разбирательства уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2007. 28 с.
250. *Ягофаров Ф.М.* Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Оренбург: Оренб. гос. аграрн. ун-т, 2003. 149 с.

Словари, энциклопедии, справочники

251. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
252. Толковый словарь русского языка. В 3 т. / Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книг. Т. 3. 672 с.

253. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

3. Судебная практика

254. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 25 декабря 2006 г. № 36-Д06-29 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
255. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 13 июня 2006 г. № 14-О06-18 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
256. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 мая 2006 г. № 9-О06-21 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
257. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 31 марта 2006 г. № 88-О05-54 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
258. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 марта 2006 г. № 47-О06-6 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
259. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 февраля 2005 г. № 72-О04-70 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
260. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2003 г. № 3-о03-33 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
261. Архив Иркутского областного суда, 2005. Уголовное дело № 22-4790-05.
262. Архив Иркутского областного суда, 2005. Уголовное дело № 22-1150-05.
263. Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-130-04.

264. Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-47-2004.
265. Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-35-2004.
266. Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-19-04.
267. Архив Иркутского областного суда, 2004. Уголовное дело № 2-2-04.
268. Архив Иркутского областного суда, 2003. Уголовное дело № 2-313-2003.
269. Архив Ангарского городского суд Иркутской области, 2006. Уголовное дело № 1-47-06.
270. Архив Братского районного суда Иркутской области, 2004. Уголовное дело № 1-72-2004.
271. Архив Черемховского городского суда Иркутской области, 2007. Уголовное дело № 1-49/07.

Приложение 1

Проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования правовой регламентации отказа государственного обвинителя от обвинения)

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921) следующие изменения и дополнения:

- 1) статью 22 дополнить частью 2 следующего содержания:
«2. Отказ государственного обвинителя от обвинения не лишает потерпевшего права поддерживать обвинение»;
- 2) часть 2 статьи 42 дополнить пунктом 161 следующего содержания:
«161) заявлять возражения против отказа государственного обвинителя от обвинения»;
- 3) часть 1 статьи 43 после слов «обвинение в суде» дополнить словами «, а также потерпевший по делам публичного и частно-публичного обвинения, самостоятельно поддерживающий обвинение в суде в случае отказа государственного обвинителя от обвинения»;
- 4) часть 5 статьи 236 после слова «прокурор» дополнить словами «заявляет частичный отказ от обвинения либо»;
- 5) в статье 239:
часть первую после слов «уголовного дела» дополнить словами «или уголовного преследования»;
часть вторую после слов «уголовное дело» дополнить словами «или уголовное преследование»;

из пункта первого части третьей исключить слово «и»;
часть четвертую после слов «уголовного дела» дополнить словами «или уголовного преследования».

б) в части седьмой статьи 246:

в предложении первом:

слова «предъявленное подсудимому обвинение» заменить словами «наличие события преступления, наличие в действиях подсудимого состава преступления либо причастность подсудимого к совершению преступления»;

слова «отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа» заменить словами «письменно отказывается от обвинения с изложением мотивов отказа»;

предложение второе изложить в следующей редакции: «При отсутствии возражений потерпевшего против полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения суд прекращает уголовное дело или уголовное преследование полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего кодекса»;

добавить предложение третье следующего содержания: «При возражении потерпевшего против полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения государственный обвинитель освобождается от поддержания обвинения полностью или в соответствующей его части, а дальнейшее поддержание обвинения осуществляется потерпевшим с обязательным участием представителя».

7) в части восьмой статьи 246:

исключить слова «в сторону смягчения»;

пункт первый после слов «отягчающих наказание» дополнить словами «либо переквалификации деяния на другой признак преступления, не отягчающий наказание»;

пункт третий после слов «более мягкое» дополнить словами «или такое же»;

дополнить пунктом четвертым следующего содержания:

«включения в юридическую квалификацию ссылки на норму Уголовного кодекса Российской Федерации, смягчающую наказание»;

дополнить предложением вторым следующего содержания:

«Изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения влечет за собой принятие судом решения об изменении пределов судебного разбирательства в соответствующей части».

8) статью 246 дополнить частью 81 следующего содержания:

«81. Государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также внести в формулировку обвинения исправления, не касающиеся изменения его сущности, объема и юридической квалификации»;

9) в статье 249:

часть вторую дополнить предложением вторым следующего содержания:

«Явка потерпевшего обязательна в судебное заседание, следующее за отказом государственного обвинителя от обвинения, о чем потерпевший извещается судом не менее чем за 10 суток»;

дополнить частью четвертой следующего содержания:

«4. Участие представителя потерпевшего в судебном разбирательстве обязательно при поддержании обвинения потерпевшим в случае отказа государственного обвинителя от обвинения. Если представитель потерпевшего участвует в судебном разбирательстве по назначению суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета»;

10) в статье 254:

название статьи после слов «уголовного дела» дополнить словами «или уголовного преследования»;

предложение первое после слов «уголовное дело» дополнить словами «или уголовное преследование».

Статья 2. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации

Москва, Кремль

«__» _____ 20__ г.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
об изменении пределов судебного разбирательства
в связи с изменением государственным обвинителем
обвинения в сторону смягчения**

_____ г.
(место составления)

Судья _____
(наименование суда, фамилия, инициалы судьи)

с участием государственного обвинителя _____
(наименование органа прокуратуры,

фамилия, инициалы прокурора)

обвиняем _____ (подсудим _____)
(фамилия, инициалы)

защитника _____
(фамилия, инициалы)

представившего удостоверение № _____ и ордер _____,

присекретаре _____
(фамилия, инициалы)

а также _____
(процессуальное положение, фамилия, инициалы иных участников)

рассмотрев материалы уголовного дела в отношении _____
(фамилия, инициалы)

обвиняем _____ в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ,

УСТАНОВИЛ:

В ходе _____
(предварительного слушания, судебного разбирательства)

государственный обвинитель _____ изменил обвинение,

(фамилия, инициалы)

предъявленное _____
(фамилия, инициалы)

на обвинение в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ
на основании _____ части восьмой статьи 246 УПК РФ.
(указать пункт)

На основании изложенного и руководствуясь ч. 8 ст. 246 УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Изменить пределы судебного разбирательства в отношении _____

(фамилия, инициалы)

в соответствии с измененным государственным обвинителем обвинением в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ.

2. Мера пресечения _____ отменить.
(какую именно) (фамилия, инициалы)

3. Вещественные доказательства _____
(какие именно и суть принятого решения)

Настоящее постановление может быть обжаловано в _____
в течение 10 суток со дня его вынесения.
(наименование вышестоящего суда)

Судья

(подпись)

**ОТКАЗ
от обвинения**

_____ г.

(место составления)

Государственный обвинитель _____

(наименование органа прокуратуры, фамилия, инициалы прокурора)

поддерживающий обвинение по уголовному делу № _____,
находящемуся в производстве _____ суда,
(наименование суда)

в отношении _____
(фамилия, инициалы подсудимого)

обвиняем _____ в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ,
(указываются все преступления, по которым обвиняется подсудимый)

пришел к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают
предъявленное подсудимому _____ обвинение
(фамилия, инициалы)

в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ,

по следующим мотивам: _____
(излагаются мотивы и основания отказа от обвинения)

На основании изложенного и руководствуясь частью 7 статьи 246 УПК
РФ, отказываюсь от обвинения подсудимого _____
(фамилия, инициалы)

в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ.

Государственный обвинитель _____

(подпись)

Приложение 4

Граждан _____
 (фамилия, имя, отчество лица,
 которому направляется извещение)
 Почтовый адрес _____

ИЗВЕЩЕНИЕ

потерпевшего об отказе государственного обвинителя от обвинения

По уголовному делу № _____, находящемуся в
 производстве _____ суда,
 (наименование суда)

в отношении _____,
 (фамилия, инициалы подсудимого(ых))

обвиняем _____ в совершении преступлен _____, предусмотрен _____
 (указываются

все преступления, по которым обвиняется(ются) подсудимый(ые))

государственный обвинитель _____
 (наименование органа прокуратуры, фамилия, инициалы прокурора)

отказался от обвинения подсудимого _____
 (фамилия, инициалы)

в совершении преступлен _____, предусмотрен _____ УК РФ,

по следующим мотивам: _____
 (излагаются мотивы и основания отказа от обвинения)

В связи с отказом государственного обвинителя от обвинения Вы имеете право заявить возражения в письменном виде. В случае заявления возражений в соответствии с пунктом 161 части 2 статьи 42 УПК РФ поддержание обвинения _____

(фамилия, инициалы подсудимого(ых))

в совершении преступлен _____, предусмотрен _____ УК РФ, возлагается на Вас и(или) Вашего представителя, участие которого в таком случае обязательно.

В качестве представителей потерпевшего на основании части 1 статьи 45 УПК РФ могут быть адвокаты, а по постановлению мирового судьи могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший.

Потерпевшим, которые в силу тяжелого имущественного положения не могут воспользоваться услугами адвоката, представитель назначается судом. В этом случае расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета.

Обвинение могут поддерживать несколько потерпевших и(или) их законных представителей. Если в ходе судебного разбирательства обнаружится невозможность дальнейшего участия представителя потерпевшего, то он может быть заменен. Вновь вступившему в судебное разбирательство представителю суд предоставляет время для ознакомления с материалами уголовного дела и подготовки к участию в судебном разбирательстве. Замена представителя не влечет за собой повторения действий, которые к тому времени были совершены в ходе судебного разбирательства. По ходатайству представителя суд может повторить допросы свидетелей, потерпевших, экспертов либо иные судебные действия.

При поддержании обвинения, от которого отказался государственный обвинитель, в судебном заседании потерпевший и(или) его представитель пользуются правами, предусмотренными частью 5 статьи 246 УПК РФ:

- 1) представляет доказательства и участвует в их исследовании;
- 2) излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства;

3) высказывает суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания.

Возражения против отказа государственного обвинителя от обвинения могут быть поданы в течение 10 суток со дня получения настоящего извещения в _____ суд по адресу:
(наименование суда)

Судья _____
(подпись)

Настоящее извещение мне вручено " ____ " _____ 200 ____ г.

Потерпевш _____
(подпись)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
о прекращении уголовного дела (уголовного преследования)
в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения

_____ " ____ " _____ г.
(место составления)

Судья _____
(наименование суда, фамилия, инициалы судьи)

с участием государственного обвинителя _____
(наименование органа прокуратуры,

_____ фамилия, инициалы прокурора)

потерпевш _____
(фамилия, инициалы)

представителя потерпевш _____
(фамилия, инициалы)

обвиняем _____ (подсудим _____)
(фамилия, инициалы)

защитника _____
(фамилия, инициалы)

представившего удостоверение № _____ и ордер _____,

присекретаре _____
(фамилия, инициалы)

а также _____
(процессуальное положение, фамилия, инициалы иных участников)

рассмотрев материалы уголовного дела № _____ в отношении _____
(фамилия, инициалы)

обвиняем _____ в совершении преступлен _____, предусмотрен _____ УК РФ,

(указываются все преступления,
_____ по которым обвиняется(ются) подсудимый(ые))

УСТАНОВИЛ:

В ходе _____
(предварительного слушания, судебного разбирательства)

государственный обвинитель отказался от обвинения _____
(фамилия, инициалы)
в совершении преступлен____, предусмотрен _____ УК РФ,

по следующим мотивам: _____
(излагаются мотивы и основания отказа от обвинения)

В связи с отказом государственного обвинителя от обвинения были исследованы значимые для этого материалы уголовного дела и заслушаны мнения участников судебного заседания. От потерпевшего возражений против отказа государственного обвинителя от обвинения не поступило.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 246 и 239 (254) УПК РФ,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Прекратить _____
(уголовное дело (уголовное преследование))

в отношении _____
(фамилия, инициалы)

обвиняем__ в совершении преступлен__, предусмотрен _____ УК РФ,
на основании _____ УПК РФ.
(указать пункт, часть, статью)

2. Признать в соответствии со ст. 134 УПК РФ за _____
(фамилия, инициалы)

право на реабилитацию и разъяснить ему порядок возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

3. Меру пресечения _____ отменить.
(какую именно) (фамилия, инициалы)

4. Иные меры _____ отменить¹.
(какие именно)

5. Вещественные доказательства _____
(какие именно и суть принятого решения)

Настоящее постановление может быть обжаловано в _____
_____ в течение 10 суток со дня его вынесения.
(наименование вышестоящего суда)

Судья _____
(подпись)

¹ Данная графа заполняется в случае, если были применены иные процессуальные меры, указанные в п. 2 части третьей ст. 239 УПК РФ.

Оглавление

Предисловие	3
Глава I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ И НАУЧНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	6
§1. Возникновение правовых положений об отказе государственного обвинителя от обвинения в российском уголовном судопроизводстве дореволюционного периода	6
§2. Становление учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в советский период	27
§3. Развитие учения об отказе государственного обвинителя от обвинения в период разработки УПК РФ	49
Глава II. ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ КАК СУБИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	65
§1. Сущность отказа государственного обвинителя от обвинения	65
§2. Понятие отказа государственного обвинителя от обвинения	88
§3. Виды отказа государственного обвинителя от обвинения	113
Глава III. ПОРЯДОК ОТКАЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ	130
§1. Общие условия отказа государственного обвинителя от обвинения	130
§2. Процессуальный момент и процессуальная форма отказа государственного обвинителя от обвинения	151

§3. Правовые последствия отказа государственного обвинителя от обвинения	171
Заключение	196
Библиография	200
Приложения	225

Рукавишников Павел Павлович

**ОТКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Лицензия ЛР № 066272 от 14 января 1999 г.
Сдано в набор 17.09.2009 г. Подписано в печать 15.10.2009 г.
Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,0.
Тираж 3000 экз. (1 завод — 1000 экз.) Заказ 3864—09.

ООО Издательство «Юрлитинформ»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6.

Отпечатано в ОАО «12 ЦТ»
119019, г. Москва, Староваганьковский пер., д. 17
Тел.: 6977348

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей книги
серии «Библиотека криминалиста»**

Каширский С.В. Квартирные кражи и их предупреждение

Ведищев Н.П. Возобновление производства по уголовному делу
виду новых или вновь открывшихся обстоятельств в системе уго-
ловного судопроизводства России

Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления

Пикалов И.А. Проблемы соответствия превентивного лишения сво-
боды отдельным принципам уголовного судопроизводства

Карякин Е.А. Теоретические и практические проблемы формирова-
ния истины по уголовному делу в суде первой инстанции

Дементьев В.В., Степанов В.В. Инсценировка преступления: сущность
и методы раскрытия

Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений

Гарбатович Д.А. Квалификация уголовно-правовых деяний по субъ-
ективной стороне

Шульга А.В. Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности

Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности

Гармаев Ю.П., Шашин Д.Г. Особенности криминалистической методики расследования и поддержания
государственного обвинения по уголовным делам
о незаконном сбыте наркотиков

Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение
в доказывании по уголовному делу

Профатилова Н.В. Оценка следователем достаточности
доказательств при принятии основных процессуаль-
ных решений по уголовным делам

**Заявки на приобретение издаваемой нами литературы,
а также отзывы о ней, свои предложения и рекомендации
о необходимой тематике направляйте по адресу:**

**119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6
000 Издательство «Юрлитинформ»**

тел. (495) 697-77-45, тел/ факс (495) 697-16-13

E-mail: zakaz@urlit.ru

ISBN 978-5-93295-569-7

9 785932 955697 >